ISSN 2222-9175

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 2(62)
2026

ВЕСТНИК

БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 2(62)
2026

BULLETIN

OF THE BURYAT SCIENTIFIC CENTER OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 2(62)
2026

Научный журнал
ВЕСТНИК БНЦ СО РАН

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Главный редактор
академик РАН Б. В. Базаров

Редакционный совет

акад. РАН Б. В. Базаров (Улан-Удэ) – пред.
акад. РАН А. П. Деревянко (Новосибирск)
д.э.н., проф. З. Б.-Д. Дондоков (Улан-Удэ)
д.и.н., проф. Е. И. Зеленев (Санкт-Петербург)
акад. РАН Н. Н. Крадин (Владивосток)
чл.-кор. РАН В. А. Ламин (Новосибирск)
акад. РАН В. И. Молодин (Новосибирск)
акад. РАН В. В. Наумкин (Москва)
чл.-кор. РАН И. Ф. Попова (Санкт-Петербург)
акад. РАН А. К. Тулохонов (Улан-Удэ)
акад. АНМ Т. Дорж (Монголия)
д.филос.н., проф. Хун Сюпин (洪修平) (Китай)

Редакционная коллегия

д.филос.н., проф. Н. А. Абрамова (Чита)
д.и.н., проф. М. Н. Балдано (Улан-Удэ)
д.и.н. В. Ю. Башкуев (Улан-Удэ) – уч. секр.
д.и.н., проф. Ц. П. Ванчикова (Улан-Удэ)
д.филос.н., проф. М. Гантуяа (Монголия)
д.и.н., проф. Л. М. Дамешек (Иркутск)
д.соц.н. С. Г. Кирдина-Чэндлер (Москва)
д.и.н., проф. С. И. Кузнецов (Иркутск)
д.и.н., проф. Л. В. Курас (Улан-Удэ) – отв. ред.
д.филос.н., проф. С. Ю. Лепехов (Москва)
д.и.н., проф. Е. И. Лиштованный (Иркутск)
д.и.н. А. М. Плеханова (Улан-Удэ) – зам. отв. ред.
д.филос.н., проф. Л. Б. Четырова (Самара)
акад. АНМ С. Чулуун (Монголия)

Журнал включен в систему РИНЦ
Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-88315 от 14 октября 2024 г.

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» (Распоряжение Минобрнауки № 469-р от 25.12.2020)

Перечень научных специальностей и соответствующих им отраслей науки, по которым журнал принимает статьи к публикации:

5.6.1 – Отечественная история (исторические науки); 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.3 – Археология (исторические науки); 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.9 – Философия религии и религиоведение (философские науки)

ISSN 2222-9175

publisher.bscnet.ru

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, 2026
© Изд-во ИМБТ СО РАН, 2026

Scientific journal
BULLETIN OF THE BURYAT SCIENTIFIC CENTER OF SB RAS

Founder
Federal State Budgetary Institution of Science
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences

Editor-in-chief
Academician of the RAS B. V. Bazarov

Editorial board

Academician of the RAS B. V. Bazarov (Ulan-Ude) – chairman
Academician of the RAS A. P. Derevyanko (Novosibirsk)
D. Sc. in economics, Prof. Z. B.-D. Dondokov (Ulan-Ude)
D. Sc. in history, Prof. E. I. Zelenev (St. Petersburg)
Academician of the RAS N. N. Kradin (Vladivistok)
Corresponding member of the RAS V. A. Lamin (Novosibirsk)
Academician of the RAS V. I. Molodin (Novosibirsk)
Academician of the RAS V. V. Naumkin (Moscow)
Corresponding member of the RAS I. F. Popova (St. Petersburg)
Academician of the RAS A. K. Tulokhonov (Ulan-Ude)
Academician of the Mongolian Academy of Sciences T. Dorzh (Mongolia)
D. Sc. in philosophy, Prof. Hong Xiuping (洪修平) (China)

Editors

D. Sc. in philosophy, Prof. N. A. Abramova (Chita)
D. Sc. in history, Prof. M. N. Baldano (Ulan-Ude)
D. Sc. in history V. Yu. Bashkuev – scientific secretary (Ulan-Ude)
D. Sc. in history, Prof. Ts. P. Vanchikova (Ulan-Ude)
D. Sc. in philosophy, Prof. M. Gantuyaa (Mongolia)
D. Sc. in history, Prof. L. M. Dameshek (Irkutsk)
D. Sc. in sociology S. G. Kirdina-Chandler (Moscow)
D. Sc. in history, Prof. S. I. Kuznetsov (Irkutsk)
D. Sc. in history, Prof. L. V. Kuras (Ulan-Ude) – executive editor
D. Sc. in philosophy, Prof. S. Yu. Lepekhov (Moscow)
D. Sc. in history, Prof. E. I. Lishtovannyi (Irkutsk)
D. Sc. in history A. M. Plekhanova (Ulan-Ude) – deputy executive editor
D. Sc. in philosophy, Prof. L. B. Chetyrova (Samara)
Academician of the Mongolian Academy of Sciences S. Chuluun (Mongolia)

The journal is included into Russian Science Citation Index
The edition is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Mass media registration certificate ПИ № ФС77-88315 of 14 October 2024

The journal is listed among Russian peer-reviewed scientific journals approved by the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science for the publication of major scientific results of theses for academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences (Order of the Ministry of Education and Science No. 469-r of 18 December 2020)

The list of scientific disciplines and their corresponding branches of science, for which the journal accepts articles for publication:

5.6.1 – Russian history (historical sciences); 5.6.2 – World history (relevant period) (historical sciences); 5.6.3 – Archaeology (historical sciences); 5.6.5 – Historiography, Source Studies and Methods of Historical Research (historical sciences); 5.7.2 – History of philosophy (philosophical sciences); 5.7.9 – Philosophy of religion and religious studies (philosophical sciences)

ISSN 2222-9175

publisher.bscnet.ru

© Federal State Budgetary Institution of Science Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2026
© IMBTS SB RAS Press, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Археология

Дикий Я. В., Бальжанов Б. Л., Базаров Б. А. Археологические разведки 2024 г. на территории Республики Бурятия.....9
Симухин А. И. Археолого-геологическое обследование Мунгутского полиметаллического месторождения в Бурятии.....17

Отечественная история

Толмачев П. А. Новый взгляд на ранние российско-бурятские отношения: князец Куржум Бурлаев в период российской колонизации на Верхней Лене в 1641–1643 гг. 24
Нанзатов Б. З., Тишин В. В. Происхождение этнонима *соогол*.....30
Содномпилова М. М. Знаковые свойства элементов материальной культуры: *хубсар* в бурятской юрте.....35
Петрова Е. В., Петров В. Л. Принуждение старообрядцев Забайкалья к оплате натуральной руги причтам официальных православных церквей (XVIII–XIX вв.).....42
Зорихин А. Г. Польско-японское разведывательное сотрудничество против СССР в 1922–1939 гг. 48
Бреславский А. С., Мельникова Ю. А. «Селение требует постоянного управления»: о присвоении Хабаровску статуса города в 1880 г. 54
Дамешек Л. М. Сохранение этнокультурной самобытности бурятского народа в XXI в. в условиях трансформации российского общества. Ч. II.....59

Всемирная история

Гомбожапов А. Д. Буддизм как фактор новой идентичности в борьбе за централизацию власти в монгольском мире XVI в. 64
Базаров Б. В., Ванчикова Ц. П., Жабон Ю. Ж., Ринчинов О. С. «Атлас тибетской медицины»: историко-культурное значение, научная реконструкция и новое академическое издание.....71
Цыбенов Б. Д. К изучению истории новых баргутов (первая половина XX в.).....78

Историография. Источниковедение

Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В., Жамбалов Д. З. Источники по истории Селенгинской степной думы в первой половине XIX в. 83
Иванов А. А., Курас С. Л., Курас Т. Л. Журнал «Тюремный вестник» как источник по изучению благотворительной деятельности тюремного ведомства в Российской империи (вторая половина XIX в. –1917 г.).....90
Николаева Н. Н. Введение в научный оборот героико-эпических произведений бурят.....97
Зыков И. А., Жалсанова Б. Ц. Город Верхнеудинск в первые дни после начала Первой мировой войны (по дневникам верхнеудинского мещанина Николая Бурлакова).....103
Казарин В. Н. Оценки и перспективы индустриального освоения Восточной Сибири в научно-публицистической литературе рубежа 1920–1930-х гг. 110
Тимохин Д. М. Рассказ о камне дождя в персидском переводе сочинения Закарийи ал-Казвини «ʻАджāʼиб ал-махлӯкāт».....116
Цыренов Ч. Ц. «Правдивые записи о династии Цин» (Цин шилу): источниковедческий анализ и проблемы изучения.....122

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бухоголова М. Б., Батомункуева С. Р. Текстологическое описание тибетско-монгольского словаря Г.-Ж. Тугулдурова.....129
Миягашева С. Б. О выставке «Где скачут кони ветра: ксилография буддийских молитвенных флагов» в контексте изучения визуальных кодов буддизма.....135
Абаева Л. Л. Сандаловый Будда (Зандан Жуу) в контексте буддийского мировоззрения бурят. К 200-летию Эгитуйского дацана.....141

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Кушнарева Л. Л. ИМБТ СО РАН – 100 лет. Результаты научной деятельности. Издания Бурятского института общественных наук СО АН СССР (БИОН) и Бурятского института естественных наук СО АН СССР (БИЕН). Ч. III.....147
Орбодоева М. В. Философия истории Байкальского региона.....153

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Урбанаева И. С., Дебенова З. А. Прослеживая нити… 156

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Archaeology

Dikiy Ya. V., Balzhanov B. L., Bazarov B. A. Archaeological Surveys in 2024 in the Territory of the Republic of Buryatia.....9

Simuhin A. I. Archaeological and Geological Survey of the Mungutskoe Polymetallic Deposit in Buryatia.....17

Russian history

Tolmachev P. A. A New Look at the Early Russian-Buryat Relations: Prince Kurzhum Burlaev During the Period of Russian Colonisation on the Upper Lena, 1641–1643.....24

Nanzatov B. Z., Tishin V. V. The Origin of the Ethnonym *Sōgol*.....30

Sodnompilova M. M. Symbolic Properties of Elements of Material Culture: the *Khubsar* in a Buryat Yurt.....35

Petrova E. V., Petrov V. L. Forced Imposition of In-Kind Church Dues on the Old Believers of Transbaikalia for the Clergy of the Official Orthodox Churches (18th–19th Centuries).....42

Zorikhin A. G. Polish-Japanese Intelligence Cooperation against the USSR in 1922–1939.....48

A. S. Breslavsky A. S., Melnikova Yu. A. "The Settlement Requires Permanent Management": on the Awarding of City Status to Khabarovsk in 1880.....54

Dameshek L. M. Preservation of the Ethnocultural Identity of the Buryat People in the 21st Century in the Conditions of the Transformation of Russian Society.....59

World history

Gombozhapov A. D. Buddhism as an Element of New Identity in the Struggle for Power Centralization in the 16th-Century Mongol World.....64

Bazarov B. V., Vanchikova Ts. P., Zhabon Yu. Zh., Rinchinov O. S. "The Atlas of Tibetan Medicine": Historical and Cultural Context, Scholarly Reconstruction, and a New Academic Edition.....71

Tsybenov B. D. To Study the History of New Barguts (First Half of the 20th Century).....78

Historiography. Source Study

Zhalsanova B. Ts., Kuras L. V., Zhambalov D. Z. Sources on the History of the Selenginskaya Steppe Duma in the First Half of the 19th Century.....83

Ivanov A. A., Kuras S. L., Kuras T. L. The Journal "Prison Herald" as a Source for Studying of Charitable Activities of the Prison Department in the Russian Empire (Second Half of 19th Century – 1917).....90

Nikolaeva N. N. Introduction to Scientific Circulation Heroic Epic Works of the Buryats.....97

Zykov I. A., Zhalsanova B. Ts. The City of Verkhneudinsk in the First Days after the Outbreak of the First World War (Based on the Diaries of Verkhneudinsk Meshchanin Nikolay Burlakov).....103

Kazarin V. N. Estimates and Prospects of Industrial Development of Eastern Siberia in Scientific-Journalistic Literature of the Boundary of the 1920s – of 1930s.....110

Timokhin D. M. The Story of the Rain Stone in the Persian Translation of Zakariya al-Qazvini's Work "'Aja'ib al-mahluqat".....116

Tsyrenov Ch. Ts. "True Records of the Qing Dynasty" (Qing Shilu): Source Analysis and Problems of Study.....122

PHILOSOPHY

Bukhogolova S. B., Batomunkueva S. R. Textological Description of the Tibetan-Mongolian Dictionary of G.-Zh. Tuguldurov.....129
Miyagasheva S. B. About the Exhibition “Where the Horses of the Wind Race: Xilography of Buddhist Prayer Flags” in the Context of Studying the Visual Codes of Buddhism.....135
Abaeva L. L. Sandal Buddha (Zandan Zhuu) in the Context of the Buddhist Worldview of the Buryats. Toward the Bicentennial of the Egituysky Buddhist Monastery.....141

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Kushnareva L. L. IMBT SO RAN – 100 Years. Results of Scientific Activity. Publications of the Buryat Institute of Social Sciences of the USSR Academy of Sciences (BION) and the Buryat Institute of Natural Sciences of the USSR Academy of Sciences (BIEN). Part 3.....147
Orbodoeva M.V. Philosophy of the History of the Baikal Region.....153

SCIENTIFIC LIFE

Urbanaeva I. S., Debenova Z. A. Tracing the Threads… 156

УДК 902/904(571.54)
ББК 63.4(2Р54)
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-9-16

Я. В. Дикий, Б. Л. Бальжанов, Б. А. Базаров

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ 2024 г. НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Полевой сезон 2024 г. стал одним из наиболее результативных по количеству открытых и задокументированных археологических памятников. Всего выявлено и поставлено на государственную охрану 14 объектов археологического наследия, различающихся в типологическом и хронологическом отношении. Археологическими разведками были охвачены территории Прибайкальского, Селенгинского, Кяхтинского, Джидинского и Закаменского районов Республики Бурятия. Археологические изыскания 2024 г., продолжая исследования предыдущих лет, способствовали расширению источниковой базы и углублению представлений об освоенности территории региона в древности и Средневековье.

Ключевые слова: Республика Бурятия, археологическая разведка, неолит, поздний бронзовый век, эпоха Средневековья, объект археологического наследия, керексур, плиточная могила.

Ya. V. Dikiy, B. L. Balzhanov, B. A. Bazarov

ARCHAEOLOGICAL SURVEYS IN 2024 IN THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

The 2024 field season proved to be one of the most productive in terms of the number of newly discovered and documented archaeological sites. In total, 14 objects of archaeological heritage, diverse in typological and chronological respects, were identified and placed under state protection. Archaeological surveys covered the territories of the Pribaikalsky, Selenginsky, Kyakhtinsky, Dzhidinsky and Zakamensky districts of the Republic of Buryatia. The 2024 archaeological investigations, continuing the research of previous years, contributed to expanding the database and deepening the understanding of human occupation of the region's territory in prehistory and the Middle Ages.

Keywords: Republic of Buryatia, archaeological survey, Neolithic, Late Bronze Age, Middle Ages, object of archaeological heritage, khereksur, slab grave.

В 2024 г. археологическим отрядом Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН проведены археологические разведки в пяти административных районах Республики Бурятия. Археологические работы являлись продолжением изысканий предыдущих лет [Базаров, Миягашев, Дикий 2021; Дикий, Миягашев, Базаров 2023; Дикий и др. 2024].

Исследованиями была охвачена значительная по размеру территория, расположенная на стыке двух больших природных зон – Восточносибирской горно-таежной и Центральноазиатской степной. Типолого-функциональное разнообразие выявленных объектов археологического наследия в определенной степени коррелирует с вертикальной дифференциацией ландшафтов. В горно-таежной зоне Закаменского района и в зоне байкальского побережья Прибайкальского района обнаружены стоянки, в степной зоне Закаменского, Джидинского, Селенгинского и Кяхтинского районов выявлены по-

ДИКИЙ Ярослав Витальевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии и этнологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: yaroslavdikii@gmail.com.

БАЛЬЖАНОВ Батор Логинович – стажер-исследователь Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: bator.balzhanov@mail.ru.

БАЗАРОВ Биликто Александрович – научный сотрудник отдела археологии и этнологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: biliktobazarov@yandex.ru.

гребальные комплексы позднего бронзового – раннего железного века, эпохи Средневековья, а также раннего Нового времени (рис. 1). Существенным аспектом работ стало то, что процедура выявления коснулась известных по архивным данным памятников археологии в районе улуса Дутулур, продолжительное время остававшихся вне перечня выявленных объектов культурного наследия.

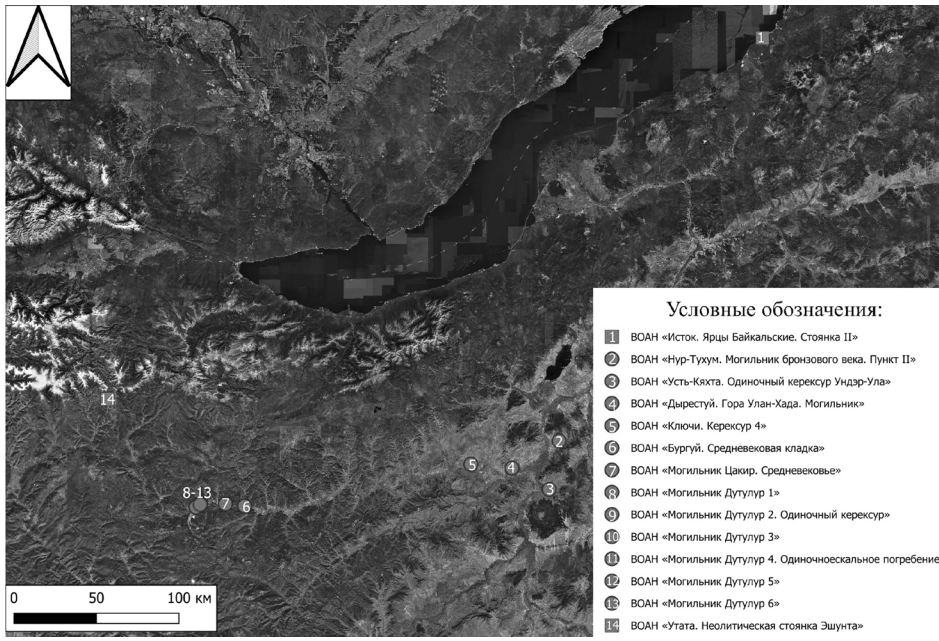

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников, выявленных в 2024 г.

1. Выявленный объект археологического наследия «Исток. Ярцы Байкальские. Стоянка II» находится в Прибайкальском районе Республики Бурятия, на восточном побережье оз. Байкал, к западу от с. Ярцы, на ровной площадке м. Песчаный, северо-восточнее известного памятника археологии «Исток. Ярцы Байкальские. Стоянка» [Лбова, Хамзина 1999: 144].

Подъемные сборы составили фрагмент керамического сосуда без орнамента и отщеп из яшмовидной породы зеленого цвета. В заложенной серии поисковых шурфов для определения границ территории памятника культурный материал был зафиксирован в двух из них. В одном найдены четыре фрагмента керамики, один из которых имеет орнаментацию в виде параллельно расположенных вертикальных оттисков (рис. 2). Подобную керамику можно типологически определить как керамику усть-бельского типа, встречающуюся в материалах широкого круга стоянок охотников-собирателей Предбайкалья, но крайне редко фиксируемую на побережье Байкала. Керамика соотносится со временем среднего неолита (~6,7–6,3 тыс. кал. л. н.) [Бердников 2024: 1641–1642]. Остальные три фрагмента представлены неорнаментированной гладкостенной керамикой. В другом шурфе обнаружен первичный скол подтреугольной формы, выполненный из кварцита.

2. Выявленный объект археологического наследия «Нур-Тухум. Могильник бронзового века. Пункт II» находится в Селенгинском районе Республики Бурятия, к юго-западу от улуса Нур-Тухум, рядом с ранее выявленными памятниками «Нур-Тухум. Могильник бронзового века» и «Нур-Тухум. Археологический комплекс (хуннский могильник и поселение)».

Могильник приурочен к западному склону горной гряды Обон-Тухум, вытянутой в меридиональном направлении. В составе могильника одна плиточная могила и пять керексуров. Надмогильная конструкция плиточной могилы разрушена, часть оградки сохранилась лишь с западной стороны. Ориентирована плиточная могила по линии восток – запад. Рядом с ней находится каменная кладка овальной в плане формы, ориентированная по линии восток – запад.

Керексур № 1 с квадратной оградкой хорошо выделяется на поверхности, высота насыпи – 0,4 м. Диаметр кургана – 8 м, длина оградки – 11 м. Керексур № 2 с квадратной оградкой, в насыпи которого фиксируется грабительская западина (высота – 0,5 м). Диаметр кургана составляет 11 м, длина оградки – 12 м. С южной и восточной сторон керексура расположено по одной сопроводительной кладке, их диаметр 3,5 м.

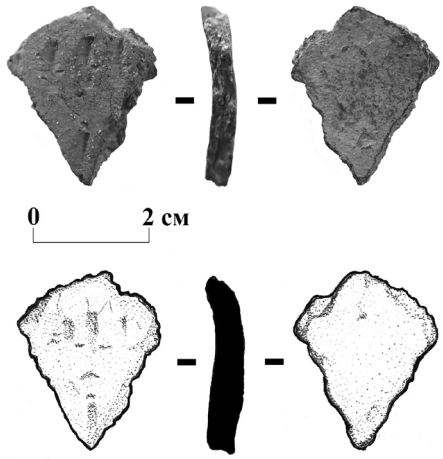

Рис. 2. Выявленный объект археологического наследия «Исток. Ярцы Байкальские. Стоянка II». Фрагмент керамического сосуда с орнаментом

Остальные керексуры не имеют внешних оградок и сопроводительных кладок. Диаметры их курганов составляют от 5,5 до 9 м. У керексура № 4 в центре насыпи фиксируется небольшая грабительская западина.

3. Выявленный объект археологического наследия «Усть-Кяхта. Одиночный керексур Ундэр-Ула» находится в Кяхтинском районе Республики Бурятия, северо-восточнее пос. Усть-Кяхта, на южном склоне горной гряды Ундэр-Ула, вытянутой в меридиональном направлении. Диаметр кургана – 9 м, оградки – 19 м. Внешняя круглая оградка хорошо сохранилась с западной, северной и восточной сторон. Высота каменной насыпи кургана – 0,3–0,4 м.

4. Выявленный объект археологического наследия «Дырестуй. Гора Улан-Хада. Могильник» находится в Джидинском районе Республики Бурятия, на левом берегу р. Джида, западо-юго-западнее улуса Дырестуй, на выположенной, несколько выпуклой поверхности делювиального шлейфа южной экспозиции. В составе могильника керексур и плиточная могила. Техническое состояние плиточной могилы неудовлетворительное, сохранились лишь западная и восточная поперечные стенки. Ее длина – 4,8 м, ширина – 2,3 м. Ориентирована по линии восток – запад. Курган керексура округлой формы без внешней оградки, диаметр кургана – 12 м. Высота насыпи кургана составляет 0,8 м. Сопроводительные кладки отсутствуют.

5. Выявленный объект археологического наследия «Ключи. Керексур 4» находится в Джидинском районе Республики Бурятия, западо-северо-западнее с. Белоозерск, северо-северо-западнее придорожного кафе, в непосредственной близости от источника Каменный ключ, на округлом геологическом образовании. Керексур с круглой внешней оградкой. Диаметр насыпи кургана – 10 м, диаметр внешней круглой оградки – 19 м. Высота насыпи кургана составляет 1 м. Сопроводительные кладки отсутствуют.

6. Выявленный объект археологического наследия «Бургуй. Средневековая кладка» находится в Закаменском районе Республики Бурятия, на правом берегу р. Хамней, юго-западнее улуса Бургуй. Одиночная кладка расположена на сенокосных угодьях, на ровной площадке береговой террасы. Сильно задернованная надмогильная конструкция представлена в виде небольшой каменно-земляной насыпи округлой формы, диаметр которой составляет 3,15 м. Высота кладки – 0,3–0,4 м. Надмогильная конструкция сложена из угловатых камней среднего и мелкого размеров.

7. Выявленный объект археологического наследия «Могильник Цакир. Средневековье» находится в Закаменском районе Республики Бурятия, под скальным выходом,

севернее улуса Цакир и археологического памятника «Поселение неолита Цакир». В составе могильника 11 средневековых каменных кладок. Надмогильные конструкции в плане либо круглые, либо овальные. Интересной особенностью кладок № 1–3 является то, что они располагаются вплотную друг к другу. Кладка № 1 находится на склоне средней крутизны, у подошвы скального выхода. Надмогильная конструкция круглой формы (диаметр – 2,8 м) сложена из каменных плиток среднего и маленького размера. С восточной стороны кладка № 1 смыкается с кладкой № 2, границей между ними является невысокая перегородка.

8. Выявленный объект археологического наследия «Могильник Дутулур 1» находится в Закаменском районе Республики Бурятия, на северо-западной окраине улуса Дутулур, под горой со скальными выходами, на пологом склоне юго-западной, южной и юго-восточной экспозиции. Всего в составе могильника шесть керексуров, четыре из которых имеют прямоугольные внешние оградки. Памятник археологии был открыт В. И. Ташаком в 2002 г. [Архив КГООКН АГИП РБ. № 125].

Керексур № 1 является самым крупным в составе могильника. Диаметр насыпи кургана – 17,5 м. В центре насыпи грабительская западина. Прямоугольная внешняя оградка сложена из крупных камней. Ее размеры: длина северной и восточной стенок – 18 м, южной и западной – 23 м.

9. Выявленный объект археологического наследия «Могильник Дутулур 2. Одиночный керексур» находится в Закаменском районе Республики Бурятия, северо-западнее улуса Дутулур, к западу от памятника археологии «Могильник Дутулур 1». Керексур расположен на пологом склоне южной экспозиции. Обнаружен и зафиксирован В. И. Ташаком в 2002 г. [Там же].

Диаметр насыпи кургана составляет 10 м, диаметр внешней округлой оградки в пределах 12–13 м. Высота насыпи кургана – 0,6–0,7 м. Внешняя оградка сохранилась с восточной и южной сторон. Курган составлен из камней крупных и средних размеров, первые находятся в центре насыпи, вторые идут от центра к внешнему краю. С юго-западной стороны насыпи кургана фиксируется каменная вымостка-дорожка, идущая от кургана к внешней оградке. Длина дорожки – 2,5 м, ширина – 1,5 м. Это обстоятельство позволяет отнести его ко второму типу керексуров: центральная насыпь окружена оградой круглой формы, насыпь соединяется с оградой каменной вымосткой-дорожкой [Цыбиктаров 1998: 138].

10. Выявленный объект археологического наследия «Могильник Дутулур 3» находится в Закаменском районе Республики Бурятия, северо-западнее улуса Дутулур. Расположен на юго-западном склоне под скальными выходами. Насыпь кургана керексура № 1 диаметром 9,5 м, без внешней оградки. Высота достигает 0,8–1 м. Насыпь сложена из крупных отдельностей каменной породы. Насыпь кургана керексура № 2 диаметром 10 м. Керексур, возможно, имел прямоугольную внешнюю оградку, которая сохранилась с юго-западной стороны. Размер оградки установить сложно, длина сохранившейся части составляет 5 м. Насыпь также сложена из крупных отдельностей каменной породы.

11. Выявленный объект археологического наследия «Могильник Дутулур 4. Одиночное скальное погребение» находится в Закаменском районе Республики Бурятия, северо-западнее улуса Дутулур, к востоку от памятника археологии «Могильник Дутулур 5». Одиночное скальное погребение находится у подножия горы со скальными выходами, на крутом горном склоне юго-восточной экспозиции. Надмогильная конструкция представляет собой сложенную из камней конструкцию в виде удлиненного ящика, перекрытая сверху плоскими каменными плитами. Погребение в плане подпрямоугольное (размеры – 5×1,15 м), ориентированное по линии СВ – ЮЗ.

12. Выявленный объект археологического наследия «Могильник Дутулур 5» находится в Закаменском районе Республики Бурятия, северо-северо-западнее улуса Дутулур, к западу от памятника археологии «Могильник Дутулур 4. Одиночное скальное захоронение». Могильник находится у подножия скальных останцов. Его площадь представляет собой крутые и полукрутые горные склоны южной, юго-западной и юго-восточной экспозиций. В составе могильника насчитывается 13 надмогильных конструкций – 1 керексур и 12 средневековых погребений.

Керексур расположен на полукрутом склоне у подошвы скального останца. Представляет собой каменную насыпь округлой формы диаметром 13 м. В центральной части фиксируется грабительская западина. Высота кургана – 0,6 м.

Скальные погребения в плане подпрямоугольные и округлые, размеры от 3 до 5 м, кладки сложены из отдельностей каменной породы крупных и средних размеров, с преимущественной ориентацией СЗ – ЮВ и ЮЗ – СВ. Высота кладок до 0,5 м. Некоторые из них подверглись разграблению.

13. Выявленный объект археологического наследия «Могильник Дутулур 6» находится в Закаменском районе Республики Бурятия, западнее улуса Дутулур, южнее действующего карьера, на горном склоне южной экспозиции. В составе могильника пять средневековых кладок.

Кладка № 1 сложена из камней среднего размера. Высота конструкции до 15 см. Форма кладки в плане округлая, диаметром около 3 м. Кладка № 2 высотой до 10 см. Форма кладки в плане круглая, диаметром 3,1 м. Кладка № 3 высотой до 15 см. В центре кладки камни частично выбраны. Форма надмогильной конструкции в плане подквадратная, размеры – 3×3 м. Кладка № 4 подпрямоугольной формы, размеры: 4×3 м. Кладка № 5 в плане округлой формы, диаметром около 1,5 м.

14. Выявленный объект археологического наследия «Утата. Неолитическая стоянка Эшунта» находится в Закаменском районе Республики Бурятия, северо-западнее улуса Утата, на мысовидной террасе, образованной слиянием рек Тотхолты и Эшунты, на высоте свыше 1500 м над ур. м. Шурфовка показала наличие культурного слоя на глубине 20 см. Культурный материал представлен каменными сколами – отщепами и микропластинами. На территории стоянки поднят нуклеус, первоначально классифицированный как подчетырехугольной формы плоскостное ядрище.

Культурный слой стоянки содержит как отходы первичного расщепления, так и сколы-заготовки, полученные в рамках микротехники. Керамика не обнаружена. Выявленный объект археологического наследия предварительно определяется как стоянка-мастерская. В дополнение к этому представляется, что данная стоянка, исходя из анализа ее расположения, могла выполнять транзитную функцию. Перемещение людей могло осуществляться из долины р. Тотхолты через перевал Хамар-Худуй Хангарульского хребта в Тункинскую котловину (расстояние по прямой – 73 км). Не исключен и альтернативный коридор миграции, который мог пролегать через серию перевалов с выходом к оз. Хубсугул в Монголии (расстояние по прямой – 130 км). Изучение преодоления древними группами населения горных систем в контексте хозяйственного освоения территорий является одной из актуальных тем археологических исследований. В этом плане показательны работы В. И. Ташака, посвященные роли горных перевалов в транзитных перемещениях на территории Кяхтинского и Окинского районов Республики Бурятия [Ташак 1997, 2006; Ташак, Шарастепанов 2025].

Предметом особого интереса является нуклеус, найденный на современной дневной поверхности памятника (рис. 3).

Морфологические признаки позволяют охарактеризовать его как леваллуазский нуклеус. Следовательно, этот нуклеус и сколы-заготовки, обнаруженные в шурфе, не образуют единый комплекс, а являются диахронными и гетерогенными. Это единичное ядрище находит аналогии в комплексах материалов стоянок Барун-Алан-1 (литологические слои 7г и 8) и Усть-Кяхта-16 [Ташак 2025а, б], расположенных на территории Бурятии, а также в комплексах монгольских памятников Орок-Нор-1, Орок-Нор-2, Орхон-1 (Г 3). Возраст этих комплексов устанавливается в пределах от 62,5 до 43,2 тыс. л. н. [Деревянко, Кандыба, Петрин 2010]. Хотя, как утверждается новосибирскими исследователями, «негатив снятия крупного отщепа на остаточном нуклеусе далеко не всегда является свидетельством использования именно леваллуазской системы раскалывания; отнесение сколов к категории леваллуазских отщепов (особенно в ассамбляжах экспонированных объектов или тех, где леваллуазские нуклеусы представлены единичными экземплярами) часто является спорным. Проблемы с дефинициями связаны с отсутствием ремонтажей и специализированных технологических исследований» [Рыбин и др. 2015: 44–45].

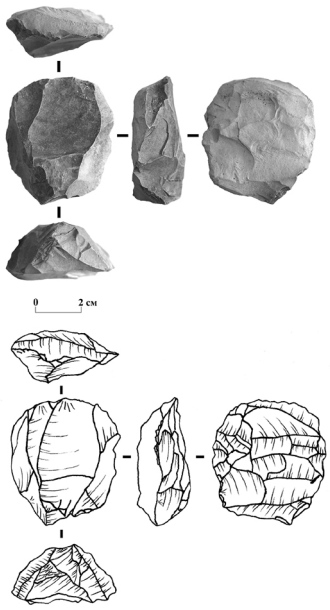

Рис. 3. Выявленный объект археологического наследия «Утата. Неолитическая стоянка Эшунта». Нуклеус

Тем не менее леваллуазский «след» должен послужить основанием для продолжения поисковых работ в этом районе. Согласно существующим представлениям, распространение леваллуазской техники расщепления происходило с территории центра Монголии на север, в Западное Забайкалье: от долины р. Орхон по долине Селенги (где маркером является индустрия стоянки Усть-Кяхты-16), далее по долине р. Уды до местонахождения Барун-Алан-1 [Ташак 2025а]. Фиксация проявления леваллуазской технологии в горно-таежной зоне Закаменского района позволяет предположить, что освоение этой территории происходило со стороны Монголии. Кроме того, на территории Закаменского района имеется еще один памятник с леваллуазским компонентом – «Палеолитическая стоянка Енгорбой 1». Была открыта в 2002 г. В. И. Ташаком. К сожалению, большая часть площади стоянки уничтожена карьером. Здесь им был отмечен нуклеус леваллуазского типа: одноплощадочный, однофронтальный [Архив КГООКН АГИП РБ. № 125]. Расстояние по прямой от стоянки Енгорбой 1 до стоянки Эшунты – 58 км.

Итоги полевого сезона 2024 г. свидетельствуют о неизменно высоком археологическом потенциале территории Республики Бурятия. Разведками выявлены разновременные и разнотипные объекты археологического наследия, большинство из которых относятся к погребальным комплексам позднего бронзового – раннего железного века и эпохи Средневековья. Средневековые могильники, равно как и скальные захоронения, демонстрируют своеобразные черты в организации надмогильных конструкций, обусловленные особенностями каменного сырья, доступного поблизости. Достаточно редко выявляемые скальные захоронения, вероятно, относятся к раннему Новому времени.

На двух объектах были предусмотрены шурфовочные работы для определения культурного слоя и границ его распространения. Одна из стоянок интерпретируется как сезонная неолитическая стоянка, локализованная в относительно комфортных условиях побережья оз. Байкал, другая – как стоянка-мастерская, функционировавшая в экстремальных условиях горно-таежной области и выполнявшая, очевидно, транзитную функцию. Последняя демонстрирует в своих материалах наличие более древнего компонента, что указывает на разновременный характер археологической коллекции.

Таким образом, полученные данные существенно расширяют источниковую базу по археологии региона и, что немаловажно, создают основу для дальнейших стационарных исследований. Особую ценность представляют работы по выявлению археологических памятников в малоизученных ввиду территориальной удаленности и труднодоступности районах республики.

Работа выполнена в рамках государственного задания («Археологические культуры и этнические общности в динамике социокультурных процессов Внутренней Азии») № 126020616724-3.

Источники и литература

Архив Комитета государственной охраны объектов культурного наследия АГИП РБ (Архив КГООКН АГИП РБ): № 125 (Ташак В. И. Отчет по мониторингу и картированию памятников археологии Закаменского района. 2002 г.).

Базаров Б. А. Новые средневековые захоронения Бурятии: культурная атрибуция и хронология / Б. А. Базаров, Д. А. Миягашев, Я. В. Дикий // Археология Евразийских степей. – 2021. – № 4. – С. 57–67.

Бердников И. М. Средний неолит Предбайкалья: чем нам наполнить хиатус? / И. М. Бердников // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17. – № 9. – С. 1638–1651.

Деревянко А. П. Палеолит Орхона / А. П. Деревянко, А. В. Кандыба, В. Т. Петрин. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – 384 с.

Дикий Я. В. Новые археологические памятники Джидинского района Республики Бурятия / Я. В. Дикий, Д. А. Миягашев, Б. А. Базаров // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2023. – № 1(49). – С. 9–14.

Дикий Я. В. Мурочинский могильник – новый памятник хунну в Бурятии / Я. В. Дикий, Б. А. Базаров, Д. А. Миягашев, Б. Л. Бальжанов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2024. – № 3(55). – С. 38–45.

Лбова Л. В. Древности Бурятии. Карта археологических памятников / Л. В. Лбова, Е. А. Хамзина. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 241 с.

Рыбин Е. П. Вариабельность и хроностратиграфия леваллуазской технологии в среднем и раннем верхнем палеолите Монголии / Е. П. Рыбин, А. В. Кандыба, А. М. Хаценович, В. С. Славинский // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. – 2015. – Т. 14. – № 3. – С. 37–48.

Ташак В. И. Освоение долины реки Тамир на начальном этапе верхнего палеолита / В. И. Ташак // Дуловские чтения 1997 года: мат-лы докл. и сообщ. – Иркутск: Листок, 1997. – С. 27–31.

Ташак В. И. Территории обитания и хозяйственного освоения на юге Западного Забайкалья в эпоху верхнего палеолита / В. И. Ташак // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 167–172.

Ташак В. И. Техника леваллуа Барун-Алана1 в Западном Забайкалье и ее пространственные связи / В. И. Ташак // Древние культуры Монголии, Байкала, Южной Сибири и Северного Китая: мат-лы XIII Междунар. науч. конф. (г. Улан-Батор, 11–16 сентября 2025 г.). – Улан-Батор: Институт археологии Монгольской академии наук, 2025а. – С. 99–102.

Ташак В. И. Усть-Кяхта-16: леваллуазская техника расщепления на юге Западного Забайкалья / В. И. Ташак // Теория и практика археологических исследований. – 2025б. – Т. 37. – № 2. – С. 125–139.

Ташак В. И. Горные перевалы как источники информации о путях проникновения людей на территорию Окинского плоскогорья в Саянских горах / В. И. Ташак, Б. Д. Шарастепанов // Известия Лаборатории древних технологий. – 2025. – Т. 21. – № 3(56). – С. 47–59.

Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья / А. Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – 288 с.

References

Arhiv Komiteta gosudarstvennoj ohrany ob”ektov kul’turnogo naslediya AGIP RB (Arhiv KGOOKN AGIP RB): № 125 (Tashak V. I. Otchet po monitoringu i kartirovaniyu pamyatnikov arheologii Zakamenskogo rajona. 2002 g.).

Bazarov B. A. Novye srednevekovye zahoroneniya Buryatii: kul’turnaya atribuciya i hronologiya / B. A. Bazarov, D. A. Miyagashev, Ya. V. Dikij // Arheologiya Evrazijskih stepej. – 2021. – № 4. – S. 57–67.

Berdnikov I. M. Srednij neolit Predbajkal’ya: chem nam napolnit’ hiatus? / I. M. Berdnikov // Zhurnal Sibirskogo federal’nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. – 2024. – T. 17. – № 9. – S. 1638–1651.

Derevyanko A. P. Paleolit Orhona. / A. P. Derevyanko, A. V. Kandyba, V. T. Petrin. – Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2010. – 384 s.

Dikij Ya. V. Novye arheologicheskie pamyatniki Dzhidinskogo rajona Respubliki Buryatiya / Ya. V. Dikij, D. A. Miyagashev, B. A. Bazarov // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2023. – № 1(49). – S. 9–14.

Dikij Ya. V. Murochinskij mogil'nik – novyj pamyatnik hunnu v Buryatii / Ya. V. Dikij, B. A. Bazarov, D. A. Miyagashev, B. L. Bal'zhanov // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2024. – № 3(55). – S. 38–45.

Lbova L. V. Drevnosti Buryatii. Karta arheologicheskih pamyatnikov / L. V. Lbova, E. A. Hamzina. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 1999. – 241 s.

Rybin E. P. Variabel'nost' i hronostratigrafiya levalluazskoj tekhnologii v srednem i rannem verhnem paleolite Mongolii / E. P. Rybin, A. V. Kandyba, A. M. Hacenovich, V. S. Slavinskij // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya. – 2015. – T. 14. – № 3. – S. 37–48.

Tashak V. I. Osvoenie doliny reki Tamir na nachal'nom etape verhnego paleolita / V. I. Tashak // Dulovskie chteniya 1997 goda: mat-ly dokl. i soobshch. – Irkutsk: Listok, 1997. – S. 27–31.

Tashak V. I. Territorii obitaniya i hozyajstvennogo osvoeniya na yuge Zapadnogo Zabajkal'ya v epohu verhnego paleolita / V. I. Tashak // Chelovek i prostranstvo v kul'turah kamennogo veka Evrazii. – Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2006. – S. 167–172.

Tashak V. I. Tekhnika levallua Barun-Alana1 v Zapadnom Zabajkal'e i ee prostranstvennye svyazi / V. I. Tashak // Drevnie kul'tury Mongolii, Bajkala, Yuzhnoj Sibiri i Severnogo Kitaya: mat-ly XIII Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ulan-Bator, 11–16 sentyabrya 2025 g.). – Ulan-Bator: Institut arheologii Mongol'skoj akademii nauk, 2025a. – S. 99–102.

Tashak V. I. Ust'-Kyahta-16: levalluazskaya tekhnika rasshchepleniya na yuge Zapadnogo Zabajkal'ya / V. I. Tashak // Teoriya i praktika arheologicheskih issledovanij. – 2025b. – T. 37. – № 2. – S. 125–139.

Tashak V. I. Gornye perevaly kak istochniki informacii o putyah proniknoveniya lyudej na territoriyu Okinskogo ploskogor'ya v Sayanskih gorah / V. I. Tashak, B. D. Sharastepanov // Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij. – 2025. – T. 21. – № 3(56). – S. 47–59.

Cybiktarov A. D. Kul'tura plitochnyh mogil Mongolii i Zabajkal'ya / A. D. Cybiktarov. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 1998. – 288 s.

УДК 902.21+553.08
ББК Т442.6(253.5)
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-17-23

А. И. Симухин

АРХЕОЛОГО-ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ МУНГУТСКОГО ПОЛИМЕТАЛЛИЧЕСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ В БУРЯТИИ

В статье освещены результаты археолого-геологических экспедиционных работ, проводившихся в долине р. Худан и горах Худанского хребта в Бурятии. Исследования были направлены на поиск и изучение месторождений металлов, которые могли разрабатываться в бронзовом веке (II–I тыс. до н. э.) и последующие эпохи. По маршруту экспедиции и на обнаруженных рудниках осуществлялись поиски археологических объектов на участках, перспективных в геоморфологическом отношении. В настоящей статье приводится описание работ на Мунгутском месторождении, одном из рудных объектов, выявленных в ходе экспедиции 2018 г. В результате обследования шахты и многочисленных горных выработок установлено наличие минералов, содержащих медь – металла, положившего начало древнейшей металлургии. В окрестностях месторождения обнаружены плиточная могила и писаницы бронзового века.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, Худанский хребет, археология, геология, бронзовый век, рудник, плиточная могила, писаницы.

A. I. Simuhin

ARCHAEOLOGICAL AND GEOLOGICAL SURVEY OF THE MUNGUTSKOE POLYMETALLIC DEPOSIT IN BURYATIA

The article highlights the results of archaeological and geological expeditionary work carried out in the valley of the Khudan River and the mountains of the Khudan ridge in Buryatia. The research was aimed at finding and studying metal deposits that could have been developed in the Bronze Age (II–I thousand BC) and later epochs. Along the expedition route and at the discovered mines, archaeological sites were searched in areas that were geomorphologically promising. This article describes the work at the Mungutskoye deposit, one of the ore objects identified during the 2018 expedition. As a result of the inspection of the main mine and numerous mine workings, minerals containing copper, the first metal of the most ancient metallurgy, were found. A slab grave and rock art of Bronze Age were discovered in the vicinity of the deposit.

Keywords: Western Transbaikalia, Khudanskii ridge, archeology, geology, bronze Age, mine, slab grave, rock art.

Забайкалье – крупная географическая область на востоке степного пояса Евразии, являющаяся контактной зоной древних степных и таежных культур, взаимодействие которых в бронзовом веке получило большой импульс и географический охват. Этот период древней истории края характеризуется формированием новой формы экономики – кочевое и полукочевое скотоводство, процессами миграции населения, культурного заимствования, изменениями в духовной и материальной культуре, зарождением и развитием металлургии меди и т. д.

Металлургия и металлообработка в разных географических зонах развиваются под активным воздействием какой-нибудь области или центра с высоким рудным запасом и развитой местной металлургией. Е. Н. Черных выделяет шесть таких областей: Урал с Приуральем, Кавказ, Средняя Азия, Казахстан, Саяно-Алтай, Забайкалье. Они подраз-

СИМУХИН Александр Ильич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии и этнологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: simply.sima@mail.ru.

деляются на горно-металлургические центры с геолого-географическим своеобразием, где сосредотачивалось производство [Черных 1970, 1978].

Современный металлогенический потенциал Забайкалья по меди весьма значителен. Только учтенные запасы меди (промышленные, прогнозно-ресурсные) составляют около 100 млн т. Состав руд медных месторождений региона довольно сложен как в минеральном, так и в геохимическом плане, вследствие чего они считаются комплексными [Чечеткин, Трубачев 2014].

Наличие металлов в Забайкалье было известно местному населению до присоединения к России. Об этом свидетельствуют многочисленные следы рудокопства, известные как «Чудские», «Мунгальские» или «Богды-ханские» ямы. «… по всей вероятности, неимение железных орудий препятствовало чуди вынимать твердые породы; ямы их вообще не глубоки, извилисты, следуют залеганию мягких охристых руд, составлявших предмет поисков и добычи» [Озерский 1867: 35].

Первые письменные сообщения о древнем горном деле в Забайкалье относятся к XVII в., когда русские поселенцы начали поиск рудных месторождений. Так, в 1640 г. Максим Перфильев узнал о наличии медной и свинцовой руды на р. Шилке и остатках «чудских» и «мунгальских» копей [Гришин 1981]. В XVIII в. и позднее в Забайкалье нередко обнаруживались заброшенные древние «чудские» разработки, на которых русские горнопромышленники устраивали свои шахты. Медные руды издавна известны в Нерчинском горном округе, включая агинские прииски, открытые в 1737 г. [Озерский 1867: 69].

В эпоху бронзового века Забайкалья во II–I тыс. до н. э. самым распространенным типом металлургических сплавов наряду с «чисто» медными, мышьяковистыми, свинцовыми и др. были оловянистые бронзы. Освоение и познание свойств этого легкоплавкого металла металлургами древности позволяли достигать твердости готовой отливки в виде орудия и оружия и понижения температуры плавления самой бронзы и т. д. Первые сведения об оловянных рудах за Байкалом датируются 1811 г. Множество беспорядочных ям и значительное количество оловянных изделий, обращавшихся среди бурят, свидетельствуют о более ранних их разработках. «Все прииски эти находятся по обеим сторонам реки Онона, на протяжении немного более ста верст» [Там же: 66–67]. Широкая известность Ононских оловянных месторождений приводила некоторых исследователей к гипотезе снабжения оловом даже таких сравнительно отдаленных областей Сибири, как Минусинская котловина [Гришин 1960]. Находки медно-бронзовых изделий карасукского времени в районах, богатых касситеритом, а также каменные литейные формы позволяют предположить добычу олова в Забайкалье в карасукское время (XIII–VIII вв. до н. э.) [Сосновский 1933]. Спектральный анализ забайкальских медно-бронзовых изделий XIII–III вв. до н. э. и наличие полуды на мече карасукского типа из Усть-Карского района Забайкальского края указывают на широкое распространение олова и хорошее знание его свойств у забайкальских племен среднего бронзового века [Гришин 1968]. «Каких-либо данных о наличии и древних разработках оловянного камня – касситерита – в ближайших соседних областях не имеется, поэтому есть все основания полагать, что олово было местным» [Он же 1975: 112].

В Западном Забайкалье остатки древних плавильных печей не обнаружены, однако среди подъемного материала и в культурных слоях памятников бронзового века встречаются шлаки и всплески металла. Исследователи XIX в. сообщают о каменных плавильных печах с трубами, около которых находились шлак и пепел [Спасский 1819: 128–129]. По р. Газимур в Восточном Забайкалье находились чудские копи, «остатки плавильных устройств и кучи жгари», указывающие на выплавку меди и свинца в древности [Озерский 1867]. В XX в. изучалась плавильня у оз. Шакша рядом с г. Чита, где наряду с металлическим шлаком и фрагментом ошлакованного сопла обнаружены фрагменты триподов – сосудов, характерных для культуры плиточных могил. Также была изучена разрушенная плавильня четырехугольной формы в пади Карымской недалеко от пос. Усть-Иля. Здесь найден каменный продолговатый пест грубой оббивки, фрагмент глиняной льячки и шлак с высоким содержанием железа и меди [Гришин 1975].

В 2018 г. проведена археолого-геологическая разведка ИМБТ СО РАН (рук. к. и. н. А. И. Симухин) и Геологического института СО РАН (к. г.-м. н. В. Б. Хубанов, д. г.-м. н. Б. Б. Дамдинов) с участием сотрудника ООО НПО «Байкал-Экспедиция» Д. В. Намсараева. Разработка маршрутов экспедиции основана на данных карт-материалов геологических изысканий, экспедиционных отчетов, опубликованных археологических данных [Гришин 1981; Сергеева 1981].

Первым объектом стало Мунгутское месторождение, о котором впервые упоминает выдающийся ученый-энциклопедист XVIII в. П. С. Паллас [1788: 242–243]. Месторождение геологами классифицировано как полиметаллическое и находится в 9 км юго-западнее улуса Кодунский Станок (Кижингинский район), на одном из отрогов Худанского хребта (рис. 1). Объект дислоцирован на левом берегу р. Мунгут – левом притоке р. Худа́н (Кода́н, Худун, Кудун). Топоним *мунгут* происходит от бурятского слова *мунгэтэй (мунгатуй, мунгачи)* – серебряный, *мунгэн* – серебро [Мельхеев 1969: 68]. Со слов жителей района, местное население добывало здесь серебро, широко применявшееся у бурятских мастеров. Кижингинская долина с давних времен славится своими дарханами-чеканщиками, в большей части изготовлявшими женские украшения из серебра и золота [Гунгаров 1974: 70].

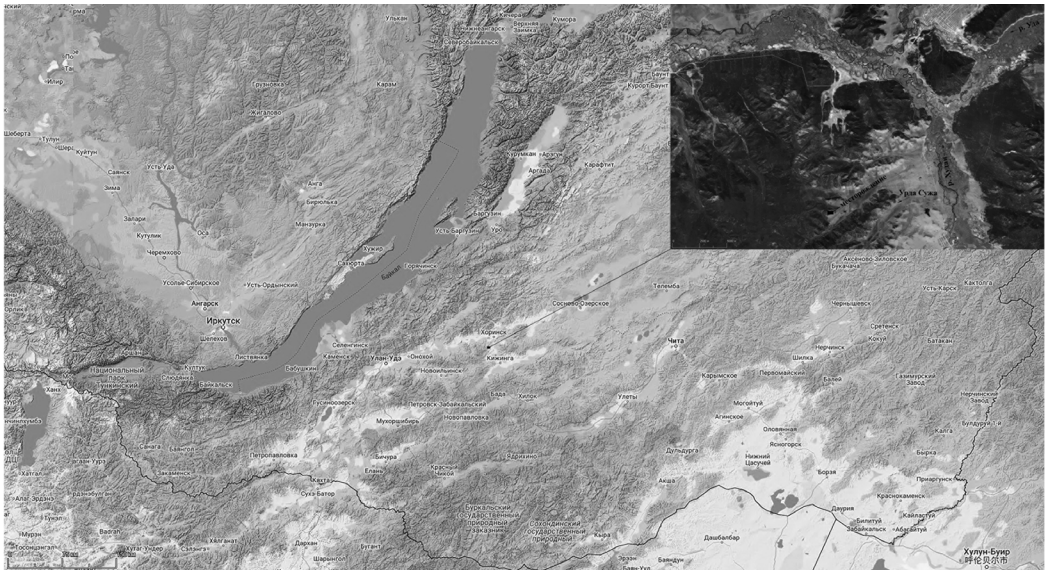

Рис. 1. Спутниковый снимок месторасположения Мунгутского полиметаллического месторождения и плиточного могильника Урда Сужа

Обследование месторождения установило большое количество разновременных хаотичных ям и геологических шурфов, траншей. Ранее нами представлено краткое описание рудника и фактов обнаружения плиточной могилы и писаниц в окрестностях [Симухин 2020]. Основная шахта размерами около 2×5 м и глубиной около 8–9 м, ориентирована длинной осью на север – северо-восток (рис. 2). В северной части на глубине около 4 м от поверхности сделана горизонтальная выработка до основания шахты. Здесь для работы сооружены два яруса из бревен и жердей хорошей сохранности, на которых лежат куски породы, не так давно оставленные рудокопами. Ниже имеется подбой глубиной около 3 м с остатками деревянной крепиды и крупным каменным карнизом. Есть свидетельства геологов и жителей, что данная яма – это вход в штольню, который был намеренно обвален для предотвращения доступа к ней. Ответвление уходило на восток и было оборудовано вентиляционными трубами. На современных отвалах и стенках шахты зафиксированы минералы, содержащие медь: малахит и азурит.

Рис. 2. Обследование шахты Мунгутского месторождения

Осмотр месторождения и прилегающей территории южного склона горы не выявил археологического материала, однако в 350 м от шахты на выположенном участке восточного склона обнаружена плиточная могила. Конструкция размерами 1,5×3,2 м ориентирована длинной осью на северо-восток и сложена из камней разных форм с видимыми размерами до 0,5 м (рис. 3). Стенки снаружи укреплены контрфорсами меньших габаритов, в целом образуя невысокое сооружение до 0,3 м в высоту. Погребение практически незаметно из-за перекрывающей его травяной и мелкой кустарниковой растительности. В центральной части юго-восточной длинной стенки имеется незадернованный развал камней, появление которого связано с выросшей здесь крупной сосной. В 4,2 м от южного угла конструкции в направлении на юг – юго-восток установлен невысокий камень, так называемый сторожек, или сторожевой камень, гранями ориентированный по направлениям стенок погребения. Сторожки могут быть различных форм и размеров, естественной конфигурации или в виде обработанного камня, с изображениями или без, но при этом они являются несменным атрибутом плиточных могил и носят ритуальный характер. Ближайший плиточный могильник из известных в настоящее время находится 8 км вниз по долине р. Мунгут, в пади Урда Сужа юго-западнее улуса Кодунский Станок (см. рис. 1). Он состоит из двух пунктов с восемью погребениями, часть которых со сторожевыми камнями.

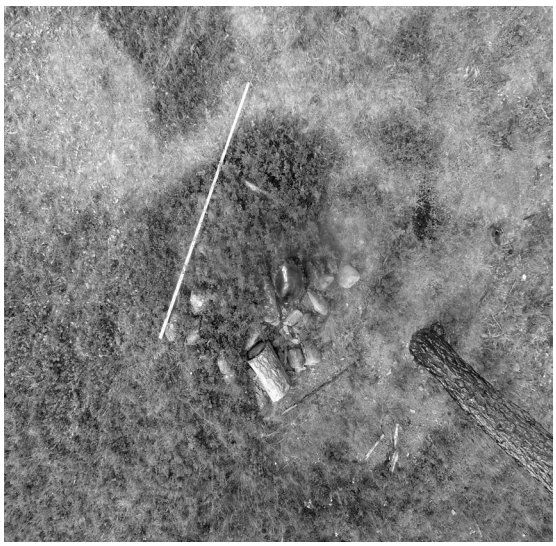

Рис. 3. Фото с квадрокоптера плиточной могилы в окрестностях месторождения, камера ориентирована на север

В 1 км на юго-восток от шахты обследована небольшая скалистая возвышенность на левом берегу р. Мунгут, образованная из гранитов. Скальные плоскости обращены на юг к долине речки, и на одном из блоков, наклоненном к руслу, обнаружены наскальные рисунки. Археологическому памятнику было дано наименование «Мунгут». Рисунки расположены на высоте около 4 м от основания скалы и выполнены красной охрой. Хорошая сохранность писаниц обусловлена отдаленностью от населенного пункта и естественной защитой от прямых солнечных лучей и отчасти осадков ввиду наклона скальной плоскости (рис. 4). В верхнем левом углу нанесены две вертикальные параллельные полосы высотой около 14 см с короткими перемычками, образуя форму вытянутой вверх решетки. Правее изображены две птицы высотой около 8 и 6 см, птица слева с большим размахом крыльев и вытянутым туловищем. Внизу между птицами видны два пятна от пальца художника и по одному – под крыльями второй. В основании композиции оформлен блок пятен в виде трех параллельных рядов по семь штук в каждом и нанесенных с уклоном вправо под углом около 15–17°. Скальную плоскость разграничивает горизонтальная полость отколовшегося куска, а под краем слома слева заметно изображение птицы и неопределимых элементов справа. В ходе цветокоррекции фотографий в приложении ImageJ с применением плагина DStretch удалось выявить три пятна под второй птицей как продолжение линии из двух точек между пернатыми (рис. 5). Для полной атрибуции памятника древнего искусства необходимо проведение более тщательного исследования с применением метода фотограмметрии, позволяющего наиболее глубоко изучить выявленные изображения и обнаружить невидимые глазу человека.

Рис. 4. Общий вид с юга на скальник «Мунгут»

Найденные наскальные рисунки относятся к самой крупной в Забайкалье селенгинской группе писаниц, распространенных в лесостепной, степной зоне бассейна р. Селенги. Антропоморфные фигурки, точки-пятна, оградки и изображения птиц являлись самыми многочисленными элементами художественных композиций, оставленных населением бронзового века. Изображение птицы в сочетании с оградой интерпретируется особо, как «птица – хранительница и защитница коллектива, представленного оградкой и пятнами внутри ее» [Окладников, Запорожская 1970: 68]. Художники древности могли относиться к особой этнической группе внутри населения культуры плиточных могил [Там же: 167].

Рис. 5. Фото плоскости с наскальными рисунками писаницы «Мунгут» после цветокоррекции в плагине DStretch

Проведенные археолого-геологические изыскания на Мунгутскогом месторождении и прилегающей территории дали возможность выявить и обследовать большое количество различных и разновременных выработок. Кроме того, с помощью квадрокоптера обнаружены серии геологических шурфов и стихийных ям на склонах соседних гор для последующих исследований. Отобраны образцы медьсодержащих минералов (малахит, азурит)

для дальнейших лабораторных исследований и перспективной корреляцией данных с результатами элементного состава бронзовых изделий II–I тыс. до н. э. с долины р. Худан. В непосредственной близости от рудника были открыты новые археологические объекты бронзового века, представленные плиточной могилой и писаницами селенгинского типа. В целом результаты разведки в ограниченное время не позволили более тщательно и широко обследовать территорию, которая таит еще много интересного для дальнейшего изучения рудника, разработка которого в древности носит пока гипотетический характер.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Археологические культуры и этнические общности в динамике социокультурных процессов Внутренней Азии») № 126020616724-3.

Литература

Гришин Ю. С. Производство в тагарскую эпоху / Ю. С. Гришин // Материалы и исследования по археологии СССР. № 90. – М., 1960. – С. 116–207.

Гришин Ю. С. О некоторых Забайкальских медно-бронзовых изделиях эпохи средней бронзы (карасукского времени) / Ю. С. Гришин // Советская археология. – 1968. – № 3. – С. 180–182.

Гришин Ю. С. О древней добыче металлов в Юго-Восточном Забайкалье / Ю. С. Гришин // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 110–114.

Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков в лесо-степном Забайкалье / Ю. С. Гришин. – М.: Наука, 1981. – 204 с.

Гунгаров В. Ш. О кижингинских мастерах-чеканщиках / В. Ш. Гунгаров // Художественная обработка металла в Бурятии: сб. ст. / отв. ред. В. Ц. Найдаков; Академия наук СССР, Сибирское отделение, Бурятский филиал. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 92 с.

Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий / М. Н. Мельхеев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. – 186 с.

Озерский А. Д. Очерк геологии, минеральных богатств и горного промысла Забайкалья / А. Д. Озерский. – СПб.: Изд-во Импер. СПб. минерал. об-ва, 1867. – 90 с.

Окладников А. П. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2 / А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. – 264 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. III: Половина первая 1772 и 1773 годов / П. С. Паллас. – СПб., 1788. – 624 с.

Сергеева Н. Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири / Н. Ф. Сергеева. – Новосибирск: Наука, 1981. – 152 с.

Симухин А. И. Проблемы изучения металлургии бронзового века Западного Забайкалья / А. И. Симухин // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Т. I / отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. – Самара: Изд-во СГСПУ, 2020. – С. 338–340.

Сосновский Г. П. К истории добычи олова на востоке СССР / Г. П. Сосновский // Проблемы истории материальной культуры. – 1933. – № 9–10. – С. 15–19.

Спасский Г. И. О чудских копях в Сибири / Г. И. Спасский // Сибирский вестник. – 1819. – Ч. VII. – С. 128–129.

Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / Е. Н. Черных. – М.: Наука, 1970. – 180 с.

Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР / Е. Н. Черных // Советская археология. – 1978. – № 4. – С. 53–82.

Чечеткин В. С. Металлогения меди Центрально-Азиатской провинции / В. С. Чечеткин, А. И. Трубачев // Известия Сибирского отделения секции наук о Земле РАЕН. Геология, поиски и разведка рудных месторождений. – 2014. – № 3(46). – С. 5–15.

References

Grishin Yu. S. Proizvodstvo v tagarskuyu epohu / Yu. S. Grishin // Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 90. – M., 1960. – S. 116–207.

Grishin Yu. S. O nekotoryh Zabajkal'skih medno-bronzovyh izdeliyah epohi srednej bronzy (karasukskogo vremeni) / Yu. S. Grishin // Sovetskaya arheologiya. – 1968. – № 3. – S. 180–182.

Grishin Yu. S. O drevnej dobyche metallov v Yugo-Vostochnom Zabajkal'e / Yu. S. Grishin // Arheologiya Severnoj i Central'noj Azii. – Novosibirsk: Nauka, 1975. – S. 110–114.

Grishin Yu. S. Pamyatniki neolita, bronzovogo i rannego zheleznogo vekov v lesostepnom Zabajkal'e / Yu. S. Grishin. – M.: Nauka, 1981. – 204 s.

Gungarov V. Sh. O kizhinginskih masterah-chekanshchikah / V. Sh. Gungarov // Hudozhestvennaya obrabotka metalla v Buryatii: sb. st. / otv. red. V. C. Najdakov; Akademiya nauk SSSR, Sibirskoe otdelenie, Buryatskij filial. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1974. – 92 s.

Mel'heev M. N. Toponimika Buryatii. Istoriya, sistema i proiskhozhdenie geograficheskih nazvanij / M. N. Mel'heev. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1969. – 186 s.

Ozerskij A. D. Ocherk geologii, mineral'nyh bogatstv i gornogo promysla Zabajkal'ya / A. D. Ozerskij. – SPb.: Izd-vo Imper. SPb. mineral. ob-va, 1867. – 90 s.

Okladnikov A. P. Petroglify Zabajkal'ya. Ch. 2 / A. P. Okladnikov, V. D. Zaporozhskaya. – L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1970. – 264 s.

Pallas P. S. Puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva. Ch. III: Polovina pervaya 1772 i 1773 godov / P. S. Pallas. – SPb., 1788. – 624 s.

Sergeeva N. F. Drevnejshaya metallurgiya medi yuga Vostochnoj Sibiri / N. F. Sergeeva. – Novosibirsk: Nauka, 1981. – 152 s.

Simuhin A. I. Problemy izucheniya metallurgii bronzovogo veka Zapadnogo Zabajkal'ya / A. I. Simuhin // Trudy VI (XXII) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda v Samare: v 3 t. T. I / otv. red.: A. P. Derevyanko, N. A. Makarov, O. D. Mochalov. – Samara: Izd-vo SGSPU, 2020. – S. 338–340.

Sosnovskij G. P. K istorii dobychi olova na vostoke SSSR / G. P. Sosnovskij // Problemy istorii material'noj kul'tury. – 1933. – № 9–10. – S. 15–19.

Spasskij G. I. O chudskih kopyah v Sibiri / G. I. Spasskij // Sibirskij vestnik. – 1819. – Ch. VII. – S. 128–129.

Chernyh E. N. Drevnejshaya metallurgiya Urala i Povolzh'ya / E. N. Chernyh. – M.: Nauka, 1970. – 180 s.

Chernyh E. N. Metallurgicheskie provincii i periodizaciya epohi rannego metalla na territorii SSSR / E. N. Chernyh // Sovetskaya arheologiya. – 1978. – № 4. – S. 53–82.

Chechetkin V. S. Metallogeniya medi Central'no-Aziatskoj provincii / V. S. Chechetkin, A. I. Trubachev // Izvestiya Sibirskogo otdeleniya sekcii nauk o Zemle RAEN. Geologiya, poiski i razvedka rudnyh mestorozhdenij. – 2014. – № 3(46). – S. 5–15.

УДК 93/94
ББК63.3(29=)
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-24-29

П. А. Толмачев

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА РАННИЕ РОССИЙСКО-БУРЯТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: КНЯЗЕЦ КУРЖУМ БУРЛАЕВ В ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ НА ВЕРХНЕЙ ЛЕНЕ В 1641–1643 гг.

В статье на опубликованных и архивных материалах рассматривается деятельность верхоленского бурятского князца Куржума Бурлаева. Автор приходит к выводу, что укоренившиеся в историографии взгляды о роли и позиции Куржума сформированы под влиянием идеологических представлений царской власти XVII в., стремившейся обосновать свое господство над новыми подданными в Верхоленском регионе. В исследовании применяется историко-критический метод анализа источников.

Ключевые слова: буряты, князец, казаки, аманаты, улус, ясак, шерть.

P. A. Tolmachev

A NEW LOOK AT THE EARLY RUSSIAN-BURYAT RELATIONS: PRINCE KURZHUM BURLAEV DURING THE PERIOD OF RUSSIAN COLONISATION ON THE UPPER LENA, 1641–1643

Using published and archival materials, this article examines the activities of the Upper Lena Buryat prince, Kurzhum Burlaev. The author concludes that established views on Kurzhum's role and position in historiography were influenced by the 17th century Tsarist regime's ideological ideas, which sought to justify its rule over its new subjects in the Upper Lena region. The study employs a historical-critical method of source analysis.

Keywords: prince, Cossacks, Buryats, amanats, ulus, yasak, shert.

В 1745 г. Я. И. Линденау записал историю, услышанную в Качуге от местных бурят, согласно которой русские из Илимского острога, спускаясь вверх по Лене к устью Анги, вступили в бой с находившемся там ченорутским родом (Tschenorutsk). Возглавлявший бурят тайша Куржум (Kurghum) был убит, а его сын Kudukin взят в плен и уведен в Илимск, буряты были обложены данью, и в то же время русские построили Верхоленский острог [1983: 137].

В памяти верхоленских бурят приход российской власти произошел вследствие сражения русских с Куржумом. Важную роль в бурятско-русских взаимоотношениях с 1641 по1643 г. играл эхиритский князец Куржум сын Бурлая. Куржум был братом князца Чепчугуя, погибшего 8 апреля 1641 г. во время нападения на его улус у устья р. Анги отряда пятидесятника Василия Власьева. После неудачного столкновения с русскими Куржум был вынужден выплатить ясак, оставить в аманатах своего сына и дать шерть, один из пунктов которой требовал приведения под царскую власть других бурят. Куржум тем не менее до конца не покорился русским воеводам и продолжил сопротивление до своей гибели. Источники свидетельствуют о больших трудностях, с которыми сталкивались служилые люди, пытавшиеся в 1640-х гг. утвердить царское господство в Верхоленском регионе. При этом в тени остается позиция и деятельность самого Куржума. Можно поставить вопрос: почему первоначальный успех казаков в приведении «под государеву высокую руку» бурятского князца и его людей в итоге обернулся новыми боевыми столкновениями с верхоленскими бурятами и какова была настоящая роль в тех событиях Куржума?

Сражение с русскими и признание Куржумом верховной власти московского царя были описаны И. Э. Фишером [1774: 530–531], а после него – М. Н. Богдановым [2014: 72–73]. Наиболее подробно к истории Куржума обратился А. П. Окладников. Иссле-

ТОЛМАЧЕВ Павел Андреевич – аспирант Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: tolmatschev@mail.ru.

даватель на основании архивных и опубликованных материалов рассмотрел тактику действий русской администрации по привлечению на свою сторону бурятской элиты, а также дал характеристику социальной структуры бурятского общества XVII в. [1937: 338–340].

Русские получили ценную разведывательную информацию о бурятских кочевьях и прилегающих к ним землях от эвенкийского князца Можеуля, проживавшего в верховьях Лены. Из слов Можеуля русские сделали вывод, что у устья Куленги вдоль обеих берегов Лены можно поселить на пашнях более 200 крестьян. В двух днях пути от р. Анги, притока Лены, располагались верховья р. Киренги, где проживало много эвенков, и только некоторые из них платили русским ясак, в то же время тамошние эвенки торговали соболями с бурятами в обмен на скот и просо [Сборник документов… 1960: 35–36]. Через того же Можеуля русские безуспешно предлагали бурятам, кочевавшим на Анге, платить ясак. В верховьях Лены русские столкнулись с переплетенными даннических и торговыми путями, объединявшими эвенков, бурят, монголов, дауров и якутов. Для контроля данной территории требовалось подчинить верхоленских бурят, не желавших упускать из своих рук влияние в регионе. Опубликованным источником о походе на улус Чепчугуя в марте – апреле 1641 г. является текст донесения служилых людей, выписанный из якутских столбцов для экспедиции Г. Ф. Миллера и опубликованный позднее в «Дополнениях к актам историческим» [1846: 249–251, 255].

Менее известен архивный документ похожего содержания, но имеющий некоторые отличия и дополнительную информацию. Енисейский атаман Осип Галкин сообщал, что местные эвенки оказывали вооруженное сопротивление русским, заручившись поддержкой бурят. Буряты же пытались не допустить русских к контролю над своими кыштымам, брали под защиту эвенков и в ответ грабили служилых людей и промысловиков [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ед. хр. 152. Л. 89–90].

Для похода на непокоренных бурят и тунгусов в верх по Лене были выделены тобольские, березовские и енисейские служилые люди. Предлогом для похода являлась ясачная прибыль и возможность создания пашни [Там же. Л. 91]. После боя на Анге на третий день (11 апреля) к казакам прибыл Куржум со своим братом Жаякой, дядей Адаймучаем и со своими улусными людьми [Там же. Л. 104]. Казаки к тому моменту, отступив от разоренного бурятского поселения, выстроили наспех острог. В ходе переговоров Василий Власьев позвал Куржума в острог, но «он Куршун без закладчика в острог не пошел, а прошал в свое место толмача Федку Степанова, и мы послали в Куршуново место толмача Федку Степанова» [Там же]. Федор Степанов был толмачом в походе на бурят и двигался в передовом отряде.

В ходе переговоров в остроге Куржум преподнес немного соболей и попросил перенести выплату ясака на осень, так как уже выплатил ясак соболями монголам. Тогда же Куржум выкупил своих родственников, а 6 мая он прибыл к казакам вновь – для выкупа жены Чепчугуя, а также своего сына, которого казаки удерживали в плену. 14 мая 1641 г. Куржум принес шерть на устье р. Куты перед стольниками и воеводами П. П. Головиным, М. Б. Глебовым и дьяком Е. Филатьевым, обещая исправно платить ясак со своих людей и способствовать приведению под царскую власть других не обложенных данью бурят. Во время пребывания у воевод князцу полагалось выдавать по две чарки вина в день [Сборник документов… 1960: 37].

Бурятские информаторы Линденау в 1745 г. назвали Куржума тайшой [1983: 137]. Сам титул Куржума в источниках не встречается, тем не менее есть основания полагать, что титул «тайша» имелся у эхиритов в XVII в. [Окладников 1934: 337]. Чепчугуй или Куржум, принадлежавшие к ченорутскому роду, могли им обладать. Особую роль играл другой эхиритский предводитель Доргей, или Доргой «богатырок», сражавшийся с казаками, отходившими от юрт Чепчугуя [Дополнения к актам… 1846: 249–251]. В источниках он нигде не отмечается как родственник Куржума. Б. О. Долгих на материалах второй половины XVII в. показал наличие в ченорутском «роде» («сотне») особой «неясной по своему характеру группы», носившей название «Доргиевщина» [1960: 289]. Происхождение «Доргиевщины», на наш взгляд, следует связать с Доргеем. М. Н. Богданов допускал возможность того, что упомянутое имя Доргей, или Доргой, явля-

ется не именем, а титулом «дарга» [Богданов 2014: 278]. Сам ченорутский род в 1672–1681 гг. возглавлял Бутухей Чеулев [Долгих 1960: 289], видимо, он был сыном дяди Куржума – Чеула [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ед. хр. 436. Л. 12].

22 мая 1641 г. эвенкийский князец Можеуль слышал от одного эвенка, что «говорят де братцкие люди, будет де Куржум жив, и они ясак государю учнут давать» [Сборник документов… 1960: 38]. Куржум пробыл у русских долгое время, 15 декабря 1641 г. в Верхоленский братский острог прибыл его брат Жаякай с ясаком в 300 соболей. Русские хотели увеличить ясачный сбор и стали спрашивать имена ясачных бурят, подчиненных князцу. Куржум назвал имена лишь немногих, не мог он назвать и имена людей улуса Доргея и людей своего дяди Чеула. В ответ он заявил: «... вы де со мною пошлите в улус служилых людей, и те де служилые люди в моем улусе и в Доргьеве всех братцких людей пересмотрят и перепишут» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 11–12]. Куржум оставил в остроге своего сына Чевдокома, а сам отправился вместе с русскими ясачными сборщиками Иваном Кривогорницыным, Прокопием Григорьевым, Иваном Мещеряковым и толмачем Гаврилом Петровым в свой улус. Стоит отметить, что под руководством Куржума находился и Доргей, при этом последний имел свой улус. Улус Доргея входил в ченорутскую «сотню» под предводительством Куржума. Можно предположить, что люди Доргея составляли «пятидесятню» в составе Ченорутской «сотни», такая структура сохранялась во второй половине XVII в. Аналогично пятидесятня «Баендаевщина» составляла часть олзонского «рода» эхиритов [Долгих 1960: 290].

И. Кривогорницыну следовало с помощью бурят Куржума призывать в ясачный платеж булагатов. Куржум собирался осуществить это самостоятельно: «И тот государь Куржум ималса в утере служилых людей, а хотел он Куржум сам ездити к тем булгудаем, а служилых государь людей хотел оставити у себя в улусе» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 12]. Он же настаивал на том, что сам сможет собрать ясак со своего улуса, но за владения других князцов отвечать не мог: «А которые де у нас братцкие невеликие люди в наших же улусех живут, а государю ясаку не дали, и яз де с тех людей государев ясак зберу и служилыми людми пришлю или сам привезу, а которые братцкие люди моего улусу и Доргьева не учнут государю ясаку платить, и я тех людей отошлю проч» [Там же]. С Кривогорницыным к булагатам отпросились также Яков Софрыга и Мартын Кислоквас, намеревавшиеся продать им свои товары.

16 декабря князец и ясачные сборщики отправились в улус Куржума. А 4 января 1642 г. в острог прибыла эвенкийская женщина-переводчица с сыном Кужечаном и доложила казакам, что все служилые люди были убиты булагатами в улусе Куржума. А. П. Окладников полагал, что убийство ясачных сборщиков было следствием их попытки провести поголовную перепись людей Куржума, тем самым ставя под угрозу доходу князца [1937: 338]. Дополнительный архивный материал подтверждает намерение Куржума оставаться посредником между эхиритами и российской властью, но предоставляет другую информацию об обстоятельствах гибели отряда Кривогорницына. Кужечан был под бурятскими улусами в чумах тунгусов, там он услышал тайные вести от прибывшего к эвенкам «лучшего человека» Куржума – Бурчея. По словам последнего, Куржум оставил русских в своем улусе (предположительно, в долине р. Манзурки или Анги) и сам отправился к булагатам. Приехав к булагатам, Куржум начал говорить им про ясачный платеж, в ответ они связали Куржума и заявили ему: «... на вас де навели тынгусы служилых людей, а ныне де на нас ты наводишь служилых людей». После чего: «И те де булгудаи собрався войною многие люди и приехали в Куржумов улус. И увидел де Куржумов брат Заякай, что де многие булгудайские люди приехали к ним в улус, и он де учал говорити служилым людем: мечитеся де вы на лошади да побегите, и сам де с ними побежал жо. И те де булгудаи того Заякая схватили и били, и связали, и тех де служилых людей всех побили. И стал де было розговаривать и отнимать братцкой же мужик лутчей человек того ж Куржумова улусу и оне де и того убили вместе служилыми людми. А ныне де наш скот весь отгонили с собою в свои улусы» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 14]. Тот же человек Куржума говорил эвенкам: «И вы де тынгусы пошлите пошлите весть в Братцкой острожек к служилым людем, чтоб жили

в острошке бережно, а мы де государю ясак будем платить с тынгусами вместе, и Куржумова де сына берегите, а наши де люди икиреженские собрався все пошли за теми булгудаи». Борчей, он же названный Бородоем и Бороем, призывал эвенков, живших рядом с эхиритами, остерегаться булагатов, из-за чего они стали двигаться к Байкалу. Он же хотел, чтобы царь «прислал на тех булгудаев служилых людей войною по Ангаре» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 14].

На основании рассказа эвенков вырисовывается картина раскола в бурятских улусах. Булагаты опасались нападения русских и не слушали Куржума, они же прибыли к нему в улус, перебили шестерых ясачных сборщиков, связали брата Куржума и убили одного улусного человека, а также увели скот, возможно с лошадьми. Фактически улус Куржума оказался в заложниках у булагатов, русские были убиты последними, но на территории улуса эхиритов. Человек Куржума Борой как будто даже просил русских совершить поход на булагатов по Ангаре. Опасаясь мести казаков, родственники Куржума через эвенков постоянно подчеркивали свою непричастность в убийстве служилых людей. 4 марта 1642 г. в Верхоленский острог вновь прибыл Кужечан и сообщил, что слышал у эвенка Балтурина вести от налягиров Онеула брат Конеула и Челеки брат Звероула. Они сказали, что связанных русских перебили булагатские люди князца Наярая и эхириты улуса Куржума. Убить их приказал булагатский князец Наярай и князец Дорой, под именем Дороя мог быть эхиритский князец Доргей [Там же. Л. 15].

Не было единства и среди эхиритов. Доргей не выглядит подчиненным Куржума. Как выстраивались отношения зависимости между ними – неясно. Отношения казаков с Доргеем, который был ранен в бою 8 апреля 1641 г. у Анги, не были урегулированы. Куржум сам предупреждал русских о готовящейся войне и просил уберечь своего сына: «Да приказывал де Куржум с теми ж тынгусами, чтоб де служилые люди сына моего берегли и не убили одный по одному я сына своего не покину хоти де у нас будет служилыми людми война, и мы де с ними служилыми людми помиримся и ясак де станем давать впредь, а сын де мой не тужил» [Там же. Л. 15].

4 апреля другой эвенк Юнога рассказывал в остроге, что буряты уже ждали вестей от русских. Куржум, булагаты и хори не собираются воевать со служилыми людьми и готовы дать ясак. Некий хоринский князец был недоволен убийством русских, на что ему булагаты заявили: «... побили де служилых людей мы, а не куржумовы люди, а побили их за те головы убитых» [Там же. Л. 16]. 5 апреля эвенк Онеул повторил предложение бурят о мирных переговорах, но русские не захотели отпускать своего посланника к ним, и отправили к бурятам Онеула с требованием дани и покорности царю. 16 апреля Онеул вернулся и сообщал о мирных настроениях бурят, Куржум вновь повторял: «... побили служилых людей не мы, побили де их силная рука булгудайские люди, а мы де икирижелцы придем жити на старые свои жировья на Онгу, и государю де ясак дадим в новой год и нынешнего году недобору, а будем де мы на те свои прежные жировья жити как зелень станет выходить». Согласно Онеулу, Куржум и Доргей в то время кочевали в одном дне пути от булагатов [Там же. Л. 17].

В 1642 г. буряты не пошли войной на Верхоленский острог, а 6 декабря того же года верхоленский пятидесятник Курбат Иванов послал в тунгусские и бурятские улусы за ясаком Семена Черкашенина, толмача Федора Степанова и Прокопия Задубина. Ясачные сборщики остановились у Можеуля «под брацким улусом». К ним прибыли Куржум, его брат Чеул с тремя сыновьями. Отказ русских отдать его сына, несмотря на выплату ясака, вызвал негодование князца. Куржум не мог смириться с условиями аманатства и не хотел терпеть вмешательство ясачных сборщиков в дела его улусов. В итоге Куржум повелел подконтрольным ему бурятам не давать ясак: «Чтобы они брацкие люди Федору толмачю с себя ясаку не давали, ведь, де он просит и ходит ложно третьево де году он ходил Федор толмач землю проведывать … а ныне де пришел вас же оманывать кабы де он доброй человек, ведь, де он что собака, а хоти де ему и ясак дадите, а Куржумова де сына не выдадут все оманывают» [Там же. Ед. хр. 436. Л. 12–14]. Ситуацию усугубляли конкурировавшие между собой казачьи отряды в деле объясачивания «иноземцев». Эвенки передали Федору Степанову слова «брацкого мужика» Буры: «Нам де сказывал брацкой мужик Бура, мы де не знаем стало кому верить – не

знаем Федору толмачю, не знаем Семену Скороходову, Семен де ясаку просит, а Федор ясаку же просит» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ед. хр. 436. Л. 14].

В феврале 1646 г. на Илимском волоке якутский воевода Василий Пушкин зачитал речь двум бурятским аманатам эхириту Булую и ашебагату Чакуру, в которой перечислил их «измены». Речь началась с истории приведения под царскую власть князца Куржума в 1641 г. Куржум, присягнувший царю, выманил из Верхоленского острога служилых людей для переписи его улуса и убил их – тем самым князец изменил государю и отступился от своего сына, сидевшего в аманатах. Погиб Куржум, по всей видимости, в 1643 г., по словам того же источника, в своей юрте он попытался расправиться с Федором Степановым и Даниилом Скробыкиным, но был зарезан ими ножем [Сборник документов… 1960: 65–66].

На наш взгляд, русские воеводы рассматривали шерть Куржума как присягу царю в «вечное холопство» самого князца и всех его людей. В действительности же казаки на Верхней Лене смогли установить тесные связи с одним бурятским домом Чепчугуя и Куржума. Авторитет Куржума позволял ему играть роль посредника, но в ясачном сборе он не мог обеспечить лояльность всех эхиритов. Признавая статус князца, русские вели разведку и стремились вытребовать новый ясак с разных эхиритских улусов, что и негативно сказывалось на авторитете Куржума, и вызывало раздражение у предводителей других эхиритских «родов». Уничтожение ясачных сборщиков в декабре 1641 г. было вызвано частично местью со стороны бурят («а побили их за те головы убитых») и частично опасением булагатов перехода улуса Куржума на сторону казаков. История Куржума показала слабые и сильные места практики использования аманатов в отношении бурятских князцов. Удерживание в аманатах Куржума, а затем и его сына помогло служилым людям около двух лет обеспечивать безопасность нового Братского (Верхоленского) острога, но не смогло предоставить лояльность бурятской знати и исправный ясачный платеж.

Статья подготовлена при поддержке государственного задания (проект «Археологические культуры и этнические общности в динамике социокультурных процессов Внутренней Азии») № 126020616724-3.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА): ф. 1177, оп. 3, ед. хр. 152, 270, 436.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией: в 12 т. Т. 2. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. – 279 с.

Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1 / сост.: Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние БКНИИ. – Улан-Удэ: [б. и.], 1960. – 493 с.

Долгих Б. О. Родовой и племенной строй / Б. О. Долгих. – М.: АН СССР, 1960. – 621 с.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я. И. Линденау; пер. с нем., подг. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под общ. ред. И. С. Вдовина. – Магадан, 1983. – 176 с.

Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа / М. Н. Богданов. – 3-е изд. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. – 304 с.

Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.) / А. П. Окладников. – Л.: ОГИЗ, Гос. социально-экономическое изд-во. Ленингр. отд-ние, 1937. – 424 с.

Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием / И. Э. Фишер – СПб.: При Имп. акад. наук, 1774. – 631 с.

References

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA): f. 1177, op. 3, ed. hr. 152, 270, 436.

Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arheograficheskoj komissiej: v 12 t. T. 2. – SPb.: Tip. Eduarda Praca, 1846. – 279 s.

Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII vek. Vyp. 1 / sost.: G. N. Rumyancev, S. B. Okun'; Akad. nauk SSSR, Sib. otd-nie BKNII. – Ulan-Ude: [b. i.], 1960. – 493 s.

Dolgih B. O. Rodovoj i plemennoj stroj / B. O. Dolgih. – M.: AN SSSR, 1960. – 621 s.

Lindenau Ya. I. Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): istoriko-etnograficheskie materialy o narodah Sibiri i Severo-Vostoka / Ya. I. Lindenau; per. s nem., podg. teksta, primech. i predisl. Z. D. Titovoj; pod obshch. red. I. S. Vdovina. – Magadan, 1983. – 176 s.

Bogdanov M. N. Ocherki istorii buryat-mongol'skogo naroda / M. N. Bogdanov. – 3-e izd. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2014. – 304 s.

Okladnikov A. P. Ocherki iz istorii zapadnyh buryat-mongolov (XVII–XVIII vv.) / A. P. Okladnikov. – L.: OGIZ, Gos. social'no-ekonomicheskoe izd-vo. Leningr. otd-nie, 1937. – 424 s.

Fisher I. E. Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sej zemli rossijskim oruzhiem / I. E. Fisher – SPb.: Pri Imp. akad. nauk, 1774. – 631 s.

УДК 94(517)+94(57)
ББК 63.3(29=)+63.3(5)
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-30-34

Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭТНОНИМА *СООГОЛ*

В статье обсуждаются этимология и вероятный контекст возникновения этнонима, зарегистрированного в современной форме как *соогол* среди селенгинских и баргузинских бурят. Летописная форма старомонгольским письмом *čwwγwl* подтверждает первичность формы с инициальной аффрикатой *č-*, а графическое обозначение удвоенного гласного первого слога может объясняться влиянием устного произношения. Название сопоставляется с личным именем, известным в русскоязычных источниках XVII в. как *Чеул* и *Цоул*. Слово объясняется как отглагольное образование от формы **čoγu-*.

Ключевые слова: этноним, буряты, этимология, ономастика, генеалогия.

B. Z. Nanzatov, V. V. Tishin

THE ORIGIN OF THE ETHNONYM *SŌGOL*

The paper duscusses the etymology and possible context of the origin of the ethnonym known in its modern form as *Sōgol* among the Selenga and Barguzin Buryats. The chronicle form in traditional Mongolian script *čwwγwl* confirms the original form of the ethnonym with the initial affricate *č-*. The graphic representation of the doubled vowel in the first syllable may be explained by the influence of late oral pronunciation. The ethnonym is compared with a personal name known in the 17th century Russian-language sources as *Čeul* and *Tsoul*. Morfologically, form is explained as a deverbal noun from the verb **čoγu-*.

Keywords: ethnonym, Buryats, etymology, onomastics, genealogy.

Исследования бурятской этнической номенклатуры позволяют отследить связи и провести параллели на широком историческом материале. Наиболее продуктивные результаты предоставляет комплексный анализ разных групп источников, однако в отдельных случаях частные выводы требуют более широкого концептуального осмысления на основе учета совокупности подобных наблюдений. В данной статье представлен один из таких случаев.

Отписка пятидесятника Мартына Васильева ленским воеводам Петру Головину и Мартыну Глебову 1641 г. упоминает личное имя Чеул, так звали дядю икирежского (эхиритского) «князца» Куржума Бурлаева, вслед за которым он приезжал в Братский острог [Дополнения к актам… 1846: 255]. В дальнейшем в русскоязычных ясачных реестрах плательщиков ясака упоминается в 1672–1677 гг. имя Бутухей Чеулев, в 1681 г. – Ботукей Цоулев, который был предводителем «Ботукеевой сотни», фискальной единицы, включавшей в свой состав два рода, носивших название «Чернорутцкаго», и род «Доргиевщина» [Долгих 1953: 49 (табл. 6); 1960: 292 (табл. 106)] [I]. Предводителем одного из «Чернорутцких» родов был он сам, «поэтому весь Ченорутский род назывался также Бутукеевой сотней» [Он же 1960: 289]. Как в свое время определил Г. Н. Румянцев, именование «Чернору(т)цкий», «Чернорудский» и т. п. в русскоязычных документах происходит от искажения названия *шоно уруг* [1952: 53], видимо, еще в варианте, когда начальный *č-* в первом слове не преобразовался в *š-* (*Tscheno*, *Tschenorusk* в записях Я. И. Линденау (1745)) [1983: 137].

НАНЗАТОВ Баир Зориктоевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: nanzatov@yandex.ru.

ТИШИН Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: tihij-511@mail.ru.

В 1949 г. Г. Н. Румянцев опубликовал текст рукописи, переписанной в 1926 г. Будажапом Будаевым (ум. в 1932 г.) со списка сочинения с названием “Ekerid bulaγad čooγol ečege-jin jon-u teüke bičig” (История народа эхирит булагатского рода Цоогол), написанного в 1910 г. Дашинимой Йондоновым, происходившим «из кости А-даг, подрода Цогол (Согол) рода Шоно» [1949б: 134]. Сам Г. Н. Румянцев везде транскрибирует название упомянутого рода как ‹Цоогол› [1949б: 134], из его описания орфографических характеристик рукописи следует, что он передает как *ц* исходный знак *č* [Там же: 137–138]. Позже Г. Н. Румянцев передавал это название как ‹цоогул› [Он же 1965: 101].

В летописи упоминается некто Бэтуухэй [Он же 1949б: 145 (транскр.), 147 (пер.)], в отношении которого Г. Н. Румянцев приводит также данные из «Родословной селенгинских бурят», согласно которым Битухэй является потомком Шоно в шестом поколении [Там же: 173]. Также приводятся сведения М. Маласагаева, который записал в 1927 г. от Жалсана Базарова «родословную кости Согол (соогол или цоохол)», где эпоним *Согол* значится сыном Шоно, а Бетухе представлен потомком Эхирита в девятом поколении [Он же 1949а: 56 (примеч. 5); 1949б: 143] [II]. Этот персонаж был отождествлен с упомянутым выше носителем имени Бутухей Чеулев, или Ботукей Цоулев, русскоязычных ясачных реестров [Цыдендамбаев 1972: 259–260].

Согласно разным данным, Бэтуухэй (как в летописи) имел трех сыновей, которых звали Алаг, Абугул и Найрай, следуя летописи и «Родословной селенгинских бурят», или Алага, Абага и Наря, согласно данным Ж. Базарова. В последней версии Бетухе жил в Большом Яланцынском (Еланцынском) ведомстве напротив острова Ольхон, в 1600 г. (sic!) два его старших сына перекочевали на восточный берег Байкала, поселились на р. Гильбир, младший сын остался на родине и умер в 1708 г. (115 лет от роду), а в 1722 г. его сын Адаг поселился в Янгажинском улусе [Румянцев 1949б: 143]. В летописи говорится об уходе двух старших братьев Найрая на южный берег Байкала, затем сказано, что его жена с двумя сыновьями, которых звали Адаг и Дариба, после смерти мужа в преклонном возрасте перекочевала в долину р. Кудары, а затем они переселялись в другие местности [Там же: 145 (транскр.), 147–148 (пер.); 1965: 101]. Предание, записанное С. П. Балдаевым, называет Согола сыном Шоно и селит его «на Лене, у устья реки Анги»; у него было два сына, Найрай и Маран, у первого из них было три сына – Абагал, Найрай и Маран, которые после прихода русских перешли оз. Байкал по льду и поселились в устье р. Селенги [1970: 202]. На основе совокупности генеалогий и преданий Ц. Б. Цыдендамбаев датирует переселение сыновей Найрая самым началом XVIII в. [1972: 26, 259–260].

Согласно «Родословной селенгинских бурят», среди селенгинских бурят отмечены кость *согол-шоно (цоогол-чоно)*: «в долинах рек Гильбиры, Баян-гола», и кость *адаг (а-а-даг)*, «по Баян-голу и Янгажину» (цит. по: [Румянцев, 1965: 106]). В 1932 г. Н. Н. Поппе зарегистрировал среди баргузинских бурят название *sōgol* как подразделения рода *(jahaŋ) bulagat* (sic!) [Востриков, Поппе 1935: 28, 45 (примеч. 5)]. Последнее обстоятельство исследователи объясняют вторичными пертурбациями исходных коллективов [Румянцев 1949а: 54–55; Цыдендамбаев 1972: 265–266].

Таким образом, есть основания не только связать данный этноним с личным именем деятеля, достоверно зафиксированного письменными источниками в конце XVII в., как было сделано Ц. Б. Цыдендамбаевым, но и проследить эту историческую связь далее, к концу первой половины XVII в. Два варианта одного имени, Чеул и Цоул (в первом из них мягкорядный полуширокий огубленный звук не мог получить графического обозначения), отражают процесс преобразования *č-* > *ts-* в позиции не перед *i*, который в бурятском языке мог начаться к самой середине XVII в. [Тишин, Нанзатов 2024], завершившийся дезаффрикатизацией на конечной стадии *s-*, что отражено в современном произношении этнонима *соогол*. Письменное обозначение двух гласных в первом слоге в написании этнонима могло быть мотивировано устным произношением [Цыдендамбаев 1972: 312, 559].

Исходная форма имени, как и этнонима, могла иметь, таким образом, облик **čoγul*. Надежную этимологию предложить довольно сложно, поскольку в словарях можно лишь

найти соответствующий глагол *čoγul-* ‘to pierce, puncture, make a hole, punch, perforate; to reveal, make known’ [Mongolian-English Dictionary 1960: 195]. Однако имя *čoγulγ-a* ‘hole, opening; opening cut in the ice (as for fishing of watering cattle); a thawed patch on a showy of icy surface’ [Ibid.], являющееся, видимо, отглагольным образованием с аффиксом *-lGA* [Poppe 1954: 47], позволяет говорить о существовании незарегистрированной гомогенной глагольной основы **čoγu-*. В этом случае мы, вероятно, могли бы допустить существования отглагольного именного образования **čoγu-l*.

Но представленные наблюдения на данном этапе не могут быть истолкованы однозначно. С одной стороны, можно было бы утверждать, что здесь наглядно представлен случай происхождения патронимии, с другой – нельзя исключать, что в русскоязычном документе вместо личного имени назван этноним той группы, которую представлял конкретный упомянутый деятель.

Любопытно отметить, что личное имя *Соогол* встречается в родословных булагатского племени *готол*, причем в составе двух его подразделений, у *тӯдэ готолов* в улусах Шаралта и Корминском и у *тӯргэн готолов* – в улусе Готол-Яматский [Балдаев 1970: 65, 101, 115]. Подразделения с таким названием в этой среде, насколько нам известно, не зарегистрировано. Вместе с тем нельзя утверждать, что его не существовало.

Другим вопросом, который может потребовать дополнительного обсуждения, является, несмотря на предложенную этимологию, вероятность безотносительно к ней связи данного личного имени и/или этнонима с этнонимом *цонгоол (< čongγol)* [Нанзатов, Тишин 2023а, б], следуя той же логике, по которой преобразовался этноним *mongγol > moγol* [Rachewiltz 1996]. Личное имя также может восходить к этнониму, с носителями которого связано какое-то важное событие для его сообщества, вследствие которого родители нарекли своего ребенка так [Rásonyi 1953: 337–345].

Статья выполнена в рамках государственного задания (проект «Археологические культуры и этнические общности в динамике социокультурных процессов Внутренней Азии») № 126020616724-3.

Примечания

I. О группе «Доргиевщина», которая осталась неясной Б. О. Долгих, см.: [Толмачев 2026].

II. В других материалах М. Маласагаева Согол значится шестым сыном Шоно [Румянцев 1949а: 56; б: 172].

Источники и литература

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. II. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. – [5], 279, [7], [7] с.

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. I: Булагаты и эхириты / С. П. Балдаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 364 с.

Востриков А. И. Летопись баргузинских бурят: тексты и исследования / А. И. Востриков, Н. Н. Поппе. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – 75 с.

Долгих Б. О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа / Б. О. Долгих // Советская этнография. – 1953. – № 1. – С. 38–63.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б. О. Долгих. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 662 с.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я. И. Линденау; пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под. общ. ред. И. С. Вдовина. – Магадан: Магаданск. кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Нанзатов Б. З. Происхождение этнонима цонгоол / Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2023а. – Т. 44. – С. 120–132.

Нанзатов Б. З. Тюркские чунгулы ~ чумулы, чигили и бурятские цонголы ~ сонголы: исследование исторической связи названий / Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин // Бартольдовские чтения / сост. А. Д. Васильев, Д. М. Тимохин. – М.: ИВ РАН, 2023. – С. 153–176.

Румянцев Г. Н. Баргузинские буряты / Г. Н. Румянцев // Труды Кяхтинского краеведческого музея им. академика. В. А. Обручева и Кяхтинского отделения Всесоюзного географического общества. – 1949а. – Т. 16. – Вып. 1. – С. 34–62.

Румянцев Г. Н. Летопись рода согол селенгинских бурят-монголов / Г. Н. Румянцев // Сборник трудов по филологии. Вып. 2. – Улан-Удэ: Бурят-монг. кн. изд-во, 1949б. – С. 133–175.

Румянцев Г. Н. Родоплеменной состав верхоленских бурят (окончание) / Г. Н. Румянцев // Записки БМНИИК. – 1952. – Вып. XV. – С. 53–80.

Румянцев Г. Н. Баргузинские летописи / Г. Н. Румянцев. – Улан-Удэ: Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1956. – 150 с.

Румянцев Г. Н. Селенгинские буряты / Г. Н. Румянцев // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института (БКНИИ) СО АН СССР. – Улан-Удэ, 1965. – Вып. 16. Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 2. – С. 87–117.

Тишин В. В. Чагаң кāн: к хронологии бурятских заимствований в языке баргузинских эвенков / В. В. Тишин, Б. З. Нанзатов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2024. – № 1(53). – С. 52–57.

Толмачев П. А. Новый взгляд на ранние российско-бурятские отношения: князец Куржум Бурлаев в период российской колонизации на Верхней Лене в 1641–1643 гг. / П. А. Толмачев // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2026. – № 2(62). – С. 24–29.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование / Ц. Б. Цыдендамбаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – 664 с.

Mongolian-English Dictionary / comp. by M. Haltod, J. G. Hangin, S. Kassatkin, with F. G. Lessing as general editor. – Berkeley: University of California Press, 1960. – XVII, 1217 p.

Poppe N. Grammar of Written Mongolian / N. Poppe. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1954. – XII, 195 p.

Rachewiltz I (de). The Name of the Mongols in Asia and Europe: A Reappraisal / I. Rachewiltz // Études mongoles et sibériennes. – 1996. – Vol. 27. – P. 199–210.

Rásonyi L. Sur quelques catégories de noms de personnes en Turc / L. Rásonyi // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1953. – T. III. – Fasc. 3–4. – P. 323–351.

References

Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arheograficheskoyu komissieyu. T. II. – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1846. – [5], 279, [7], [7] s.

Baldaev S. P. Rodoslovnye predaniya i legendy buryat. Ch. I: Bulagaty i ekhirity / S. P. Baldaev. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1970. – 364 s.

Vostrikov A. I. Letopis' barguzinskih buryat: teksty i issledovaniya / A. I. Vostrikov, N. N. Poppe. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1935. – 75 s.

Dolgih B. O. Nekotorye dannye k istorii obrazovaniya buryatskogo naroda / B. O. Dolgih // Sovetskaya etnografiya. – 1953. – № 1. – S. 38–63.

Dolgih B. O. Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII veke / B. O. Dolgih. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 662 s.

Lindenau Ya. I. Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): istoriko-etnograficheskie materialy o narodah Sibiri i Severo-Vostoka / Ya. I. Lindenau; per. s nem., podgot. teksta, primech. i predisl. Z. D. Titovoj; pod. obshch. red. I. S. Vdovina. – Magadan: Magadansk. kn. izd-vo, 1983. – 176 s.

Nanzatov B. Z. Proiskhozhdenie etnonima congool / B. Z. Nanzatov, V. V. Tishin // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya. – 2023a. – T. 44. – S. 120–132.

Nanzatov B. Z. Tyurkskie chunguly ~ chumuly, chigili i buryatskie congoly ~ songoly: issledovanie istoricheskoj svyazi nazvanij / B. Z. Nanzatov, V. V. Tishin // Bartol'dovskie chteniya / sost. A. D. Vasil'ev, D. M. Timohin. – M.: IV RAN, 2023. – S. 153–176.

Rumyancev G. N. Barguzinskie buryaty / G. N. Rumyancev // Trudy Kyahtinskogo kraevedcheskogo muzeya im. akademika. V. A. Obrucheva i Kyahtinskogo otdeleniya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva. – 1949a. – T. 16. – Vyp. 1. – S. 34–62.

Rumyancev G. N. Letopis' roda sogol selenginskih buryat-mongolov / G. N. Rumyancev // Sbornik trudov po filologii. Vyp. 2. – Ulan-Ude: Buryat-mong. kn. izd-vo, 1949b. – S. 133–175.

Rumyancev G. N. Rodoplemennoj sostav verholenskih buryat (okonchanie) / G. N. Rumyancev // Zapiski BMNIIK. – 1952. – Vyp. XV. – S. 53–80.

Rumyancev G. N. Barguzinskie letopisi / G. N. Rumyancev. – Ulan-Ude: Buryat.-Mong. kn. izd-vo, 1956. – 150 s.

Rumyancev G. N. Selenginskie buryaty / G. N. Rumyancev // Trudy Buryatskogo kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (BKNII) SO AN SSSR. – Ulan-Ude, 1965. – Vyp. 16. Materialy po istorii i filologii Central'noj Azii. Vyp. 2. – S. 87–117.

Tishin V. V. Chagaң kān: k hronologii buryatskih zaimstvovanij v yazyke barguzinskih evenkov / V. V. Tishin, B. Z. Nanzatov // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2024. – № 1(53). – S. 52–57.

Tolmachev P. A. Novyj vzglyad na rannie rossijsko-buryatskie otnosheniya: knyazec Kurzhum Burlaev v period rossijskoj kolonizacii na Verhnej Lene v 1641–1643 gg. / P. A. Tolmachev // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2026. – № 2(62). – S. 24–29.

Cydendambaev C. B. Buryatskie istoricheskie hroniki i rodoslovnye. Istoriko-lingvisticheskoe issledovanie / C. B. Cydendambaev. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1972. – 664 s.

Mongolian-English Dictionary / comp. by M. Haltod, J. G. Hangin, S. Kassatkin, with F. G. Lessing as general editor. – Berkeley: University of California Press, 1960. – XVII, 1217 p.

Poppe N. Grammar of Written Mongolian / N. Poppe. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1954. – XII, 195 p.

Rachewiltz I (de). The Name of the Mongols in Asia and Europe: A Reappraisal / I. Rachewiltz // Études mongoles et sibériennes. – 1996. – Vol. 27. – P. 199–210.

Rásonyi L. Sur quelques catégories de noms de personnes en Turc / L. Rásonyi // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1953. – T. III. – Fasc. 3–4. – P. 323–351.

УДК 398.344
ББК 63.5
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-35-41

М. М. Содномпилова

ЗНАКОВЫЕ СВОЙСТВА ЭЛЕМЕНТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: *ХУБСАР* В БУРЯТСКОЙ ЮРТЕ

Статья посвящена изучению знаковых свойств предметов материальной культуры бурят. Как «текст» культуры рассматривается такой элемент быта бурят, как меховой ковер *хубсар*. В информационном поле *хубсара* выявлены архаичные идеи о возникновении мира, об его устройстве, этнокультурные связи, социальные и пространственно-организующие функции этого предмета в жилище бурят.

Ключевые слова: традиционная культура, буряты, пространство жилища, *хубсар*, символика, функции.

M. M. Sodnompilova

SYMBOLIC PROPERTIES OF ELEMENTS OF MATERIAL CULTURE: THE *KHUBSAR* IN A BURYAT YURT

This article examines the symbolic properties of Buryat material culture objects. The *khubsar*, a fur rug found in Buryat everyday life, is considered a cultural “text”. The *khubsar’s* informational context reveals archaic ideas about the origins of the world, its structure, ethnocultural connections, and the social and spatial functions of this object in Buryat homes.

Keywords: traditional culture, Buryats, space, *khubsar*, symbolism, functions.

Многовековой процесс освоения номадами разных природных зон пространства Внутренней Азии, включающий биологическую адаптацию кочевников в суровых природно-климатических условиях окружающей среды, формирование особой мировоззренческой базы способствовали сложению уникальной системы коммуникации в кочевых обществах, встроенную в сложную информационную среду пространства жизнеобеспечения. Она отражена и прочно закреплена во всех сферах бытия номадов Внутренней Азии. В кочевой среде тюрко-монгольских народов сформировалась особая вербальная культура, «экономная» на слова. Вербальные ограничения компенсировались информационной насыщенностью природного окружения, полного образов, звуков и запахов, одухотворенной материальной культурой, движениями и жестами.

Как своеобразный текст, который должен был правильно «читать» и понимать каждый член бурятского общества, выступает пространство традиционной бурятской юрты, в которой практически каждый предмет несет определенную информацию. Анализ предметов в доме бурят, включая материал, из которого изготавливались вещи, их декоративное оформление, расположение в доме позволяет составить представление о значении вещей в семейном быту. В данной статье внимание будет уделено такому неотъемлемому предмету интерьера традиционного бурятского деревянного жилища, как меховые ковры *хубсары*.

Обозначение, форма и назначение предмета

У предбайкальских бурят распространенным предметом обихода были меховые коврики прямоугольной формы *хубсары* (предположительно, от эвенк. *кува* – «вырезать из бересты» либо от бур., монг. *хуби* – «часть», «доля») [ЭСМЯ 2018: 62]. Места расселения предбайкальских бурят были преимущественно лесные, скота и особенно

СОДНОМПИЛОВА Марина Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела археологии и этнологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: sodnompilova@yandex.ru.

овец, из шерсти которых изготавливали войлок, держали меньше, чем в Забайкалье. Большое значение в жизни предбайкальских бурят имела охота. Она и обеспечивала их шкурами разных животных, обрезки которых шли на изготовление бытовых предметов, таких как *хубсары*. В быту бурят-степняков, разводивших большое количество овец, преимущественно были распространены войлочные ковры, которые назывались *ширдэг*.

Хубсар – очень важный предмет обихода, особенно востребованный в зимнее время. На холодный пол, нередко на мерзлую землю, стлали меховые подстилки или невыделанные шкуры, сверху «клали сиденья – hудал, тоже нарочно шитые, на которых сидеть было мягче, теплее и удобнее, чем на холодной и мерзлой земле. Эти разные хубсары, hудалы сохранились до сих пор у нынешних бурят» [Хангалов: 1958: 80]. Такие же предметы использовали в быту и другие народы Южной Сибири: «Постели у камасинцев из шкур с косульих голов и ног, сшитых вместе. Таковы же и подушки, на которые они усаживают гостей» [Миллер 2009: 204].

Хубсары являются образцом древней лоскутной техники шитья, распространенной в традиции многих народов. Лоскутные коврики из кусков меха широко бытовали в повседневной и ритуальной культуре бурят. Очевидно, меховая мозаика возникла из необходимости применения в быту шкур небольшого размера и кусочков меха, снятых с лап, головы животных. Особенности остатков меха определили и геометрическую форму узоров мехового лоскутного ковра – прямоугольники и треугольники.

Ковер, изготовленный из камусов, был трудоемким и дорогим изделием и считался ценным подарком. Такой ковер, в частности, был преподнесен царской семье главами 11 родов хори-бурят в 1702 г. Добравшись до столицы, они вручили Петру Алексеевичу «лучшие меха одиннадцати огненных черно-бурых лисиц, одиннадцати черных соболей, ширдэг, изготовленный из шкур снятых с ног сохатых, серебряный колчан с цепью, крепкий лук из рога, панцирь и шлем из черного металла…» [Жамсоев, Бадмаева, Очирова 2020: 201].

Хубсары могли быть разного размера – небольшие коврики квадратной формы использовались для сидения, более крупные изделия вешали на стену, стелили на пол для тепла. О множестве таких ковриков в доме тункинского бурята, искусно сшитых «из лоскутов шкурок с козьих и оленьих ног и медвежьих лап», пишет Н. М. Астырев [1891: 186]. Использовались камусовые ковры и в качестве постели. Об этом пишет Г. Ф. Миллер: «Постели у брацких просто составлены из коровьих камасов и ничем не набиваются» [2009: 183]. Продолжали использовать *хубсары* в таком качестве и в XX в. – их стелили под матрасы на панцирные сетки кроватей (Полевые материалы автора. Инф. А. Нагослаева, пос. Усть-Орда Иркутской области. 2025 г. (далее – ПМА)).

На изготовление *хубсаров*, в зависимости от их предназначения, шли шкурки разных животных. Коврики для сидения шили преимущественно из камусов небольших животных – коз, овец, жеребят, телят, косули, кабарги, а большие *хубсары* – из камусов взрослых животных – лошадей, крупного рогатого скота. При этом предпочитали конские камусы: «Шкуры коней были прочные, сильно не облезали, не шоркались как коровьи. Поэтому, как говорила моя мама, хубсары делались в основном конские» [Там же]. Такими же крепкими были лосиные камусы. Значение имел и такой факт, как доступность материала – большое разнообразие шкур диких животных для их изготовления могло быть в распоряжении только жителей лесных регионов, например таких, как Закаменский, Тункинский, Баргузинский районы Бурятии.

Декоративное оформление

Хубсары шились сугубо из шкур, снятых с ног разных диких и домашних животных *камусов*. Снизу изделие подбивалось войлоком. Камусы представляли собой неширокие прямоугольники, при сшивании которых опирались на контраст цвета шкур. Их орнаментальная композиция строится путем чередования разномастного камуса [Тугутов 1958: 142]. Излюбленным приемом было чередование темных и светлых камусов – так называемый «шахматный порядок». Б. Э. Петри пишет, что кудинские

буряты «в старину делали очень красивые ковры, середина которых сшивалась из бараньих камасов, иногда подобранных по цвету (белый и черный) в шахматном порядке» [Петри 1918: 15]. Эти сведения подтверждаются материалами К. Д. Басаевой. Она пишет, что у невесты зажиточных родителей хотя бы один из *хубсаров* был сшит из черно-белых камусов [1980: 141]. Дополняют эти сведения сообщения информаторов, которые указывают, что лошади черной и белой масти встречались довольно редко – такие кони могли быть только у зажиточных бурят: «Бабушка раньше рассказывала, что богатые выделывали шкуры от белых и черных лошадей». Но даже зажиточные хозяева необходимые для *хубсара* черные или белые шкуры покупали либо выменивали (ПМА).

Чередование черного и белого цветов и прямоугольно-геометрический стиль – шахматный рисунок – являются характерной чертой декоративного искусства многих народов севера и Сибири – якутов, эвенков, эвенов, юкагиров, ненцев, коряков. Простейшие геометрические узоры в искусстве якутов, по мнению Н. В. Кочешкова, – это отражение связи якутов с тунгусами и северо-восточными палеоазиатами [1997: 54]. Вероятно, отражением подобных связей считаются и геометрические узоры предбайкальских бурят. Их возраст архаичен – С. И. Ванштейн относит его к докочевническому историко-генетическому слою орнамента тюрков Сибири, а другие исследователи – к эпохе неолита [Кочешков 1997: 144; Баторова 2005: 224–225]. *Хубсар* предбайкальских бурят – безусловно, один из образцов этого древнего узора.

Сочетание черного и белого цветов у якутов – соседей бурят – имеет важное сакральное значение. Для ритуальных целей якуты плели особые ковры *сюнг сёрюё* – из белой конской и черной коровьей шерсти. На такой ковер в обрядовой практике устанавливали посуду с жертвенной пищей [Алексеев 1975: 90]. Ковер, сшитый из белой конской шкуры и украшенный черной каймой, упоминается в якутском ритуале испрашивания души ребенка [Якутские мифы 2004: 305]. О другом ритуальном коврике, называемом *харалаах аас тэллэх*, говорит С. И. Петрова: в его названии подчеркивается характерная деталь *харалаах* («имеющий что-либо черное» [ЯРС 1972: 482]). По наблюдениям В. Л. Серошевского, якуты особенно ценили черные меха, считая черный цвет более красивым [Серошевский 1993: 631]. Вместо постели якуты используют «большие узорчатые ковры, сшитые из кусков искусно подобранного черного и белого короткошерстного меха. Когда якуты стелят почетному гостю почетную постель, такие ковры кладут вниз, а наверх уже медвежью шкуру» [Там же 329]. Эти ритуальные и декоративные особенности якутских ковров просматриваются и в бурятских *хубсарах* с «шахматным» узором, которые буряты, исходя из возможностей семьи, старались изготовить к свадьбе дочери.

Окантовку *хубсара* в разных традициях предбайкальских бурят делали преимущественно из красного сукна, хотя встречались синие или зеленые цвета. В старину кайма обычно украшалась узорами, раковинами *cipraea* (ципреи или каури), монетами – об этом пишет Б. Э. Петри, сокрушаясь, что ему «не удалось уже застать ковры с украшенной каймой» [1918: 15]. Со временем декоративное оформление каймы упростилось. У закаменских бурят «для украшения меховой коврик обшивался полоской из красного сукна (хязаалаха), на которую нашивали тесьму из овечьей шерсти или обшивали ее тонкой узкой кожаной каймой» [Галданова 1992: 72].

Символические функции хубсара

В составе приданого невесты предбайкальских бурят должно было быть два больших *хубсара*. «Один ковер вешался на стену над кроватью или стлался на кровать, а другим во время свадебной церемонии завешивали дверь юрты, так как закрывать ее было нельзя» [Басаева 1980: 142]. Два *хубсара* присутствуют в списке приданого тункинских бурят в документах 1884 г. по делам «о возвращении калыма» [Галданова 1992: 120]. В бедных семьях невеста вместо камусовых в приданое получала два шерстяных тканых ковра *(нэхэмэл, таар)* либо платки. Эти сведения подтверждаются информаторами: «Хубсар считался роскошью, и поэтому он обязательно шел в приданое невесты. Если его не было, значит, невеста была из бедной семьи, не имеющей табуна» (ПМА).

Универсальным символическим значением такого изделия, как ковер, считается моделирование мира. Ярким образцом воплощения этой идеи является ковер на Востоке – это особое явление культуры, репродукция сада как священного места [Foucault 2008: 19–20]. Сходную, но более практическую задачу реализует эвенкийский ритуальный коврик *наму* («родовая территория»), декоративное оформление которого соответствовало его названию. «В старину коврики наму являлись родовым достоянием…» [Мазин 1984: 22]. Кроме того, *наму* вмещал жизненную силу рода *мусун* [Сем 2012: 381].

Следуя логике символического прочтения обыденного в традиционной культуре, можно предположить, что эта идея соотносилась и с бурятским *хубсаром*. Прежде всего следует отметить бытование в мифологии тюрко-монголов образов неба и земли в виде шкур животных, меховых или войлочных ковров. Среди образцов малых жанров фольклора монгольских народов есть загадки, в которых земля и небо представляются в образе шкуры, войлока, изделий из шкур (шуба), позднее – из ткани. Примером являются калмыцкие загадки: «Шубу дедушки невозможно перешагнуть, шубу бабушки нельзя свернуть (небо и земля)» [Эрдниева 2017: 104–105].

Были такие представления и у тюрков Сибири. Согласно якутскому космологическому мифу, записанному в середине XVIII в., мир, созданный триадой богов, состоял из земли и неба, которые были похожи на четырехугольные коврики *тэллэх* [Бравина 2005: 20]. Это был мир, способный расширяться, растягиваться, подобно эластичной шкуре. В связи с этим требование наличия в приданом бурятской невесты двух меховых ковров может объясняться с позиций понимания свадьбы как части грандиозного цикла мифологического первотворения, в котором два ковра выступают репликой изначального мира.

В структуре главного якутского праздника *Исыаха* одной из ключевых идей выступает борьба луны и солнца, зимы и лета, смена дня и ночи, выраженная в состязании двух всадников на белом и черном конях, борьбе двух юношей, одетых в белое и черное [Захарова 2004: 27]. Возможно, что эта идея, отражающая природные ритмы, также находит воплощение в черно-белых узорах ритуальных якутских ковров. А отголосок этой идеи присутствует и в декоре бурятских *хубсаров*.

В обосновании сочетания темного и светлого цветов в декоре предметов значение имеют и привычные для глаз сибиряков «краски» ландшафта – белые и темные оттенки снежных пространств, лесов и скал. Неслучайно эту пестроту, двухцветность многие народы этого обширного региона считают признаком самого прекрасного в природе и в орнаменте [Каплан 1980: 77].

Предмет в невербальной коммуникации

Хубсар входит в число предметов интерьера бурятского жилища, который имел определенное информационное значение, выступая своеобразным ориентиром для гостей в пространстве юрты. Так, например, в быту бурят, проживающих в лесной зоне, в доме которых были *хубсары*, сшитые из камусов разных животных, функционировали правила пользования ковриками, основанные на гендерной и социальный принадлежности людей. В доме закаменских бурят мужчинам предназначались *хубсары* из жеребячьих камусов, для женщин – из бараньих и телячьих. Для представителей буддийского духовенства стелили *хубсары*, сшитые из шкурок ягнят и кабарги. При этом «хубсар из бараньих камусов можно было стелить всем, кроме лам. На коврик из камусов кабарги ни в коем случае не должны были садиться женщины. Существовало представление, что при рождении детенышей самка кабарги протискивалась между стволами деревьев, чтобы разрешиться от родов, поэтому опасаясь “трудных родов”, женщины избегали садиться на шкуру кабарги» [Галданова 1992: 72].

Подобные изделия из шкур в бурятской юрте несли и другую важную информацию, которую должны были знать гости. Следует отметить, что все предметы в жилище монгольских народов ориентировались своей парадной лицевой частью к центру

жилища – к огню очага. В соответствии с этим правилом особым образом должны были располагаться в доме и напольные коврики. Войлочные коврики *ширдэги*, которые часто имели окантовку из нарядной ткани с одной стороны, размещали к очагу этой нарядным краем, а коврики, сшитые из камусов, было принято располагать к центру юрты «по шерсти» [Содномпилова 2005: 145]. Иное расположение противоречило традиции и могло вызвать осуждение, насмешки со стороны общества. Нередко буряты, знатоки традиций, использовали особенности организации внутреннего устройства юрты как повод, чтобы испытать, унизить нежеланного гостя. Один из таких случаев, произошедший с предком М. Н. Хангалова Балихаем примерно в конце XVIII в., был описан так: «Однажды окинский богач Бодо пригласил к себе в гости Балихая с целью его опозорить перед народом. Когда Балихай должен был приехать, то богач Бодо, по старинному обычаю, разостлал в юрте около очага хубсыр ворсом но не к очагу, как это обычно делают, а к стене. Балихай вошел в юрту, поздоровался с хозяином и увидел, что около очага хубсыр ворсом шерсти разостлан к стене. Он догадался, что богач хочет его испытать. Он подошел к очагу, сел на хубсыр лицом к стене, а не к очагу, что по обычаю не допускается» [1958: 140].

Заключение

Рассмотренная нами совокупность значений и функций хубсара показывает всю сложность информационного содержания такого, казалось бы, обыденного предмета традиционного бурятского жилища. В информационном поле этого предмета сочетаются архаичные идеи о возникновении мира, об его устройстве, этнокультурные связи, социальные и пространственно-организующие функции *хубсара* в жилище бурят.

Статья выполнена в рамках государственного задания (проект «Археологические культуры и этнические общности в динамике социокультурных процессов Внутренней Азии») № 126020616724-3.

Литература

Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. / Н. А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 1975. – 200 с.

Астырев Н. М. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири / Н. М. Астырев. – М.: Тип. Д. И. Иноземцева, 1891. – 450 с.

Басаева К. Д. Семья и брак у бурят (вторая половина XIX – начало XX в.) / К. Д. Басаева. – Новосибирск: Наука, 1980. – 223 с.

Баторова Е. А. Типология бурятского орнамента / Е. А. Баторова // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения: сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 223–229.

Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса на материале традиций саха / Р. И. Бравина. – Новосибирск: Наука, 2005. – 307 с.

Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX в.) / Г. Р. Галданова. – Новосибирск: Наука, 1992. – 172 с.

Жамсоев А. Д. Ацагатский очерк о хори-бурятах / А. Д. Жамсоев, Л. Б. Бадмаева, Г. Н. Очирова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. – 234 с.

Захарова С. И. Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха / С. И. Захарова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 116 с.

Каплан Н. И. Народное декоративно-прикладное искусство Крайнего Севера и Дальнего Востока / Н. И. Каплан. – М.: Просвещение, 1980. – 124 с.

Кочешков Н. В. Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры. Проблемы историко-культурных связей на материале народного декоративного искусства XIX–XX веков / Н. В. Кочешков. – СПб.: Наука, 1997. – 174 с.

Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.) / А. И. Мазин. – Новосибирск: Наука, 1984. – 200 с.

Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Г. Ф. Миллер; пер. с нем. А. Х. Элерт. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 456 с.

Петри Б. Э. Орнамент кудинских бурят / Б. Э. Петри // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской академии наук. Т. 5 / Б. Э. Петри. – Пг.: [б. и.], 1918. – С. 215–252.

Сем Т. Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи) / Т. Ю. Сем. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. – 626 с.

Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. – 2-е изд. – М.: Московская тип. № 2, 1993. – 736 с.

Содномпилова М. М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят / М. М. Содномпилова. – Иркутск: Радиан, 2005. – 218 с.

Тугутов И. Е. Материальная культура бурят / И. Э. Тугутов. – Улан-Удэ: Тип. Министерства культуры Бур. АССР, 1958. – 214 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. I / М. Н. Хангалов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 550 с.

Эрдниева Э. В. Сравнение в калмыцких загадках / Э. В. Эрдниева // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – № 35(3). – С 100–106.

Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Т. II: G – P / сост.: Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. – М.: ИВ РАН, 2016. – 232 с.

Якутские мифы. Саха өс-номохторо / сост. Н. А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 2004. – 451 с.

Якутско-русский словарь / ред. П. А. Слепцов. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 569 с.

Foucault M. Of Other Spaces / M. Foucault // Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society. – London; New York: Routledge, 2008. – P. 13–29.

References

Alekseev N. A. Tradicionnye religioznye verovaniya yakutov v XIX – nachale XX v. / N. A. Alekseev. – Novosibirsk: Nauka, 1975. – 200 s.

Astyrev N. M. Na taezhnyh progalinah. Ocherki zhizni naseleniya Vostochnoj Sibiri / N. M. Astyrev. – M.: Tip. D. I. Inozemceva, 1891. – 450 s.

Basaeva K. D. Sem'ya i brak u buryat (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) / K. D. Basaeva. – Novosibirsk: Nauka, 1980. – 223 s.

Batorova E. A. Tipologiya buryatskogo ornamenta / E. A. Batorova // Kul'tury i narody Zapadnoj Sibiri v kontekste mezhdisciplinarnogo izucheniya: sb. Muzeya arheologii i etnografii Sibiri im. V. M. Florinskogo. – Tomsk: Izd-vo TGU, 2005. – S. 223–229.

Bravina R. I. Koncepciya zhizni i smerti v kul'ture etnosa na materiale tradicij saha / R. I. Bravina. – Novosibirsk: Nauka, 2005. – 307 s.

Galdanova G. R. Zakamenskie buryaty. Istoriko-etnograficheskie ocherki (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.) / G. R. Galdanova. – Novosibirsk: Nauka, 1992. – 172 s.

Zhamsoev A. D. Acagatskij ocherk o hori-buryatah / A. D. Zhamsoev, L. B. Badmaeva, G. N. Ochirova. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2020. – 234 s.

Zaharova S. I. Arhaicheskaya ritual'no-obryadovaya simvolika naroda saha / S. I. Zaharova. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 312 s.

Kaplan N. I. Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo Krajnego Severa i Dal'nego Vostoka / N. I. Kaplan. – M.: Prosveshchenie, 1980. – 124 s.

Kocheshkov N. V. Tyurko-mongoly i tunguso-man'chzhury. Problemy istoriko-kul'turnyh svyazej na materiale narodnogo dekorativnogo iskusstva XIX–XX vekov / N. V. Kocheshkov. – SPb.: Nauka, 1997. – 174 s.

Mazin A. I. Tradicionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (konec XIX – nachalo XX v.) / A. I. Mazin. – Novosibirsk: Nauka, 1984. – 200 s.

Miller G. F. Opisanie sibirskih narodov / G. F. Miller; per. s nem. A. H. Elert. – M.: Pamyatniki istoricheskoj mysli, 2009. – 456 s.

Petri B. E. Ornament kudinskih buryat / B. E. Petri // Sbornik Muzeya antropologii i etnografii pri Rossijskoj akademii nauk. T. 5 / B. E. Petri. – Pg.: [b. i.], 1918. – S. 215–252.

Sem T. Yu. Kartina mira tungusov: panteon (semantika obrazov i etnokul'turnye svyazi) / T. Yu. Sem. – SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2012. – 626 s.

Seroshevskij V. L. Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya / V. L. Seroshevskij. – 2-e izd. – M.: Moskovskaya tip. № 2, 1993. – 736 s.

Sodnompilova M. M. Semantika zhilishcha v tradicionnoj kul'ture buryat / M. M. Sodnompilova. – Irkutsk: Radian, 2005. – 218 s.

Tugutov I. E. Material'naya kul'tura buryat / I. E. Tugutov. – Ulan-Ude: Tip. Ministerstva kul'tury Bur. ASSR, 1958. – 214 s.

Hangalov M. N. Sobranie sochinenij: v 3 t. T. I / M. N. Hangalov. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1958. – 550 s.

Erdnieva E. V. Sravnenie v kalmyckih zagadkah / E. V. Erdnieva // Vestnik Kalmyckogo universiteta. – 2017. – № 35(3). – S 100–106.

Etimologicheskij slovar' mongol'skih yazykov: v 3 t. T. II: G – P / sost.: G. D. Sanzheev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Shevernina. – M.: IV RAN, 2016. – 232 s.

Yakutskie mify. Saha өs-nomohtoro / sost. N. A. Alekseev. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 451 s.

Yakutsko-russkij slovar' / red. P. A. Slepcov. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1972. – 569 s.

Foucault M. Of Other Spaces / M. Foucault // Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society. – London; New York: Routledge, 2008. – P. 13–29.

УДК 316.3/.4
ББК 60.54
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-42-47

Е. В. Петрова, В. Л. Петров

ПРИНУЖДЕНИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЬЯ К ОПЛАТЕ НАТУРАЛЬНОЙ РУГИ ПРИЧТАМ ОФИЦИАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ (XVIII–XIX вв.)

В статье анализируются конфликты между причтами официальных православных церквей и старообрядцами Забайкалья. Речь идет о принуждении старообрядцев и их отказе оплачивать натуральную ругу на содержание духовенства официальных православных церквей.

Ключевые слова: старообрядцы Забайкалья, руга, архивные документы, конфликты, причты православных церквей.

E. V. Petrova, V. L. Petrov

FORCED IMPOSITION OF IN-KIND CHURCH DUES ON THE OLD BELIEVERS OF TRANSBAIKALIA FOR THE CLERGY OF THE OFFICIAL ORTHODOX CHURCHES (18th–19th Centuries)

The article analyzes the conflict between the clergy of the official Orthodox churches and the Old Believers of Transbaikalia. It is about the coercion of the Old Believers and their refusal to pay for the maintenance of the clergy of the official Orthodox churches.

Keywords: Old Believers of Transbaikalia, archival documents, conflicts, Orthodox church priests, and swearing.

Первоначально на Руси руга зарождалась в виде «милостыней», которые русские князья при объезде своих владений оказывали монастырям и церквям. Постепенно княжеские милостыни перерастали в ругу, которую причтам «давали» цари как «государево жалованье» [Руга…]. Иногда сами прихожане назначали причту ежегодную ругу хлебом или деньгами. В этом случае в обязательном порядке заключался ружный договор, перед заключением которого обе стороны – причт и прихожане должны были достигнуть обоюдного согласия по существу вопроса [Васина 2003: 182–183].

У старообрядцев Забайкалья слово «руга» в обиходной речи за последние 50 лет или выбыло, или употреблялось в статусе устаревшего слова. К такому заключению приходишь, открыв «Словарь говоров старообрядцев Забайкалья» [1999]. Характерные для семейских слова сотрудники БГУ собирали на протяжении 21 года (1977–1998) в ходе диалектологических экспедиций, но слово «руга» за это время в их многочисленных исследованиях не было зафиксировано. Кроме того, один из авторов данной статьи В. Л. Петров, будучи студентом историко-филологического факультета БГПИ (1963), вел сбор материала для своей курсовой работы в Тарбагатайском районе (слова и говор), однако и ему не удалось обнаружить бытование этого слова среди информантов.

Но предки современных семейских в свое время хорошо знали и понимали это слово и его недружественный для них смысл. 26 ноября 1763 г. императрица Екатерина II утвердила доклад Военной коллегии, содержание которого было посвящено планированию вывода из Польши в 1764 г. беглых российских подданных, которые не вышли добровольно, и формированию «из оных» новых сибирских полков. Попутно из тех выведенцев, кто был непригоден для зачисления «в службу», планировалось в Тобольске сформировать третью группу и «…оных селить по способности в Нерчинском и Селен-

ПЕТРОВА Елена Викторовна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: elenapet05@mail.ru.

ПЕТРОВ Виктор Леонтьевич – заслуженный учитель РСФСР, краевед, руководитель РОО «Центр изучения культуры» (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: Petrov.V.L.2011@mail.ru.

гинском уездах…» для распространения хлебопашества. Еще в докладе было указано следующее: «… когда такие на поселение присланы будут, записывать их в подушный оклад, и по прошествии четырех лет брать с них так, как и с прочих Государственных крестьян узаконеную подать, то есть по 1 рублю 70 копеек на год; а более ни чем не отягощать, и до урожая от них посеянаго хлеба, то есть год, содержать их на казенном коште таким же образом, как в дороге предписано» [ПСЗРИ-I 1830. Т. 10. № 7226; т. 43. Книга Штатов. Ч. 1. 1763. К № 11.979: 35; Петрова, Петров 2026: 29].

Согласно докладу, недобровольно переселенные беглороссийские люди из Польши приобретали статус государственных крестьян после расселения в местах назначения. Также следует обратить внимание на то, что кроме узаконенной подати новых поселенцев велено было «ничем не отягощать». К сожалению, местными властями это положение доклада Военной коллегии, утвержденного императрицей Екатериной II, чаще всего не соблюдалось.

В истории этноконфессиональной группы семейских Забайкалья таких «отягощений», притеснений и преследований со стороны светских и церковных властей было предостаточно. Но наиболее одиозной и обидной для старообрядцев была попытка российских властей насильно заставить их платить хлебную ругу в пользу причтов официальных православных церквей. И дело было не столько в их нежелании нести материальные затраты, сколько в отказе платить ругу причтам исходя из принципиальных соображений религиозного характера. Старообрядцы, выведенные из Польши и расселенные в Забайкалье, были приверженцами дореформенной Русской православной церкви и остались на века хранителями церкви византийского образца, принятой на Руси в процессе ее христианизации и крещения.

Нужно отметить, что в первое время после поселения в Забайкалье старообрядцев не особо тревожили по религиозным вопросам ни светские власти, ни церковное местное руководство. За это время на новом месте своего жительства они сумели построить часовни, открыть молитвенные дома и проводили богослужения согласно «своей вере». О том, что были религиозные учреждения, свидетельствуют архивные документы. Например, 22 апреля 1841 г. крестьяне-старообрядцы Куналейского селения Тарбагатайской волости написали прошение генерал-губернатору В. Я. Руперту, в котором просили его открыть их часовню для богослужения, которую 9 апреля 1841 г. земский исправник Шевелев приказал запечатать. В начале этого документа куналейцы писали: «Предками нашими с издавна построена была в Куналейском селении часовня с алтарем, как значится по сведениям, забранным от губернского начальства, которая по случаю в 1833 году бывшего пожара была разобрана. А в 1834 году с разрешения господина генерал-губернатора Сулимы приведена в прежний вид» [История старообрядцев… 2016: 128].

Известный исследователь М. М. Шмулевич, ссылаясь на архивный источник, указывает дату постройки Куналейской часовни – 1782 г., а также время строительства других часовен в рамках его исследований. Так, в Куйтуне часовня была возведена в 1780 г., в Новой Бряни – в 1783 г., а в Жиримском селении после 20-летнего существования в 1837 г. часовню опечатали. В этом же году в с. Бурнашево часовня также была опечатана. В 1840 г. снят крест с часовни в д. Десятниково и колокола со старинной Новобрянской часовни [1985: 214].

Крестьяне-старообрядцы Тарбагатайской слободы в июле 1841 г. году написали прошение генерал-губернатору Восточной Сибири В. Я. Руперту, в котором просят губернские власти защитить их от посягательства единоверцев по захвату их часовни и превращения ее в дальнейшем в единоверческую церковь В нем тарбагатайские старообрядцы указывают время построения их часовни: «… имеем у себя в Тарбагатайской слободе старообрядческую часовню, построенную в 1811 г., в которой до сего лета по силе законов о пресечении и предупреждении 14 тома 68 статьи подраздлением Г отправляли богослужение в сказанной часовне по обряду своей веры свободно…» [История старообрядцев… 2016: 129].

Согласно архивным документам, кроме часовен у старообрядцев Забайкалья были и молитвенные дома. Так, по данным Забайкальского областного правления за 1854 г.,

в Тарбагатайской волости таковых насчитывалось 6 домов, в Мухоршибирской волости – 6, в Окиноключевской – 2 [Константинова 2001: 383].

Иркутский гражданский губернатор А. В. Пятницкий 27 августа 1841 г. доносил генерал-губернатору Восточной Сибири В. Я. Руперту о состоянии богослужения у забайкальских раскольников. Он писал следующее: «… Священнослужение … уставщиками заключается в следующих видах: они читают в часовнях всенощное бдение, часы и вечерни, напутствуют людей, страждущих болезнями, приобщают святыми дарами, употребляли по неимению оных, части просфиры с теплой водою, отправляют отпевание по умершим, предавая их земле и совершают крещение над младенцами…» А. В. Пятницкий упоминает, что уставщики не имели права совершать таинство бракосочетания и у местных старообрядцев по этому вопросу «наблюдаются большие проблемы» [История старообрядцев… 2016: 146–147].

Несмотря на многочисленные трудности, семейские старообрядцы Забайкалья сумели адаптироваться на новом месте – у них были свои часовни, моленные дома, уставщики, т. е. своя религиозная система, которая успешно функционировала. Всех старообрядцев, живших в Забайкалье, мы можем назвать реальными прихожанами своих религиозных учреждений. Духовные требы в большинстве случаев для них выполняли уставщики, которым старообрядцы вносили плату по доброхотству. Но они не считали себя прихожанами официальных православных церквей, обязанными платить причтам этих церквей хлебную ругу, так как не посещали церкви официального православия, не вступали в контакты с их причтами, не участвовали в церковных богослужениях, не исповедовались и не причащались там, так же как и клир официальной православной церкви никакие требы для них не совершал.

Однако светские и религиозные власти упорно числили их своими прихожанами и настойчиво требовали платить хлебную ругу, т. е. обеспечивать материальными благами священно-церковнослужителей при полном отсутствии окормления с их стороны старообрядцев и пастырского служения для них. Старообрядцы Забайкалья справедливо считали такие требования незаконными и неприемлемыми для себя, в связи с чем возникали конфликтные ситуации.

Так, в ГАЧО в фонде Нерчинского горного правления (ф. 31) и Забайкальского областного правления (ф. 1) имеются документы о взаимоотношениях старообрядцев с официальной православной церковью. В фонде 31 сохранились самые ранние источники по этому вопросу. В них были зафиксированы сведения о том, что старообрядцы отказались вносить хлебные взносы, т. е. ругу, на содержание священников православных церквей за 1797–1801 гг. [Константинова 2001: 383].

Подобные конфликты отмечались не только в Забайкалье, но и в других российских регионах. К примеру, на Алтае в Залесовском районе крестьяне нескольких деревень в марте 1827 г. дали письменный отзыв в Барнаульское духовное правление «о несогласии состоять в церкви» [Старухин 2004: 77–90].

Ответ на вопрос, почему старообрядцев считали прихожанами официальной Православной церкви и принуждали платить ругу, связан с исповедными росписями. Для ведения учета населения России всех старообрядцев переписали в исповедальных ведомостях официальных православных церквей, правда, отдельно от «правоверных», а затем назвали прихожанами этих церквей.

В 1737 г. с целью наведения порядка в вопросе заполнения духовных росписей разработаны специальная Инструкция и форма, которые утвердила императрица Анна Иоановна. В Инструкции дается указание, кого считать прихожанами официальных православных церквей – это «…обретающмися при оной церкви в приходе нижеявленных чинов людям…» [ПСЗРИ-I. 1830. Т. 10. № 7226: 119]. Старообрядцы не обретались при этих церквях и не входили в список «нижеявленных чинов», таких как «духовные», «военные», «приказные», «разночинцы», «посадские», «дворовые», «поселяне». То есть все эти положения касались только тех верующих, кто был сторонником послереформенного православного исповедания. Старообрядцы в Инструкции названы «раскольниками»: «А буде где обретаются раскольники, то их внести в ту же роспись … разделив

от правоверных чертою…» [ПСЗРИ-I. 1830. Т. 10. № 7226: 123]. В то же время, когда решался вопрос об оплате руги, «раскольники» сразу же становились полноправными прихожанами для причтов этих церквей.

Из архивных документов мы видим, что в сельских местностях причты православных церквей в своих практических действиях объединяют мирскую общину с церковной, хотя те серьезно различались по организации, функциям и автономии. Организация мирской общины была довольно простой – в нее входили все жители, проживающие на территории определенного населенного пункта, независимо от вероисповедания, национальности, принадлежности к сословиям и т. д. В ее составе могли быть представители православия, древлеправославия, буддизма, иудаизма, ислама и т. д.

В то время как церковная община (приход) образовывалась строго по религиозному принципу и могла объединять жителей нескольких деревень, приписанных к определенному храму. Если до проведения церковной реформы патриархом Никоном членами церковных общин становились все россияне православного вероисповедания, то после реформы церковные общины сами собой стали формироваться с учетом того, кто принял или не принял церковные нововведения царя Алексея Михайловича и патриарха Никона.

Для примера можно привести данные из архивного документа «Выдача руги Причту Куйтунской Николаевской церкви». В таблице, которая там размещена, указано количество ревизских душ в графе «православные». Так, в Куйтунской волости в селениях Куйтун и Надеино таковых насчитывалось 123 души, в Куналейской волости в селении Куналей – 14, в Брянской волости в селениях Новобрянское и Старобрянское – 138, в Тарбагатайской волости в Пестеревском селении – 22 ревизские души. А всего в перечисленных шести населенных пунктах на 1890 г. проживало 297 ревизских душ, относящихся к послереформенному православному исповеданию. Но большинство жителей этих селений были старообрядцами, их проживало там 2730 ревизских душ, т. е. в 10 раз больше, чем православных официальной церкви [ГАРБ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 152. Л. 2].

Исходя из сравнения этих цифр, становится понятно, почему причт Куйтунской церкви настойчиво провозглашал старообрядцев своими прихожанами, принуждая их содержать клир этой церкви, выплачивая ему ругу.

Кроме того, причт каждой церкви был заинтересован в том, чтобы при ежегодных клировых отчетах показывать большее число прихожан, которое зависело от количества дворов на территории прихода. «Синодальным Указом 10 августа 1722 г. было определено иметь в приходе численностью от 100 до 15 дворов – одного священника, до 250 – двух. В более крупных приходах допускалось иметь и трех священников… Причт небольшого прихода обычно состоял из священника и причетника, среднего – двух священников, двух диаконов и двух-трех причетников…» [Федоров 2003: 40]. Штаты для приходского духовенства были пересмотрены много раз – в 1722, 1788, 1842, 1869, 1885 гг. с сохранением зависимости количества священнослужителей от числа дворов на территории прихода и проживающих в них прихожан.

Традиция наделения клира церквей земельными наделами была отражена в законодательном пространстве России. С 1765 г. принято решение об отводе сельским церквям по 33 десятины – 30 пашни и 3 сенокоса. Земля отводилась как из казенного фонда, так и из крестьянской общины [Там же: 53]. Такой порядок наделения землей причтов церквей просуществовал до 1829 г.

Начиная с 1829 г. император Николай I ввел новые основания по определению размеров земельных наделов причтам православных церквей. Размер надела зависел уже от величины надела землей в хозяйстве крестьянина как мирского жителя. Если в среднем каждый крестьянин имел в своем хозяйстве на территории прихода более 15 десятин, то надел причта должен был состоять из тройной нормы, т. е. 33 десятины × 3= 99 десятин. Если крестьяне имели от 12 до 15 десятин, то надел причта должен был состоять из двойной нормы, т. е. 66 десятин. А там где крестьяне имели от 8 до 12 десятин, то причту отводилась полуторная норма, т. е. 49 десятин [ПСЗРИ-II. 1830. Т. 4. № 3323: 837].

Что касается руги, то здесь было почти полное отсутствие законодательной регламентации периодических выплат деньгами или зерном от прихожан духовенству. Виды руги и ее размер обусловливались местными традициями и зависели чаще всего от доброхотства прихожан православного исповедания [Пулькин 2009: 139–146].

Таким образом, неупорядоченность и отсутствие законодательных норм в отношении видов, размеров и оплаты руги приводили к беспрерывным конфликтам между клиром этих церквей и старожильческим населением православного исповедания, а также между духовенством православных церквей с инородцами, принявшими христианство. В архивных документах, сохранившихся до наших дней, отражена эта борьба: со стороны прихожан – направленная на уменьшение размера руги, а со стороны церковного клира – на ее увеличение. Что касается старообрядцев Забайкалья, то сломить их сопротивление в отношении оплаты руги причтам православных церквей не удалось ни светским, ни церковным властям.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Российские регионы Внутренней Азии: стратегии долговременного развития, социальные изменения и трансграничное взаимодействие в условиях глобальных и национальных вызовов») № 126020516654-4.

Источники и литература

Государственный архив Иркутской области (ГАИО): ф. 50, оп. 7, д. 40.

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. 35, оп. 1, д. 152.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. I (ПСЗРИ-I). Т. 10. 1737–1739. № 7226. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 114–123; т. 43. Книга Штатов. Ч. 1. 1763. К № 11.979. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 35.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. II (ПСЗРИ-II). Т. 4. 1829. № 3323. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 833–838.

Васина С. М. Приходское духовенство Марийского края в XIX – начале XX веков: дис. … канд. ист. наук / С. М. Васина. – Йошкар-Ола, 2003. – 361 с.

История старообрядцев (семейских) в документах Государственных архивов Байкальского региона (1766–1917 гг.). – Иркутск: Оттиск, 2016. – 336 с.

Константинова Т. А. Документы о взаимоотношениях Иркутской епархии и старообрядцев в конце XVIII – первой половины XIX в. (по материалам Госархива Читинской области) / Т. А. Константинова // Старообрядчество: история и современность. Местные традиции, русские и зарубежные связи. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – С. 383–385.

Петрова Е. В. Из истории этапирования старообрядцев, выведенных из Польши (вторая половина XVIII в.): сравнительный анализ содержания трех ведомостей / Е. В. Петрова, В. Л. Петров // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2026. – № 1(61). – С. 26–32.

Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии) / М. В. Пулькин. – Петрозаводск: Изд-во Карельского научного центра РАН, 2009. – 422 с.

Руга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.ruwiki.ru/wiki/%D0%A0%D1%83%D0%B3%D0%B0 (дата обращения: 13.02.2026).

Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой. – Новосибирск: Изд-во СО РАН; НИЦ ОИГГМ, 1999. – 563 с.

Старухин Н. А. Из истории старообрядчества и старообрядческих согласий Залесовского района / Н. А. Старухин // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. – С. 77–90.

Федоров В. А. Русская Православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917 гг.) / В. А. Федоров. – М.: Русская панорама, 2003. – 479 с.

Шмулевич М. М. Очерки истории Западного Забайкалья. XVII – середина XIX в. / М. М. Шмулевич. – Новосибирск: Наука, 1985. – 286 с.

References

Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO): f. 50, op. 7, d. 40.

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB): f. 35, op. 1, d. 152.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. I (PSZRI-I). T. 10. 1737–1739. № 7226. – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1830. – S. 114–123; t. 43. Kniga Shtatov. Ch. 1. 1763. K № 11.979. – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1830. – S. 35.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. II (PSZRI-II). T. 4. 1829. № 3323. – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1830. – S. 833–838.

Vasina S. M. Prihodskoe duhovenstvo Marijskogo kraya v XIX – nachale XX vekov: dis. … kand. ist. nauk / S. M. Vasina. – Joshkar-Ola, 2003. – 361 s.

Istoriya staroobryadcev (semejskih) v dokumentah Gosudarstvennyh arhivov Bajkal'skogo regiona (1766–1917 gg.). – Irkutsk: Ottisk, 2016. – 336 s.

Konstantinova T. A. Dokumenty o vzaimootnosheniyah Irkutskoj eparhii i staroobryadcev v konce XVIII – pervoj poloviny XIX v. (po materialam Gosarhiva Chitinskoj oblasti) / T. A. Konstantinova // Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost'. Mestnye tradicii, russkie i zarubezhnye svyazi. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2001. – S. 383–385.

Petrova E. V. Iz istorii etapirovaniya staroobryadcev, vyvedennyh iz Pol'shi (vtoraya polovina XVIII v.): sravnitel'nyj analiz soderzhaniya trekh vedomostej / E. V. Petrova, V. L. Petrov // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2026. – № 1(61). – S. 26–32.

Pul'kin M. V. Pravoslavnyj prihod i vlast' v seredine XVIII – nachale XX v. (po materialam Oloneckoj eparhii) / M. V. Pul'kin. – Petrozavodsk: Izd-vo Karel'skogo nauchnogo centra RAN, 2009. – 422 s.

Ruga [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://ru.ruwiki.ru/wiki/%D0%A0%D1%83%D0%B3%D0%B0 (data obrashcheniya: 13.02.2026).

Slovar' govorov staroobryadcev (semejskih) Zabajkal'ya / pod red. T. B. Yumsunovoj. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN; NIC OIGGM, 1999. – 563 s.

Staruhin N. A. Iz istorii staroobryadchestva i staroobryadcheskih soglasij Zalesovskogo rajona / N. A. Staruhin // Zalesovskoe Prichumysh'e: ocherki istorii i kul'tury. – Barnaul: Izd-vo BGPU, 2004. – S. 77–90.

Fedorov V. A. Russkaya Pravoslavnaya cerkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyj period (1700–1917 gg.) / V. A. Fedorov. – M.: Russkaya panorama, 2003. – 479 s.

Shmulevich M. M. Ocherki istorii Zapadnogo Zabajkal'ya. XVII – seredina XIX v. / M. M. Shmulevich. – Novosibirsk: Nauka, 1985. – 286 s.

УДК 94
ББК 63.3
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-48-53

А. Г. Зорихин

ПОЛЬСКО-ЯПОНСКОЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРОТИВ СССР В 1922–1939 гг.

На основе впервые вводимых в оборот документов из архивов Польши, Японии и Российской Федерации в статье рассматривается польско-японское разведывательное сотрудничество против Советского Союза в 1922–1939 гг. Анализируются основные направления и результаты деятельности разведорганов обеих стран на советском направлении.

Ключевые слова: Советский Союз, Польша, Япония, разведка, Квантунская армия.

A. G. Zorikhin

POLISH-JAPANESE INTELLIGENCE COOPERATION AGAINST THE USSR IN 1922–1939

Based on documents from the archives of Poland, Japan, and the Russian Federation, which were put into circulation for the first time, the article examines Polish-Japanese intelligence cooperation against the Soviet Union in 1922–1939. The main directions and results of the activities of the intelligence agencies of both countries in the Soviet direction are analyzed.

Keywords: Soviet Union, Poland, Japan, intelligence, Kwantung Army.

Советско-польские и советско-японские отношения в 1918–1939 гг. носили достаточно сложный характер. Варшава и Токио подозревали Москву в намерениях экспортировать коммунистическую идеологию и организовать беспорядки в рамках доктрины «мировой революции», в то время как советское руководство, памятуя о Советско-польской войне 1920 г. и японской интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922) справедливо опасалось возможного повторения этих событий. Однако это не мешало трем государствам поддерживать тесные контакты по культурной, экономической и военной линиям.

Взаимная подозрительность при наличии дипотношений побуждала Советский Союз, Японию и Польшу вести активную разведку в стане потенциального противника. И если Москва в этом вопросе могла полагаться только на свои силы, то Варшава и Токио образовали уникальный разведывательный альянс, просуществовавший до 1945 г.

Точкой отсчета в сотрудничестве японской военной разведки со 2-м (разведывательным) отделом польского Генерального штаба (ПГШ) стало прибытие в июне 1919 г. в Варшаву капитана Ямаваки Масатака. Из-за отсутствия дипломатических отношений Ямаваки был аккредитован в качестве наблюдателя в польской армии, однако после официального признания стран друг другом весной 1921 г. стал первым японским военным атташе в Варшаве. Поступавшая к нему от польских коллег информация касалась характера боевых действий советских войск против добровольческой и польской армий, организации, дислокации и боеготовности Красной армии в европейской части Советского Союза, социально-экономического и политического положения СССР. Эти сведения предоставлялись японцам по личному распоряжению начальника ПГШ, который санкционировал их передачу не только военному атташе, но и стажировавшимся в польской армии японским офицерам. Куратором контактов с японцами выступал глава 2-го отдела [Национальный архив Японии. Кун-00679100 (A10113064200). Л. 146].

ЗОРИХИН Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, независимый исследователь, член Ассоциации японоведов (г. Комсомольск-на-Амуре, Россия). E-mail: tsunami77@rambler.ru.

Со своей стороны японский военный атташе информировал ПГШ о ситуации на советском Дальнем Востоке, где до 1920 г. находилась 5-я польская Сибирская дивизия [Kuromiya, Pepłoński 2017: 74–76].

До 1925 г. сотрудничество двух разведок велось через японского военного атташе в Варшаве. Однако в конце 1924 г. правительство Польши решило учредить должность военного атташе в Японии, назначив им сотрудника советского реферата 2-го отдела ПГШ майора Вацлава Енджеевича. В докладной записке этого реферата начальнику ПГШ от 22 ноября 1924 г. необходимость открытия аппарата военного атташе при посольстве в Токио обосновывалась в т. ч. тем, что «изучение Сибири с военной точки зрения является делом безотлагательным … [поскольку] по отрывочной информации 2-го отдела Генштаба, Россия приступила к формированию в Сибири целого ряда новых воинских частей, штабов и учреждений» [CAW. I.303.4.4667: 136].

Прибыв 28 мая 1925 г. в Токио, Енджеевич начал активно устанавливать контакты с руководством военной разведки Японии. Благосклонное отношение японцев позволило ему наладить регулярный обмен информацией «о дислокации крупных соединений Красной армии, … о боевом расписании крупных соединений мирного и военного времени, по вопросам снабжения, мобилизации, транспорта (железнодорожных линий), вооружения, авиации и т. д.». Особый интерес для поляков представлял Сибирский военный округ [Kuromiya, Pepłoński 2017: 200–201]. По итогам двух лет пребывания в Токио Енджеевич 11 июля 1927 г. доложил начальнику 2-го отдела ПГШ 11 о высокой оценке японским Генштабом как источников информации польской разведки о СССР, так и способов обработки разведывательных материалов [CAW. I.303.4.57: 70].

В свою очередь Варшава придавала большое значение поступавшим через военного атташе в Токио сведениям от японцев, поскольку помимо данных об изменениях в 1925–1931 гг. в составе, организации и дислокации войск Сибирского военного округа – Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА), советской военной помощи Фэн Юйсяну, поляки получали копии обзоров Генштаба Японии и докладов его разведорганов в Северной Маньчжурии о боевых действиях советских вооруженных сил в ходе конфликта на КВЖД в 1929 г. [Ibid. I.303.4.2924: 11–13; I.303.4.2927: 42–44; I.303.4.2956: 71, 102–109, 239–243, 256–264, 287–337, 339–345]. В уже цитировавшемся рапорте от 11 июля 1927 г. Енджеевич писал: «Постепенно и целенаправленно развивающийся обмен информацией о СССР принес нам, по моей оценке, большую пользу. Прежде всего, уже на первых совещаниях в 1925 г. обоим Генеральным штабам удалось выработать общую точку зрения по наиболее интересующему их вопросу – ситуации в СССР. У нас была возможность достаточно глубоко вникнуть в методы сбора данных и оценить объем имеющихся у японского Генштаба материалов по этой теме.

В дальнейшем постоянно обсуждавшаяся военная обстановка в Сибири дала нам возможность немедленно проверять в Генштабе Японии информацию о перемещениях там войск и иметь в любое время авторитетные сведения на этот счет, особенно когда речь шла о крупных соединениях.

Кроме того, японский Генштаб постоянно передает информацию о других районах СССР или по иным вопросам» [Ibid. I.303.4.57: 71].

Также тесно взаимодействовали резиденты обеих разведок в Москве, причем они не только обменивались информацией, но и осуществляли ее перепроверку. Так, 26 сентября 1926 г. к помощнику военного атташе Польши в СССР капитану Яну Грудзеню обратился его коллега майор Курасигэ Сюдзо, которому четырьмя днями ранее информатор предложил купить за 600 фунтов стерлингов оперативный план Красной армии для Западного фронта. Не будучи уверенным в подлинности документа, Курасигэ предложил полякам осуществить эту сделку совместно. Дальнейшее выяснение деталей показало, что у Грудзеня уже имелась фотокопия этого плана, переданная ему через организацию «М» (легендированная советской контрразведкой монархическая организация в Москве), что только усилило подозрения 2-го отдела ПГШ в ненадежности своих московских источников. Спустя полгода, 1 января 1927 г., военный атташе майор Тадеуш Кобылянский послал на оценку в Варшаву материалы, полученные Курасигэ от его агентуры. Проведенная экспертиза установила, что они

практически дословно повторяли доклады московских источников Кобылянского и содержали большой процент дезинформации, переданной, как потом выяснилось, советской контрразведкой в рамках операции «Трест» [Kuromiya, Pepłoński 2017: 112–114].

Японцы были заинтересованы в сохранении и расширении контактов с поляками. Для обсуждения деталей сотрудничества в апреле 1929 г. в Варшаву прибыла делегация во главе с начальником японской военной разведкой генерал-лейтенантом Мацуи Иванэ. По итогам переговоров было достигнуто соглашение о создании в Варшаве японского разведцентра по сбору информации о Советском Союзе с позиций Восточной Европы и Прибалтики [Павасю-Рутокофусука, Тадэусю 2009: 109].

Важнейшим итогом разведывательного сотрудничества Варшавы и Токио стала организация в середине 1920-х гг. дешифровальной службы японской армии, превратившейся к концу Второй мировой войны в основной для нее источник сведений о советском военном потенциале. Поляки имели репутацию крупнейших специалистов по взлому советских шифров, раскрыв в 1919–1920 гг. свыше 100 ключей Красной армии, поэтому в начале 1923 г. в Японию был приглашен ведущий польский криптоаналитик капитан Ян Ковалевский.

Он прибыл в Токио 29 января 1923 г. и с 1 февраля приступил к чтению лекций для 23 специально отобранных офицеров. Ковалевский познакомил японцев с общей теорией шифров, принципами организации службы радиоразведки, провел практические занятия по дешифрованию советских шифров на примере одного из использовавшихся в тот момент советским полпредом в Китае А. А. Иоффе, оценил и предложил внести изменения в японские шифры, в частности, вводимые в действие по мобилизационным планам. По итогам семинара Ковалевского Генштаб подготовил и разослал во все соединения до дивизий включительно совершенно секретный «Справочник по основам дешифровального дела», в котором обобщил принципы построения и взлома шифров СССР и ведущих европейских стран [Wołos 2010: 339–340]. В июне того же года ГШ ввел в эксплуатацию первую в Японии станцию радиоперехвата, однако из-за технических проблем она вскоре закрылась [Takahashi 1991: 204].

Развивая сотрудничество с поляками, в декабре 1925 г. в Варшаву на годичную криптографическую стажировку выехали майор Хякутакэ Харуёси и капитан Кудо Кацухико. В течение первого месяца они знакомились с теорией и практикой взлома буквенных и слоговых шифров с разного рода короткими заменами. На втором месяце шло теоретическое и практическое знакомство с шифрами длинных замен, кодами, шифрами перестановок и книжными шифрами, использовавшимися в военной и дипломатической переписке. В оставшееся время Хякутакэ и Кудо изучали организацию радиоразведки в польской армии, а в конце обучения посетили один из радиоразведывательных пунктов, работавших против СССР. В 1929–1935 гг. в Польше побывали еще 4 японских криптоаналитика, которые впоследствии возглавили армейские дешифровальные органы, действовавшие против СССР [Kuromiya, Pepłoński 2017: 78].

Пик разведывательного сотрудничества Японии и Польши против СССР пришелся на середину 1930-х гг. 2-й отдел ПГШ регулярно передавал японцам информацию об организации, вооружении, дислокации Красной армии, мероприятиях по усилению ОКДВА, формированию мотомеханизированных и авиационных частей, деятельности советской разведки, за что в 1929–1938 гг. большая группа польских офицеров, включая начальника Генштаба Тадеуша Пискора, генерального инспектора Вооруженных сил Эдварда Рыдз-Смиглы, начальников 2-го отдела Тадеуша Шетцеля (1926–1929) и Тадеуша Пелчиньского (1929–1932 и 1935–1939), начальника реферата радиоразведки Франтишека Покорного и специалиста по криптоанализу советских шифров Яна Гралиньского, была награждена японскими орденами [Национальный архив Японии. Кун-00752100 (A10113152900): 45; Кун-00778100 (A10113187700); Кун-00826100 (A10113264700): 143; Кун-00827100 (A10113266200)].

Поступавшие от поляков сведения регулярно включались японцами в «Бюллетени Генерального штаба по СССР». Например, в бюллетене № 4 от 22 февраля 1932 г. отмечалось: «По словам польского военного атташе в Москве, недавно были переведены из европейской части СССР на Дальний Восток: одна пехотная дивизия, два танковых батальона и несколько артиллерийских частей. В настоящее время к востоку от Иркутска сконцентрированы семь пехотных дивизий, две кавалерийские бригады, танковый отряд и артиллерийские части. Хотя в высших военных кругах и царит воинственное настроение, Сталин и партийные лидеры, по-видимому, смогут сдержать это движение. Передают, что увеличение войск на советском Дальнем Востоке вызывается исключительно требованиями обороны» [РГВА. Ф. 4 Оп. 19 Д. 13 Л. 113–114]. Аналогичным образом информация польской разведки становилась достоянием разведорганов японского флота, которые тесно взаимодействовали с ней через своего военно-морского атташе в Москве. Так, 5 мая 1932 г. капитан 2-го ранга Маэда Минору доложил в Токио сведения польского военного атташе майора Яна Ковалевского о строительстве на Балтийском заводе в Ленинграде 15 подводных лодок с помощью итальянских специалистов, а 15 августа сообщил полученные от него же достоверные данные о переброске из европейской части в Сибирь четырех стрелковых дивизий [Архив НИИО МНО Японии. S7-41-4288 (C05022006700). Л. 0536, 0540].

В японских документах за май 1938 г. отмечалось, что ценность информации польской разведки увеличилась вдвое после того, как Советский Союз взял курс на изоляцию от внешнего мира, что резко сократило возможности японцев по своевременному получению и анализу данных о СССР [Национальный архив Японии. Кун-00826100 (A10113264700). Л. 142–147; кун-00827100 (A10113266200). Л. 49].

Со своей стороны 2-й отдел ПГШ также стремился к расширению связей с японской разведкой. В инструкции новому военному атташе в Токио майору Адаму Пжибыльскому в декабре 1934 г. начальник разведки потребовал обсудить этот вопрос с руководством разведуправления Генштаба Японии, поскольку поляки были весьма заинтересованы в получении детальной информации об ОКДВА, представлявшей собой образец «хоть и частично отмобилизованной, но уже действующей советской армии» [Kuromiya, Pepłoński 2017: 269].

Решая эту задачу, Пжибыльский в феврале 1935 г. посетил Маньчжурию, где встретился с начальником Харбинской военной миссии, и штаб Квантунской армии, где имел разговор с командующим объединением, начальником 1-го (оперативного) отдела и заместителем начальника 2-го (разведывательного) отдела. Через несколько дней военный атташе был принят начальником Генштаба, после чего состоялись его переговоры с главой разведуправления и сотрудниками русского отделения. По их результатам Пжибыльский доложил 20 марта 1935 г. в Варшаву, что «японский штаб готов пойти на углубление и дальнейшее развитие сотрудничества с польским штабом в вопросах изучения Советской армии» и предложил установить прямые контакты с командованием Квантунской армии для обмена данными об ОКДВА [Ibid.: 270–272].

Результатом стало прибытие в декабре 1936 г. в Харбин сотрудника советского реферата польской разведки полковника Чеслава Павловича, имевшего задачу установить официальные контакты с разведорганами Квантунской армии. В марте – апреле 1937 г. Павловичу удалось наладить прочные связи с харбинской миссией и 2-м отделом штаба армии, благодаря чему он получил доступ к их материалам допросов советских перебежчиков, в т. ч. начальника УНКВД по Дальневосточному краю комиссара госбезопасности 3-го ранга Г. С. Люшкова [Ibid.: 346–406].

В свою очередь Пжибыльский в 1935–1936 гг. получил от Генштаба Японии большой объем информации о Красной армии, в т. ч. данные о боевом составе, численности и дислокации сухопутных войск в целом, дислокации войск НКВД на Дальнем Востоке, организационно-штатной структуре стрелковой дивизии, стрелкового и артиллерийского полков ОКДВА, стрелкового корпуса, дислокации ВВС на Дальнем Востоке, в Забайкалье и Сибири, боевом составе ОКДВА [Kuromiya, Pepłoński 2017: 275–280, 285–287]. Аналогичную информацию ПГШ получал от японцев через их военного атташе в Варшаве [CAW. I.303.4.3011. S. 15].

Несмотря на быстрый разгром польской армии вермахтом в сентябре 1939 г., польско-японское разведывательное сотрудничество не прекратилось. Военные атташе Японии в Риге, Стокгольме и Берлине по договоренности с польским Генштабом зачислили в свои штаты руководителей разведывательного аппарата 2-го отдела в Германии, Прибалтике, Белоруссии и на Западной Украине, которые в 1939–1945 гг. регулярно информировали японцев о состоянии Красной армии и немецких вооруженных сил, ходе боев на советско-германском фронте, планах воюющих сторон. Кроме того, в марте 1940 г. польская военная разведка перебросила в Токио для организации совместной с Квантунской армией работы против СССР четверых своих офицеров – майора Яна Мусилевича, капитанов Зигмунта Воеводзкого, Ольгерда Кумфта и специалиста по советским шифрам подпоручика в запасе Мечислава Сикору, интернированных в Румынии. Несмотря на присоединение Токио в сентябре 1940 г. к Тройственному пакту, польские офицеры убыли из Японии только в 1942 г. Сикора до конца войны оставался в Маньчжурии в качестве консультанта Квантунской армии по взлому советских шифров. С его помощью армия раскрыла 4-значный советский шифр и до конца 1941 г. отслеживало изменения в составе авиации Забайкальского фронта [Архив НИИО МНО Японии. Мансю дзэмпан-364 (C13010229600). Л. 1207–1208, 1220].

Прямым следствием разведывательного сотрудничества Японии и Польши против СССР стало накопление большого массива данных о Красной армии и советской внешней политике, свидетельствовавшего, с одной стороны, о способности наших вооруженных сил эффективно парировать любую агрессию одного крупного или коалиции крупных государств, с другой – об отсутствии у Москвы стремлений военным путем добиваться достижения своих целей или отчуждать спорные территории. Поэтому оперативные планы Генеральных штабов Японии и Польши в 1922–1939 гг. не предполагали нападения на Советский Союз, а руководство обеих стран стремилось поддерживать добрососедские отношения с Москвой.

Однако окончательный вывод о характере польско-японских военных контактов в межвоенный период делать рано: ведущие отечественные историки-востоковеды – А. С. Савин [1991: 88–92], А. А. Кошкин [2010], В. П. Зимонин [Высоцкий и др. 2025], Л. В. Курас [2014: 143–147] – на основе изучения донесений советской разведки, трофейных японских документов и материалов Токийского трибунала рассматривают деятельность Япония по формированию антисоветского блока из приграничных стран как элемент ее агрессивной политики против СССР.

Разобраться с этим вопрос можно было бы путем сопоставления польских и японских документов с материалами, хранящимися в архивах Службы внешней разведки, Федеральной службы безопасности РФ и Главного управления Генерального штаба, однако из-за затянувшегося процесса их рассекречивания в настоящее время это не представляется возможным.

Источники и литература

Архив Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны (НИИО МНО) Японии. S7-41-4288 (C05022006700); Мансю дзэмпан-364 (C13010229600).

Национальный архив Японии: Кун-00679100 (A10113064200); Кун-00752100 (A10113152900); Кун-00778100 (A10113187700); Кун-00826100 (A10113264700); Кун-00827100 (A10113266200).

Российский государственный военный архив (РГВА): ф. 4, оп. 19, д. 13.

Centrale Archiwum Wojskowe (CAW): I.303.4.57; I.303.4.2924; I.303.4.2927; I.303.4.2956; I.303.4.4667.

Высоцкий П. А. Япония во Второй мировой войне: от глобальных амбиций до краха империи (18.09.1931–02.09.1945) / П. А. Высоцкий, В. П. Зимонин, В. А. Пронько, Е. В. Пронько. – М.: ИТК «Дашков и К», 2025. – 960 с.

Кошкин А. А. Россия и Япония: узлы противоречий / А. А. Кошкин. – М.: Вече, 2010. – 480 с.

Курас Л. В. Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе) / Л. В. Курас // Власть. – 2014. – № 9. – С. 143–147.

Савин А. С. О подготовке Японии к нападению на СССР / А. С. Савин // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 7. – С. 88–92.

Kuromiya H. Między Warszawą a Tokio: polsko-japońska współpraca wywiadowcza 1904–1944 / H. Kuromiya, A. Pepłoński. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2017. – 529 s.

Takahashi H. A Case Study: Japanese Intelligence Estimates of China and the Chinese, 1931–1945 / H. Takahashi // The intelligence revolution: a historical perspective: proceedings of the Thirteenth Military History Symposium, U. S. Air Force Academy, Colorado Springs, Colorado, October 12–14, 1988. U.S. Air Force Academy Office of Air Force History United States Air Force. – Washington, DC, 1991. – P. 203–222.

Wołos M. Misja kapitana Jana Kowalewskiego do Japonii w 1923 roku / M. Wołos // Wywiad I kontrwywiad wojskowy II RP. Studia i materiały z działalności Oddziału II SG WP. Tom 1. Łomianki: Wydawnictwo LTW, 2010. – S. 329–341.

Павасю-Рутокофусука Э. Нихон порандо канкэйси (История японо-польских отношений) / Э. Павасю-Рутокофусука, А. Тадэусю, Ромэру. – Токио: Сайрюся, 2009. – 334 с.

References

Arhiv Nauchno-issledovatel'skogo instituta oborony Ministerstva nacional'noj oborony (NIIO MNO) Yaponii. S7-41-4288 (C05022006700); Mansyu dzempan-364 (C13010229600).

Nacional'nyj arhiv Yaponii: Kun-00679100 (A10113064200); Kun-00752100 (A10113152900); Kun-00778100 (A10113187700); Kun-00826100 (A10113264700); Kun-00827100 (A10113266200).

Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA): f. 4, op. 19, d. 13.

Centrale Archiwum Wojskowe (CAW): I.303.4.57; I.303.4.2924; I.303.4.2927; I.303.4.2956; I.303.4.4667.

Vysockij P. A. Yaponiya vo Vtoroj mirovoj vojne: ot global'nyh ambicij do kraha imperii (18.09.1931–02.09.1945) / V. P. Vysockij, Zimonin, V. A. Pron'ko, E. V. Pron'ko. – M.: ITK «Dashkov i K», 2025. – 960 s.

Koshkin A. A. Rossiya i Yaponiya: uzly protivorechij / A. A. Koshkin. – M.: Veche, 2010. – 480 s.

Kuras L. V. Yaponskaya voennaya missiya v Man'chzhou-Go: podgotovka k agressii (k 75-letiyu sobytij na Halhin-Gole) / L. V. Kuras // Vlast'. – 2014. – № 9. – S. 143–147.

Savin A. S. O podgotovke Yaponii k napadeniyu na SSSR / A. S. Savin // Voenno-istoricheskij zhurnal. – 1991. – № 7. – S. 88–92.

Kuromiya H. Między Warszawą a Tokio: polsko-japońska współpraca wywiadowcza 1904–1944 / H. Kuromiya, A. Pepłoński. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2017. – 529 s.

Takahashi H. A Case Study: Japanese Intelligence Estimates of China and the Chinese, 1931–1945 / H. Takahashi // The intelligence revolution: a historical perspective: proceedings of the Thirteenth Military History Symposium, U. S. Air Force Academy, Colorado Springs, Colorado, October 12–14, 1988. U.S. Air Force Academy Office of Air Force History United States Air Force. – Washington, DC, 1991. – P. 203–222.

Wołos M. Misja kapitana Jana Kowalewskiego do Japonii w 1923 roku / M. Wołos // Wywiad I kontrwywiad wojskowy II RP. Studia i materiały z działalności Oddziału II SG WP. Tom 1. Łomianki: Wydawnictwo LTW, 2010. – S. 329–341.

Pavasyu-Rutokofusuka E. Nihon porando kankejsi (Istoriya yapono-pol'skih otnoshenij) / E. Pavasyu-Rutokofusuka, A. Tadeusyu, Romeru. – Tokio: Sajryusya, 2009. – 334 s.

УДК 94(571.6)
ББК 63.3(55)
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-54-58

А. С. Бреславский, Ю. А. Мельникова

«СЕЛЕНИЕ ТРЕБУЕТ ПОСТОЯННОГО УПРАВЛЕНИЯ»: О ПРИСВОЕНИИ ХАБАРОВСКУ СТАТУСА ГОРОДА В 1880 г.

В статье рассматриваются исторические условия и закономерности присвоения селению Хабаровка, основанному в 1858 г., статуса города и центра Приморского края в 1880 г. Авторы отмечают, что этому способствовало выгодное военно-стратегическое расположение поселения, интенсификация на его территории контактов населения Российской и Цинской империй, а также удаленность поселения от исходного административного центра округа (г. Софийск) в Приморском крае.

Ключевые слова: Дальний Восток, городская история, Хабаровка, Хабаровск, город, городская история.

A. S. Breslavsky, Yu. A. Melnikova

“THE SETTLEMENT REQUIRES PERMANENT MANAGEMENT”: ON THE AWARDING OF CITY STATUS TO KHABAROVSK IN 1880

The article examines the historical circumstances and patterns of the granting of city status to the Khabarovka (founded in 1858) in 1880. The authors note that this was facilitated by the settlement’s advantageous military-strategic location, the intensification of contacts between the populations of the Russian and Qing empires within its territory, and the settlement’s distance from the administrative center of the district (Sofiysk) in Primorsky krai.

Keywords: Russian Far East, urban history, Khabarovka, Khabarovsk, city, urban history.

История основания Хабаровска (1858) – крупнейшего поселения современного Дальнего Востока России – и присвоения ему статуса города в 1880 г. неоднократно описывались в исторической литературе о городе [Чернышева 1958; Рябов 1972: 30–32; Хабаровск… 1983: 8–26; Востриков, Востоков 1991: 15–18; Город счастливой… 2008: 20–27; Крадин 2013: 9–11]. Причем в части трудов это было сделано весьма подробно и с явной опорой на архивные источники. В то же время известные нам работы в силу отсутствия в них научно-справочного аппарата не позволяют строго верифицировать исторические данные, оценить источниковую базу исследований, на которую опирались авторы. С другой стороны, процесс основания города обычно оказывался вписан авторами в более широкий исторический контекст утверждения Российской империи в Приамурье и Приморье, в то время как собственно закономерности ранней истории Хабаровска, насколько нам известно, не становились предметом самостоятельного исследования. Цель настоящей статьи – освещение основных исторических условий, закономерностей возникновения Хабаровска и получения им статуса города. Исследование опирается на материалы Государственного архива Хабаровского края (Хабаровск), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (Владивосток), Государственного архива Иркутской области (Иркутск).

Окончательное включение левобережья Амура в состав Российской империи в середине XIX в. (в результате подписания Айгунского договора с Цинской империей 1858 г.) создало предпосылки для основания вдоль так называемой Амурской линии

БРЕСЛАВСКИЙ Анатолий Сергеевич – доктор исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: anabres05@mail.ru.

МЕЛЬНИКОВА Юлия Алексеевна – бакалавр Института истории и филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: julia.melnikova06@gmail.com.

новых русских поселений, способных обеспечить на слабозаселенных территориях государственный контроль [История Дальнего Востока… 1991: 226–227]. Военный пост Хабаровка, построенный в мае 1858 г., вместе с другими новыми поселениями в средней части Амура, начинает решать эту задачу. При этом административным центром обширных приграничных территорий Приамурья становится основанный еще в 1856 г. Усть-Зейский военный пост. В 1858 г. именно он приобретает статус города-центра новообразованной Амурской области и новое имя – Благовещенск [История Благовещенска… 2009: 26–36].

При этом в низовьях Амура на северо-востоке еще в 1856 г. образована Приморская область с центром в г. Николаевске – «патриархе приамурских городов», основанном в 1850 г. И Хабаровск, у западных границ которого заканчивалась Амурская область, в 1858 г. попадает в административное подчинение Приморской области, а значит, г. Николаевска, а если точнее, Софийска – центра новообразованного Софийского округа области [Административно-территориальное устройство… 2018: 7].

Таким образом, в изначальной системе военно-административного управления Приамурьем Хабаровск не получил сколько-нибудь центральных функций, хотя его военно-стратегическое положение уже в этот момент могло этому способствовать. Речь идет, во-первых, о том, что по условиям Айгунского договора граница между двумя империями по Амуру на востоке была фактически утверждена до устья р. Уссури (неподалеку от Хабаровского военного поста), в то время как статус территорий вдоль Уссури вплоть до Пекинского трактата (1860) не был строго определен. Именно от Хабаровки начинался путь в Южное Приморье по Уссури, в северное – по Амуру. Но будущему городу предстояло окрепнуть. Вероятно, это соответствовало и более ранним планам властей относительно его предназначения. Так, в материалах Всеподданнейшего отчета по управлению Восточной Сибирью за 1857 г., хранящихся в Государственном архиве Иркутской области, селение Хабаровка как штаб 2-го отделения Амурской линии многократно обозначается как одна из предполагаемых почтовых станций на Амуре для «устройства почтовых сообщений в Приморской области» [ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 34/1735. Л. 85–98].

С другой стороны, стратегическое расположение поста исходно способствовало усилению военно-оборонительных функций поселения и постепенному развитию в нем торговли. Из Всеподданнейшего отчета по управлению Восточной Сибирью за 1858 г. узнаем: «Хабарово – месторасположение Сибирского линейного № 13 батальона (что ныне линейный № 3 батальон Восточной Сибири). Здесь выстроены казармы для нижних чинов и дома для офицеров, лазарет, контора и складочные магазины Амурской компании и некоторых торгующих купцов на Амуре купцов; строится церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы» [Там же. Д. 64/1736. Л. 105об.]. Показательно, что складочные магазины Амурской компании были выстроены в поселении весьма оперативно – уже в конце 1858 г. При этом управляющий делами этой фирмы, образованной в этом же году, направил генерал-губернатору запрос на выделение в Хабаровке мест для строительства зданий компании (в числе прочих по р. Амур) лишь в августе 1858 г. [Там же. Оп. 10. Д. 58. Л. 1–5].

Уже к середине 1860-х гг., т. е. спустя 6–7 лет после основания, Хабаровка усиливает свое значение в качестве торгового центра на Амуре. Так, Главное управление Восточной Сибири в отчете о состоянии Приморской области за 1864 г. сделало такое заключение о развитии местной торговли: «Кроме Николаевска, есть еще другой пункт торговли на Амуре, который с каждым годом приобретает большое значение, – это Хабаровка. Находясь недалеко от китайских поселений, она делается заметным торговым центром. Несмотря на то что Хабаровка не признана городом и не имеет никаких правительственных учреждений, в ней считается русских купцов шесть. В течение года в приходе было с товарами 5 пароходов, 4 баржи и 20 лодок, мануфактурных товаров привезено на сумму 100000 р., вин на 5000 р., пушных товаров около 100000. Кроме того, в Хабаровке постоянно живут три китайских семейства, которые занимаются торговлей, а в августе месяце ежегодно приезжают с товарами весьма много китайцев на своих джонках из

г. Сянь-Сина» [ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 238. Л. 24об.–25]. В этом же документе 1864 г. отмечается важное для нас положение, что руководство Главного управления инициировало перед генерал-губернатором «ходатайство об устройстве в Хабаровке городского управления», полагая, что «… с развитием хлебопашества и поселений в наших южных портах Хабаровка, должно предполагать, будет посредствующим складочным пунктом всех сношений и торговли Амурской» [Там же].

Одним из важнейших объективных обстоятельств, способствовавших присвоению Хабаровке статуса города, вероятно, стала постепенная интенсификация местных взаимодействий между гражданами Российской и Цинской империй, не всегда происходивших благополучно. Так, из того же Всеподданнейшего отчета по управлению Восточной Сибирью за 1864 г. узнаем, что «возрастающее торговое значение селения Хабаровка побудило главное начальство края войти с ходатайством к высшему правительству о переименовании этого селения в город с учреждением в нем особого полицейского управления, так как возникающие при постоянных сношениях местных жителей с китайскими подданными недоразумения и столкновения требуют административного разбирательства на месте. Ходатайство Главного управления по этому предмету находится в рассмотрении Министерства внутренних дел» [Там же. Д. 247. Л. 90–90об.].

Вопрос о присвоении Хабаровке статуса города все более осознавался региональными властями и в связи со значительной удаленностью селения от своего изначального административного центра – г. Софийска и еще большего – от центра края – Николаевска. Надо сказать, что расстояние между Софийском и Хабаровкой, ему подчиненной, даже по современным дальневосточным меркам было и остается весьма существенным – 597 верст (более 630 км). И оперативно решать административные дела в таком положении, действительно, было весьма сложно.

В пользу обретения Хабаровкой статуса города говорило еще и то, что к 1867 г. в селении уже действовала церковь, молитвенные дома (римско-католический, еврейский), школа для детей всех сословий, военный лазарет, военное управление, почтовое отделение, две пристани, кожевенный завод при постовой команде, общее число дворов составляло 115, однако не было ярмарок и базаров [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105. Л. 7].

Судя по всему, в этот период на уровне генерал-губернатора Восточной Сибири рассматривались разные варианты присвоения Хабаровке статуса города: в качестве уездного центра или с получением статуса «безуездного». Так, в 1866 г. военный губернатор Приморской области И. В. Фуругельм пишет письмо, направленное генерал-губернатору Восточной Сибири М. С. Корсакову о возможности переименования селения Хабаровка в уездный город и учреждении в нем полицейского управления, отмечая, что это письмо – ответ на запрос от самого генерал-губернатора о возможности переименования Хабаровского селения в безуездный город [Там же. Д. 6075. Л. 5–5об., 7]. В самом же письме отмечалось, что «… селение Хабаровка до настоящего времени состояло под ведением Софийского земского управления, и в оном должен находиться один из членов управления, чего по незначительному составу членов исполнять невозможно; между тем селение это, находясь при слиянии двух значительных рек, ведущих порядочную торговлю и имея до 1500 жителей, требует постоянного управления, а потому сколько необходимо образовать из селения город, столько же необходимо учредить там управление по примеру других городов» [Там же]. Поскольку городская полиция в этот период должна была содержаться из собственных доходов города, И. В. Фуругельм отмечает, что на эти цели у селения нет средств, поскольку основные доходы, получаемые с купеческих капиталов, заемных обязательств, уходят на благоустройство улиц, постройку мостов и пр. Поэтому в письме он просит не только об учреждении в Хабаровке городского полицейского управления, но и об «ассигновании потребной на то суммы» [Там же].

Пройдет еще 14 лет, когда решение о преобразовании Хабаровки в город получит окончательную поддержку у государя-императора Александра II, в период правления которого это селение и появилось. Соответствующее решение состоится 28 апреля 1880 г. наряду с учреждением должности военного губернатора Приморской области. Именно Хабаровка становится «по высочайшему повелению» императора местопребыванием

этого губернатора, ей присваивается «степень» города, туда переводятся из Николаевска штаб войск, областное управление и окружной суд. Хабаровка определена и как место расположения окружного казначейства, городского полицейского управления [Хабаровск… 2008: 12; ПСЗРИ-II 1884. Т. 55. Отд-ние 1. № 60851]. Хабаровка становится не только «резиденцией высшей власти» края, но и в целом важнейшим военно-административным центром Приамурья. Показательно, что уже в 1884 г. будет образовано новое Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровке.

Хабаровское городское полицейское управление в составе полицмейстера, следственного пристава, полицейского надзирателя и секретаря образуется в городе в конце октября 1880 г. по постановлению военного губернатора Приморской области М. П. Тихменева, в котором отмечается: «Ныне г. Хабаровка, переполненный населением, состоящим из служащих гражданского и военного ведомств, купцов, мещан, крестьян, нижних воинских чинов, поселенцев, китайцев, корейцев и других инородцев, настоятельно нуждается в надлежащем охранении общественного спокойствия, порядка и благоустройства» [ГАХК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 16. Л. 10].

Таким образом, возникновение Хабаровки в 1858 г. и ее относительно быстрое возвышение в военно-административной системе Приамурья к 1880 г. вполне соотносились с общей политикой и практикой закрепления новых территорий Российской империи на востоке страны, которая стремилась к формированию базовых опорных военно-административных центров вблизи государственных границ. Выгоднейшее военно-стратегическое и экономическое расположение Хабаровки на пересечении основных путей с запада на восток, на север и юг, постепенная интенсификация взаимодействия ее жителей с населением окружающих территорий Цинской империи, физическая удаленность исходной окружной администрации в г. Софийске, краевой – в Николаевске создали объективные предпосылки для постановки вопроса о присвоении Хабаровке статуса города и центра обширного края спустя всего 5–6 лет после ее основания. Этот вопрос получил постепенное обоснование, пройдя необходимые административные инстанции, и был положительно решен Александром II. Последующие 13 лет, до 1893 г., когда Хабаровка стала центром отдельного генерал-губернаторства, была переименована в Хабаровск, также были особым периодом в ее развитии. Так, именно в это время состоялась разработка нового перспективного плана застройки города, осознаны проблемы в развитии локальной торговли и промышленности, существенно увеличилась численность ее населения и пр. Этот период будет рассмотрен нами в следующих работах.

Источники и литература

Государственный архив Иркутской области (ГАИО): ф. 24, оп. 9, д. 34/1735, 64/1736, 238, 247; оп. 10, д. 58.

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК): ф. Р-1736, оп. 1, д. 16.

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИАДВ): ф. 1, оп. 1, д. 105, 6075.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. II (ПСЗРИ-II). Т. 55. Отд-ние 1. 1880–1881. № 60851. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1884. – С. 209–210.

Хабаровск. Страницы истории: сб. док-тов Государственного архива Хабаровского края, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока об истории развития города Хабаровска / гл. ред. Т. А. Шевчик; сост.: Т. И. Косицына, А. В. Размахнина, Л. В. Салеева и др. – Хабаровск: Частная коллекция, 2008. – 448 с.

Административно-территориальное устройство Хабаровского края. 1938–2018 годы: справочник: в 3 т. Т. 1. – Хабаровск: Хабаровская краев. тип., 2018. – 640 с.

Востриков Л. А. Хабаровск и Хабаровчане. Очерки о прошлом / Л. А. Востриков, З. В. Востоков. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1991. – 256 с.

Город счастливой судьбы: Хабаровску – 150 лет. – Хабаровск: Приамурские ведомости, 2008. – 304 с.

Крадин Н. П. Старый Хабаровск. Портрет города в дереве и камне (1858–2013) / Н. П. Крадин. – Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2013. – 448 с.

История Благовещенска. 1856–1917: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А. В. Телюк. – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2009. – 464 с.

История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) / отв. ред. А. И. Крушанов. – М.: Наука, 1990. – 471 с.

Над Амуром белым парусом…: Хабаровску – 145 лет: фотоальбом / отв. ред. В. В. Смирнов. – Хабаровск: Приамурские ведомости, 2003. – 240 с.

Рябов Н. Хабаровск / Н. Рябов // Города Хабаровского края / сост. Н. К. Кирюхин. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1972. – С. 27–130.

Хабаровск: Очерк истории / В. И. Чернышева, Г. С. Чечулина, А. С. Сутурин. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1983. – 336 с.

Чернышева В. И. Хабаровск (к 100-летию города) / В. И. Чернышева. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1958. – 104 с.

References

Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO): f. 24, op. 9, d. 34/1735, 64/1736, 238, 247; op. 10, d. 58.

Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraya (GAHK): f. R-1736, op. 1, d. 16.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Dal'nego Vostoka (RGIADV): f. 1, op. 1, d. 105, 6075.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. II (PSZRI-II). T. 55. Otd-nie 1. 1880–1881. № 60851. – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1884. – S. 209–210.

Habarovsk. Stranicy istorii: sb. dok-tov Gosudarstvennogo arhiva Habarovskogo kraya, Rossijskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arhiva Dal'nego Vostoka ob istorii razvitiya goroda Habarovska / gl. red. T. A. Shevchik; sost.: T. I. Kosicyna, A. V. Razmahnina, L. V. Saleeva i dr. – Habarovsk: Chastnaya kollekciya, 2008. – 448 s.

Administrativno-territorial'noe ustrojstvo Habarovskogo kraya. 1938–2018 gody: spravochnik: v 3 t. T. 1. – Habarovsk: Habarovskaya kraevaya tipografiya, 2018. – 640 s.

Vostrikov L. A. Habarovsk i Habarovchane. Ocherki o proshlom / L. A. Vostrikov, Z. V. Vostokov. – Habarovsk: Habarovskoe kn. izd-vo, 1991. – 256 s.

Gorod schastlivoj sud'by: Habarovsku – 150 let. – Habarovsk: Priamurskie vedomosti, 2008. – 304 s.

Kradin N. P. Staryj Habarovsk. Portret goroda v dereve i kamne (1858–2013) / N. P. Kradin. – Habarovsk: Habarovskaya kraev. tip., 2013. – 448 s.

Istoriya Blagoveshchenska. 1856–1917: v 2 t. T. 1 / otv. red. A. V. Telyuk. – Blagoveshchensk: Amurskaya yarmarka, 2009. – 464 s.

Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR v epohu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – fevral' 1917 g.) / otv. red. I. Krushanov. – M.: Nauka, 1990. – 471 s.

Nad Amurom belym parusom…: Habarovsku – 145 let: fotoal'bom / otv. red. V. V. Smirnov. – Habarovsk: Priamurskie vedomosti, 2003. – 240 s.

Ryabov N. Habarovsk / N. Ryabov // Goroda Habarovskogo kraya / sost. N. K. Kiryuhin. – Habarovsk: Habarovskoe kn. izd-vo, 1972. – S. 27–130.

Habarovsk: Ocherk istorii / V. I. Chernysheva, G. S. Chechulina, A. S. Suturin. – Habarovsk: Habarovskoe kn. izd-vo, 1983. – 336 s.

Chernysheva V. I. Habarovsk (k 100-letiyu goroda) / V. I. Chernysheva. – Habarovsk: Habarovskoe kn. izd-vo, 1958. – 104 s.

ББК 63.3(2)
УДК 94(=512.31)
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-59-63

Л. М. Дамешек

СОХРАНЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ БУРЯТСКОГО НАРОДА В XXI в. В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. Ч. II*

Во второй части статьи исследуется процесс подготовки кадров учителей бурятского языка для школ Усть-Ордынского Бурятского округа. Рассматривается история создания и деятельности отделения бурятского языка филологического факультета ИГУ, анализируются главные задачи отделения, вклад Н. О. Шаракшиновой и Е. К. Шаракшиновой, под руководством которых велась и ведется эта значимая работа, исследуется образование и деятельность современных центров изучения и преподавания родного (бурятского) языка, значение туристско-краеведческой деятельности, изучение этнической культуры как части традиционной культуры бурятского народа, развитие национальных видов спорта и традиционных игр народов, проживающих в регионе. Подчеркивается, что важным свидетельством миропорядка в округе стала поддержка жителями округа всех национальностей специальной военной операции России.

Ключевые слова: российское общество, национальности, буряты, трансформация, Усть-Ордынский Бурятский округ, особый статус, этнокультурная самобытность.

L. M. Dameshek

PRESERVATION OF THE ETHNOCULTURAL IDENTITY OF THE BURYAT PEOPLE IN THE 21ST CENTURY IN THE CONDITIONS OF THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN SOCIETY

The second part of the article examines the process of training Buryat language teachers for schools in the Ust-Orda Buryat Okrug. It discusses the history and activities of the Buryat Language Department at the Faculty of Philology of Irkutsk State University, analyzes the main objectives of the department, and highlights the contributions of N. O. Sharakshinova and E. K. Sharakshinova, under whose guidance this significant work has been and continues to be carried out. The study also investigates the establishment and functioning of modern centers for the study and teaching of the native (Buryat) language, the importance of tourism and local lore activities, the study of ethnic culture as part of the traditional culture of the Buryat people, and the development of national sports and traditional games of the peoples residing in the region. It is emphasized that an important testament to the social order in the okrug is the support of Russia's special military operation by residents of all nationalities living in the okrug.

Keywords: Russian society, nationalities, Buryats, transformation of Ust-Orda district, ethnocultural identity.

Развитие бурятского этноса в XXI в. нужно воспринимать как необходимую модификацию бурятской этничности на основе сохранения нравственности, гармонично сочетающую в себе прогрессивные начала самобытности и традиционности и опирающуюся на них. Главную роль в этих процессах играет бурятский язык как основное средство сохранения национального самосознания.

Экономические реалии, потребности общественной и культурной жизни, стремление к сохранению национальной идентичности предъявляют особые требования к совре-

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского центра отечественной истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Байкальский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: Levdameshek@gmail.com.

* Продолжение. Начало см.: Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2026. – № 1(61). – С. 45–51.

менному учителю не только как к носителю знаний, но и как к воспитателю нравственных качеств в подрастающем поколении. На протяжении XX и начала XXI столетия огромный вклад в дело подготовки квалифицированных кадров для народного хозяйства, науки, образования, средств массовой информации Усть-Ордынского Бурятского округа вносит Иркутский государственный университет – старейшее высшее учебное заведение в Восточной Сибири. Важная роль в этом деле принадлежит бурятскому филологическому восточному отделению, которое было создано в 1918 г. одновременно с основанием университета. Уже в 1920 г. на восточном отделении обучалось 79 студентов. Одним из его слушателей был выдающийся чешский писатель Ярослав Гашек, который входил в редакцию красноармейской газеты политуправления 5-й Краснознаменной армии «Красный стрелок» и пытался организовать в Иркутске выпуск газет для китайцев, корейцев, монголов и бурят. Так появилась газета на бурятском языке «Үүр» [История… 2024]. Заслуги этого замечательного чешского интернационалиста помнят и чтут в сегодняшней Республике Бурятия. Неслучайно престижная премия союза журналистов республики в номинации «Лучшая журналистская рабата печатных СМИ» носит имя Ярослава Гашека. В 1925 г. среди 1673 студентов университета примерно 20 % составляли представители бурятской национальности [Там же: 598]. 4 января 1925 г. правление Иркутского университета, согласно постановлению ЦИК Бурят-Монгольской республики, решило ввести обязательное изучение бурят-монгольского языка и культуры для студентов бурятской и монгольской национальностей. В 1926 г. бурят-монгольское отделение открылось на педагогическом факультете университета. У его истоков стояли известные ученые Г. Цыбиков и Ц. Жамцарано.

Бурят-монгольское отделение просуществовало до 1930 г., а затем было переведено в Улан-Удэ, где на его основе в 1932 г. был создан Бурятский государственный педагогический институт им. Доржи Банзарова, ныне Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова [Базаров и др. 2018: 15]. Таким образом, Иркутский госуниверситет сыграл решающую роль в основании первого высшего учебного заведения в Бурятии. В 1944 г. по ходатайству Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа в Иркутском университете на историко-филологическом факультете вновь открылось специализированное бурят-монгольское отделение, и на первый курс было принято 30 студентов [Жербакова 2022: 598]. Среди первокурсников значительную часть составляли выходцы из Усть-Ордынского округа. Отделение имело два цикла – исторический и филологический. Его главная задача заключалась в подготовке квалифицированных учителей бурятского языка и литературы, русского языка и литературы, истории в национальной школе. Сегодня университет продолжает подготовку учителей для образовательных организаций округа на факультете теоретической и прикладной филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации (ИФИЯМ ИГУ). За эти годы выпущено более тысячи специалистов, вклад которых в дело развития народного образования, науки и культуры Усть-Ордынского округа неоценим. Из числа выпускников каждый десятый стал научным работником. Они успешно защитили кандидатские, докторские диссертации по филологии, истории, этнографии, экономике, философии и представляют собой элиту бурятоведческой фундаментальной науки. Бурятское отделение стало кузницей кадров для окружных органов управления, значительная часть выпускников работали и работают в образовательных организациях учителями бурятского языка и литературы, русского языка и литературы, истории. По информации отдела образования округа, в конце 1970-х – начале 1980-х гг. потребность в учителях русского языка и литературы на 80 % закрывалась только за счет выпускников отделения бурятской филологии [Шаракшинова 2022: 30–36]. Успехи бурятского отделения ИФИЯМ ИГУ в значительной степени связаны с именами Н. О. и Е. К. Шаракшиновых, под руководством которых коллективом отделения кропотливо велась и ведется эта, несомненно, значимая работа.

С деятельностью по сохранению и изучению родного языка, воспитанию патриотизма, формированию общественного сознания тесно связано краеведение. Знание своего края, его прошлого и настоящего необходимо для непосредственного участия в его преобразовании, поскольку родной край – живая, деятельная частица великого мира.

Объяснить детям, почему они должны быть патриотами, всегда сложно. Краеведение – это любовь к малой родине, основанная на устойчивом познавательном интересе к ее истории. Для формирования и развития проектной и исследовательской компетентности педагогов в области краеведения в округе создан Центр дополнительного образования детей, который с 2018 г. работает по единой методической теме «Педагогическое проектирование как способ мотивации инновационной деятельности». Одним из приоритетных направлений его работы стала туристско-краеведческая деятельность. С целью реализации основной идеи проекта педагогами дополнительного образования на основе специально разработанного маршрутного листа и карты местности проводятся экспедиции для школьников, в ходе которых ребята выступают не только как пассивные созерцатели, но и как корреспонденты органов школьной и районной печати. Особого внимания заслуживает проект «История одного села», в процессе осуществления которого собрано большое количество разнообразного исторического, фольклорного и этнографического материала об истории малой родины. В 2021 г. на территории Усть-Ордынского Бурятского округа среди 98 образовательных организаций функционировало 38 объединений по туристско-краеведческой работе. В современных условиях краеведческую работу следует рассматривать как ту культурную среду, из которой выйдут не обязательно специалисты, но культурные, общественные, политические, деловые, научные и любого другого склада деятели.

Национальная культура оказывает огромное влияние на эстетическое, нравственное, трудовое воспитание молодых людей. Изучение этнической культуры как части традиционной способствует не только ее сохранению, но и развитию в современных условиях. Этим обусловлена актуальность обращения к народной культуре в школе. Задача изучения и сохранения культурного наследия бурятского народа реализуется в школах округа через проектную деятельность обучающихся. Цель таких проектов, посвященных культуре бурятского народа, – исследование особенностей и самобытности его материальной и духовной жизни. Важным свидетельством миропорядка в округе стала поддержка жителями округа всех национальностей специальной военной операции России.

В центре внимания – быт и традиции, национальная одежда и украшения, фольклор и музыкально-поэтическое творчество бурятского народа. Анализируя литературу, архивные документы, беседуя с разными группами населения, педагоги раскрывают для обучающихся значимость национальных традиций бурятского народа, определяют пути сохранения его культуры, показывают деятельность различных организаций по сохранению национальных традиций. Сегодня множество организаций осуществляет культурные проекты и проводит мероприятия в сфере традиционной народной культуры, народного творчества, любительского искусства. Например, Боханская детская школа искусств и Культурно-досуговый центр Боханского района организуют и проводят такие культурные мероприятия, как фестивали, форумы, творческие встречи, концерты. В них принимают участие коллективы и исполнители, творческая и научная интеллигенция.

Так, через изучение национального искусства и развитие художественных способностей детям прививается любовь к родному народу, уважение к памяти предков. Знание прошлого делает мир молодого человека более интересным, помогает понять законы природы и осмыслить основы бытия, сделать правильный жизненный выбор. Приобщаясь к опыту многих поколений, он становится сильнее и уверенно идет по жизни [Жербакова 2022: 141–146]. Из года в год растет качество использования этнорегиональной составляющей в системе общего и дополнительного образования. В ГОБУ ИО «Усть-Ордынская гимназия-интернат» разработана и успешно реализовывалась дополнительная общеразвивающая этнокультурная общеобразовательная программа «Тоонто нютаг» (Моя малая родина), переросшая впоследствии в проект «Байкальские ростки», нацеленный на формирование у учащихся этнической идентичности в условиях языкового и культурного многообразия. В октябре 2021 г. он был представлен в рамках Московского международного салона образования, а в октябре 2022 г. проект учреждения «Бурятская юрта – хранилище традиций» вошел в число лучших 12 проектов – финалистов Всероссийского форума «Сквозные образовательные траектории», проходившего в Серпухове, в номинации «Культурное многообразие» из 400 представленных. В 2022 г. МДОУ «Дет-

ский сад “Родничок”» Эхирит-Булагатского района стал победителем Всероссийского конкурса фонозаписей на языках народов Российской Федерации песен, сказок, поговорок и других форм устного народного творчества «Звучи в веках, родной язык!»; МДОУ «Детский сад № 7 “Колосок”» Эхирит-Булагатского района и Усть-Ордынская гимназия-интернат одержали победу в конкурсе на лучшую организацию работы образовательных организаций с родительским сообществом по сохранению историко-культурной среды, языков народов Российской Федерации. В 2022 г. ГБУ ДО ИО «Центр дополнительного образования детей» в пос. Усть-Ордынский вошло в число победителей V Всероссийского конкурса лучших практик в сфере национальных отношений в номинации «Лучшие практики бюджетных учреждений муниципального, регионального и общероссийского уровней, Домов дружбы народов и Домов национальностей» с проектом «Региональный фестиваль детского и юношеского творчества “Язык – душа народа”».

Усть-Ордынский Бурятский округ – традиционно аграрная территория, поэтому еще одним приоритетным направлением развития системы образования в соответствии с региональными особенностями является реализация агротехнологической подготовки школьников. В округе создана сеть агробизнес-школ и агроклассов. В тесном сотрудничестве с учреждениями среднего и высшего профессионального образования региона реализуется непрерывное агробизнес-образование – от школы до вуза.

Важный компонент социокультурной политики администрации округа – развитие национальных видов спорта и традиционных игр народов, проживающих в регионе. Поддержка национальных видов спорта предусматривалась федеральной программой «Развитие физической культуры и спорта на 2006–2015 годы». Данной программой ставилась задача увеличить число занимающихся физкультурой и спортом до 30 % от общей численности населения страны. В округе на сегодня количество жителей, занимающихся физической культурой и спортом, достигает 13711 чел., что составляет 10,2 % от общей численности его населения. Для школьников и молодежи округа традиционно самыми массовыми остаются секции вольной борьбы, их посещает 1440 детей (27 % от общего количества занимающихся), волейбола – 1292 (24 %), футбола – 632 (11 %). Развитию физической культуры в регионе в немалой степени способствовала реализация «Программы развития национальных видов спорта в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе на 2007–2010 годы».

Важным свидетельством существующего в округе миропорядка, согласия между национальностями и гражданственности стала поддержка жителями округа специальной военной операции России. Немало мужчин ушло добровольцами на фронт на борьбу с фашизмом XXI в. Характерна в этом отношении и глубоко нравственная позиция женщин. В сентябре 2022 г. по инициативе неравнодушных жительниц пос. Усть-Ордынский Саяны Анатольевны Брагиной и Елены Вячеславовны Танхаевой организован швейный цех по пошиву необходимого бойцам военного снаряжения: нательного белья, тактических носилок, балаклав и др. Буквально за сутки было найдено необходимое помещение – цех разместился в здании Центра дополнительного образования Эхирит-Булагатского района при активной поддержке директора центра Л. Э. Жербаковой. Швейные машинки принесли жители со всего поселка. За первые 3 дня работы цеха пошито 233 комплекта необходимых воинских принадлежностей. Всего в его работе приняло участие более 150 женщин-волонтеров. За непродолжительное время работы цеха пошито 1400 единиц военных плащей, утепленных вещей. Женщины собирали необходимые лекарства, сотрудничали с другими волонтерскими организациями области.

В округе активно развивается библиотечное дело. Центром этой работы является Усть-Ордынская национальная библиотека им. М. Н. Хангалова. В 2021 г. она присоединилась к программе цифровой трансформации Министерства культуры РФ. С появлением современного оборудования в библиотеке активно ведется работа по созданию электронной библиотеки – идет оцифровка фонда редких и ценных книг, периодических изданий. Открытие нового современного и комфортного здания библиотеки состоялось 12 февраля 2021 г. В нем также разместились Усть-Ордынский национальный центр народного творчества и Национальный центр художественных народных промыслов, развивается в округе и сеть сельских библиотек. Так, в 2022 г. в с. Тургеневка Баяндаев-

ского района, где проживают потомки белорусских переселенцев, начала работу новая модельная библиотека. При оформлении ее помещений использовались народные белорусские мотивы. Фонд библиотеки пополнили 1,2 тыс. новых экземпляров книг. Также библиотека оснащена современной техникой и новейшим компьютерным оборудованием.

Сегодня на территории Усть-Ордынского Бурятского округа, по данным на 1 января 2021 г., проживает 126500 чел. Это русские (54,4 %), буряты (39,6 %), татары (3,2 %), украинцы (3,2 %), белорусы (1,0 %) и другие народы. В резолюции межрегиональной научно-практической конференции «Страницы истории: события и судьбы», состоявшейся в Иркутске 5 сентября 2022 г. и посвященной 85-летию со дня образования округа, отмечается, что важнейшей задачей органов власти всех ступеней является работа по социально-экономическому развитию территорий Усть-Ордынского Бурятского округа в целях создания условий для сохранения этнического многообразия и пропаганды знаний об историческом опыте добрососедства и интернационализма народов Усть-Ордынского Бурятского округа и региона в целом, вкладе уроженцев округа в дело укрепления авторитета и могущества Российского государства.

Литература

Базаров Б. В. И дольше века длится день. К 100-летию Иркутского государственного университета / Л. М. Дамешек, А. К. Тулохонов, Л. В. Курас // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2018. – № 3(31). – С. 9–24.

Жербакова Л. Э. Эффективные формы организации краеведческой деятельности в условиях дополнительного образования детей / Л. Э. Жербакова // Страницы истории: события и судьбы: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Усть-Ордынского Бурят. округа (г. Иркутск, 5 сент. 2022 г.). – Иркутск, 2022. – С. 141–146.

История Усть-Ордынского Бурятского округа. – Иркутск: Изд. дом БГУ, 2024. – 620 с.

Санжиев Б. С. Ярослав Гашек в Восточной Сибири / Б. С. Санжиев. – Иркутск: Кн. изд-во, 1961. – 64 с.

Санжиев Б. С. Ярослав Гашек – интернационалист. Документальный очерк об участии писателя в борьбе за советскую власть в Сибири / Б. С. Санжиев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. – 128 с.

Шаракшинова Е. К. Вклад выпускников отделения бурятской филологии Иркутского госуниверситета в развитие Усть-Ордынского Бурятского округа / Е. К. Шаракшинова // Страницы истории: события и судьбы: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Усть-Ордынского Бурятского округа (г. Иркутск, 5 сент. 2022 г.). – Иркутск, 2022. – С. 30–36.

References

Bazarov B. V. I dol’she veka dlitsya den’. K 100-letiyu Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta / L. M. Dameshek, A. K. Tulohonov, L. V. Kuras // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2018. – № 3(31). – S. 9–24.

Zherbakova L. E. Effektivnye formy organizacii kraevedcheskoj deyatel’nosti v usloviyah dopolnitel’nogo obrazovaniya detej / L. E. Zherbakova // Stranicy istorii: sobytiya i sud’by: mat-ly mezhregion. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 85-letiyu Ust’-Ordynskogo Buryat. okruga (g. Irkutsk, 5 sent. 2022 g.). – Irkutsk, 2022. – S. 141–146.

Istoriya Ust’-Ordynskogo Buryatskogo okruga. – Irkutsk: Izd. dom BGU, 2024. – 620 s.

Sanzhiev B. S. Yaroslav Gashek v Vostochnoj Sibiri / B. S. Sanzhiev. – Irkutsk: Kn. izd-vo, 1961. – 64 s.

Sanzhiev B. S. Yaroslav Gashek – internacionalist. Dokumental’nyj ocherk ob ucha-stii pisatelya v bor’be za sovetskuyu vlast’ v Sibiri / B. S. Sanzhiev. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1986. – 128 s.

Sharakshinova E. K. Vklad vypusknikov otdeleniya buryatskoj filologii Irkutskogo gosuniversiteta v razvitie Ust’-Ordynskogo Buryatskogo okruga / E. K. Sharakshinova // Stranicy istorii: sobytiya i sud’by: mat-ly mezhregion. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 85-letiyu Ust’-Ordynskogo Buryatskogo okruga (g. Irkutsk, 5 sent. 2022 g.). – Irkutsk, 2022. – S. 30–36.

УДК 94 (517)
ББК 63.3 (5Мон)
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-64-70

А. Д. Гомбожапов

БУДДИЗМ КАК ФАКТОР НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В БОРЬБЕ ЗА ЦЕНТРАЛИЗАЦИЮ ВЛАСТИ В МОНГОЛЬСКОМ МИРЕ XVI в.

Статья посвящена анализу роли буддизма в формировании новой коллективной идентичности и трансформации механизмов легитимации власти в монгольском мире XVI в. Показано, что обращение к буддизму – альтернативное основание легитимности власти в условиях девальвации традиционного принципа чингизидского происхождения. Сделан вывод, что он выступил важным фактором политической консолидации, став инструментом формирования единой религиозно-культурной идентичности и укрепления централизованной власти.

Ключевые слова: буддизм, монгольский мир, централизация, идентичность, Алтан-хан.

A. D. Gombozhapov

BUDDHISM AS AN ELEMENT OF NEW IDENTITY IN THE STRUGGLE FOR POWER CENTRALIZATION IN THE 16TH-CENTURY MONGOL WORLD

This article analyzes the role of Buddhism in the formation of a new collective identity and the transformation of mechanisms for the legitimation of power in the Mongol world of the 16th century. It demonstrates that the adoption of Buddhism provided an alternative basis for the legitimacy of power in the context of the devaluation of the traditional principle of Chinggisid descent. The article concludes that in the 16th century, Buddhism emerged as a crucial factor in political consolidation, serving as an instrument for forging a unified religious and cultural identity and strengthening centralized power.

Keywords: Buddhism, Mongol world, centralization, identity, Altan Khan.

Применительно к XVI в. стоит обратить пристальное внимание к историческому событию, позволяющему говорить о дальнейшей эволюции политической системы монгольского общества к зрелой государственности. Речь идет о распространении буддизма в Монголии. Союз светской власти и религии – взаимоутверждающий и двухопорный. Власть получает эффективный инструмент формирования единой идентичности подвластного населения. Буддизм, проповедующий терпимость, универсальность и равенство, имел фундаментальное значение для монгольского общества в преодолении этноплеменных границ, а, следовательно, в усилении единой централизованной власти.

Это было не первой попыткой проникновения и распространения буддизма в монгольском мире. Как религия он был знаком еще протомонгольским общностям (хунну, сяньби). В тибетской форме он распространяется среди монгольских племен в период правления великого хана Хубилая. По его приглашению в Пекин прибыл Пагба-лама, глава школы сакья. Буддизм был объявлен государственной религией империи Юань, в которую входила и Монголия [Ванчикова 2019]. Будучи воспринят правящей верхушкой и распространен в аристократической среде, он не смог укорениться в монгольском обществе в целом, и с падением династии традиции шаманизма вновь стали превалировать.

Большинство исследователей отмечают, что после крушения династии монгольские народы оказались изолированы от широких внешних контактов, что привело к упадку

ГОМБОЖАПОВ Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, координатор отдела истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: agombozh@yandex.ru.

мировых религий, распространенных в пред- и имперский периоды – буддизма, христианства и ислама. В условиях культурной изоляции и утраты институциональной поддержки эти верования постепенно ослабили свое влияние, тогда как традиционный шаманизм начал восстанавливать свою значимость. Однако есть и другое мнение. Г. Сэйррос утверждает, что тексты «Мин шилу» отчетливо свидетельствуют, что задолго до известной встречи тибетского духовного лидера Сонам Гьяцо и Алтан-хана 1578 г. по крайней мере в среде монгольской знати существовала тибетская ламаистская традиция, сохраненная со времен юаньского времени. Более того, ученый считает, что обнаруженные в китайских источниках факты (ламы в качестве послов монгольских вождей, запрашиваемая со стороны монголов буддийская атрибутика, буддийские храмы на периферии, буддийские имена у чигильских монголов) говорят в пользу «непрерывной ламаистской традиции в Южной Монголии, уходящую корнями в монгольский ламаизм раннего периода Мин и, в конечном счете, в конец периода Юань» [Serruys 1963: 213]. Хотя, по признанию ученого, он сохранился как «тонкий налет» поверх традиционной религии – шаманизма.

Как осторожно утверждают китайские ученые Шэнь Цэнчжи (沈曾植) и Чжан Эртянь (張爾田) в предисловии к китайскому изданию «Эрдэнийн тобчи», нельзя сказать, что после падения династии Юань в монгольских степях полностью исчезло буддийское учение.

Есть упоминание в «Мин ши» (Си-юй-чуань, 西域傳, раздел «История западных регионов династии Мин»), что в седьмом году правления Хунъу (1374) государственный наставник Каракорума До-эр-цзи-це-ле-сы-ба-цан-бу [I] (朵兒濟•怯烈失思巴藏) отправил проповедника Жу-ну-ван-бу (汝奴汪卜) к минскому двору, чтобы тот представил бронзового Будду, реликвии, белый хадак (шарф) и нефритовую печать, нефритовую книгу, пять серебряных печатей и три золотые таблички, пожалованные династией Юань [札奇斯欽 1981: 152–153].

В том же году государственный наставник прибыл в Нанкин (тогда столица Китая). Он преподнес минскому двору изображение Будды, реликвии и два коня. Император распорядился отправить изображение Будды и реликвии в храм Чжун-шань-сы (鐘山寺), пожаловать государственному наставнику вышитую монашескую мантию, а также предоставить жилье, мебель и другие необходимые вещи, включая одежду для последователей [Jagchid 1971: 51–52]. Это косвенно указывает на то, что в ранний постюаньский период, по крайней мере среди знати, проповедовали буддийские служители (красношапочники).

Следующий факт, констатирующий о присутствии буддизма среди ойратов, отмечен в записи «Мин шилу» второго года правления Чжэнтуна (1437 или 1438), в котором сообщается о даровании титулов ламам – членам посольской миссии от ойратского правителя [Ibid.: 52–53]. С. Джагчид верно отмечает, что событие произошло через 70 лет после падения династии Юань. Это говорит о том, что буддийские монахи или ламы не только жили среди ойратов-монголов, но и активно сотрудничали с правителями ойратов и участвовали в дипломатических отношениях между китайцами и монголами [Ibid.].

В «Мин шилу» в записи за первый месяц весны 11-го года правления Чжэнтуна (1446 г.) приводится обращение Эсэн-тайши: «Императорский наставник Лхамо Чанчен, которого я послал, чтобы воздать почести, хорошо разбирается в буддизме. Я прошу даровать ему высокий титул, серебряную печать, расшитое золотом одеяние, а также изображения пяти будд, колокольчики, ваджры, цимбалы, барабаны, кисточки, раковины и другие ритуальные принадлежности, используемые в буддийских церемониях». Дело было передано на рассмотрение в Министерство ритуалов (цит. по [札奇斯欽 1981: 153]). То обстоятельство, что при ставке Эсэн-тайши сохранялась должность наставника, свидетельствует об определенном буддийском влиянии на элиту монгольского общества. Возможно, наставника окружало определенное количество буддийских монахов.

В 1452 г. Эсэн-тайши вновь обратился к минскому императору с просьбой предоставить одежду для лам, буддийские иконы, шатры, золотые печати, серебряные сосуды и другие ритуальные предметы для его государственного наставника Сань-тай-ши-ли

(三苔•失里), монаха Са-хуэй-те-му-эр (撒灰帖木兒) и др. Просьба была отклонена императором [Jagchid 1971: 56–57]. Это весомое доказательство деятельности буддийских монахов при ставке ойратского правителя и той значимости, которую ей придавала ойратская элита.

В отношении восточных монголов упоминаний о присутствии буддийских служителей (кроме небольшой записи о том, что продолжает свою деятельность среди урянхайцев настоятель храма вблизи гарнизона Тай-нин) в источниках не встречается. Как предполагает С. Джагчид, это могло быть результатом отдаленности от Тибета или политического разлада между ойратами и восточными монголами [Ibid.: 58]. Хотя можно допустить допустить, что какая-то деятельность буддийских монахов все же могла иметь место, по крайней мере в среде восточномонгольской аристократии.

Так, Д. Д. Покотилов по данным китайских источников пишет, что в 1547 г. китайские пограничные власти получили грамоту от Алтан-хана, в которой сообщалось о нахождении среди них великого буддийского святителя. Последний говорил, «что год “овцы” (1547) должно проводить в мире без кровопролития» [Покотилов 1883: 162]. Также в пользу бытования буддизма в Восточной Монголии, как указывает С. Джагчид, служат косвенные сведения о сохранении незначительного его влияния. Он обращает внимание на тот факт, что в монгольских источниках «Эрдэнийн тобчи» и «Алтан тобчи» особо подчеркивается связь третьего Далай-ламы с Пагба-ламой и Алтан-хана с Хубилай-ханом. Это позволяет сделать вывод, что в монгольском обществе второй половины XVI в. помнили и почитали Пагба-ламу, императорского наставника династии Юань. Второе свидетельство, которое им приводится, связано с упоминанием в «Эрдэнийн эрихэ» отправки Абатай-ханом послов к Лигдан-хану чахарскому, чтобы вернуть священные рукописи, которые были некогда написаны Сакья-пандитой на монгольском языке. То есть, считает С. Джагчид, до времен Лигдан-хана монгольские переводы буддийских писаний сохранились и имели ценность для монголов. Однако этот довод не может быть принят, поскольку это явная ошибка. Абатай-хан (1534–1586) не мог отправить послов к Лигдан-хану (1588/1592–1634).

Таким образом, после падения династии Юань и до обращения Алтан-хана в монгольском обществе буддизм не исчез полностью. Он продолжал оказывать влияние, хоть и незначительное. По-видимому, особое место он занимал среди правящей элиты ойратов. Большое значение ему придавал Эсэн-тайши, в т. ч. используя буддийских монахов в качестве послов ко двору императора Китая. Более широкое распространение и окончательное утверждение буддизма в Монголии произошло во второй половине XVI в.

Религия и политика, если точнее – государственная политика, в Средневековье понятия взаимосвязанные и взаимопереплетающиеся. Проникновение и успешное распространение буддизма в монгольском мире явление весьма сложное и, безусловно, было определено целым комплексом причин и уникальным стечением обстоятельств. Одним из таковых стали политическое соперничество и борьба за лидерство в условиях углубившихся процессов децентрализации и девальвации традиционных титульных институтов. В условиях трайбалистской удельности монгольского мира претендовать на общую верховную власть, выйдя за ее рамки, можно было исключительно с опорой на наиболее общие принципы объединения людей. Таковыми могли выступить только религиозные. Не будучи обусловленными с этнической, политической идентичностью, они наиболее приемлемы. На монгольском «поле» конкретным приложением стало использование концепции *törö šasin* (монг. государство и религия).

Первым, кто установил контакты с буддийскими сановниками Тибета, был Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи [IV]. В 1566 г. он вторгся в пределы Тибета и привел в подчинение некоторые области под угрозой военного вторжения. Находясь в местности «слияния трех рек Силимджи» [V], он направил предложение трем главным ламам – великому Бурса-ламе, Чангши-ламе и Дархан-ламе (согласно переводу Я. Шмидта, *Borssa Lama*, *Tsansii Lama*, *Darchan Lama* соответственно [Schmidt 1829: 211]) и местным лидерам Усунгдару *(Ussungdur Ssandschin)* и Алтану *(Altan Ssandschin)*, в котором поставил их перед непростым выбором. «Если вы нам подчинитесь, мы примем ваше религиозное учение; если же вы нам не подчинитесь, мы нападем на вас» [The Precious Summary…

2023: 139]. Через три дня делегация во главе с Дархан-ламой приняла предложение.

Именно Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи способствовал более близкому знакомству своего деда Алтан-хана тумэтского с буддизмом.

В то же время в «Эрдэни тунумал нэрэту судар» (Биографии Алтан-хана) есть упоминание о более раннем контакте Алтан-хана с тибетскими монахами. Впервые, согласно этому источнику, Алтан-хан встретился с тибетскими буддистами в 1558 г. Как пишет К. Колльмар-Пауленц, «Эрдэни тунумал нэрэту судар» – единственный монгольский источник, упоминающий столь раннюю дату встречи с тибетскими буддистами [Kollmar-Paulenz 2001: 118].

Согласно «Эрдэнийн тобчи», в 1571 г. Алтан-хан в возрасте 67 лет совершил поход против «черных» тибетцев, покорил две части шира-уйгуров (верхнюю и нижнюю) и взял под стражу трех князей Ариг Цагхардшайба (Arik Ssaghardschaiba), Гарбу Лумбум (Garbo Lombum) и Цэртэнг Цэрэджаб (Sserteng Sseredgjab) [VI] [Schmidt 1829: 210–211]. В результате было взято большое количество пленных, среди которых Ариг-лама и Гюми-сога багши (sGümi-bsüge-baγsi) [VII] [Serruys 1963: 539]. Первый стал объяснять и проповедовать Алтан-хану основы буддийской доктрины спасения, что возымело действие. В «уме хана зародилось начало Дхармы, и он начал читать шестислоговую дхарани» [The Precious Summary… 2023: 137].

В 1576 г. Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи нанес визит Алтан-хану (своему двоюродному деду) и убедил его поступить по примеру императора Хубилая, который пригласил Пагба-ламу из Тибета к своему двору, и заключить союз с буддийскими лидерами, организовав встречу с «живым бодхисаттвой». Алтан-хан согласился и одобрил решение об отправлении делегации к тибетскому иерарху Содном-Чжамцо / Сонам Гьяцо (bSowadnams-rgyamts‘o), главе школы гелуг. Г. Сэрройс пишет, что, хотя монгольские источники однозначны в вопросе об инициаторах приглашения, все же есть определенные сомнения. Тибетские источники оставили запись о посещении резиденции Алтан-хана неким Dzoge-a-seng из Амдо, который предложил пригласить из Лхасы будущего Далай-ламу Содном-Чжамцо [Serruys 1963: 540].

В 1578 г. по приглашению тумэтского Алтан-хана тибетский духовный лидер Содном-Чжамцо прибыл на съезд монгольских князей. В ходе встречи Алтан-хан признал Сонам Гьяцо перерождением Пагба-ламы и присвоил ему титул «Далай-лама». В свою очередь Сонам Гьяцо увидел в Алтан-хане реинкарнацию Хубилай-хана [Natsagdorji 1968]. Г. Сэрройс развертывает убедительный ряд доводов, который сводится к тому, что встреча Алтан-хана с Содном-Чжамцо была не «внезапным» обращением в буддизм, а мотивированной многолетним процессом постоянного общественно-политического запроса уже на существующей почве бытования буддизма в среде политической элиты [Serruys 1963]. Монгольские хроники фразами о «внезапном проявлении склонности к учению» («Алтан тобчи» Лубсан Данзана, «История Асарагчи») полностью игнорируют предысторию событий.

Вскоре после встречи Алтан-хана и Далай-ламы халхаский Абатай-хан (1534–1586), чахарский правитель Тумэн-дзасакту-хан (1539–1592) и ойратский Байбагас Батур-нойон (1550–1630/1640) приняли буддизм и начали его распространение в своих владениях с целью усиления власти путем консолидации населения на основе новой религиозной идентичности.

Возникает вопрос о причинах, сподвигнувших монгольских правителей принять буддизм самим и ревностно его распространять среди подвластного им населения. Как и в общем случае, речь идет о вопросах преодоления племенной разобщенности путем формирования новой религиозно-культурной идентичности. Тесный союз монгольских правителей с буддийским духовенством усиливал авторитет центральной власти. Буддизм, привнося новые духовно-ценностные ориентиры, становился важным фактором поддержки власти местных правителей, регламентируя социальные нормы и поведение. Это был весомый инструмент власти монгольских правителей.

До распространения буддизма легитимность монгольских правителей базировалась на праве наследования престола представителями династии Чингисхана. Господствовало воззрение о нераздельном династийном роде и общем совладении ханством всех

его представителей, поэтому в каждом поколении происходило выделение уделов. Со временем правящий род значительно расширился, а принцип обязательного наделения продолжал действовать. Свои претензии на ханскую власть начинают предъявлять все больше владетельных князей или же обретают все большую самостоятельность. В этом случае легитимация только принадлежностью к «золотому роду» теряет свое значение. Свидетельством тому служит наличие большого количества званий и титулов в монгольской среде, в т. ч. и хана. Это хорошо видно на примере тумэтского Алтан-хана. Его отец Барс Болод был третьим сыном Даян-хана, что лишало его права претендовать на трон великого хана. Однако Алтан-хан благодаря своим способностям и таланту добился больших успехов, в т. ч. и при организации военных походов на минский Китай. Признанием его особого положения стало дарование ему в 1548 г. великим монгольским ханом Дайрасуном титула *шитну-хана* (малого хана) [Шара туджи 1957: 148]. Алтан-хан стал проводить независимую внешнюю политику в отношении Китая. Его суверенный статус был подтвержден официально. По указу минского императора Алтан-хан возводился в степень *шунь-и-вана* [Покотилов 1893], что, несомненно, добавляло ему престижа. И все же, несмотря на это, формально он оставался на вторых позициях в общемонгольском мире.

Обращение к буддизму предоставляло возможность формировать новую основу легитимности. Надо заметить, что первую попытку использовать буддизм в вопросе легитимизации своей власти, а, следовательно, нарушения монополии на верховную власть чингизидами, была предпринята еще в XV в. ойратским Эсэн-ханом [Китинов 2024: 109]. Алтан-хан хоть и принадлежал к линии правящего рода, но права наследовать трон великого хана, как уже было сказано, у него не было.

Здесь стоит задаться вопросом, насколько принятие буддизма Алтан-ханом было сопряжено с действительной трансформацией кочевого общества на пути к обретению подлинной централизованной власти. Не было ли очередным поверхностным явлением, как это было в случае с распространением буддизма в юаньский период. Как известно, позиции шаманизма в монгольском обществе были очень сильны, следовательно, отсутствовала какая-то религиозно-идеологическая основа для объединения кочевников, разделенных по родоплеменному признаку. Однако, как следует из обнародованного вскоре после встречи Алтан-хана и Содном-Чжамцо уложения «Арбан буяны цааз» (Закон, обладающий десятью добродетелями), были приняты законы, которые кардинально изменяли традиционные шаманские представления и частично нормы обычного права [Буддизм… 2012]. «Если впоследствии в XVI в. между Алтан-ханом и далай-ламой Содномджамцо был заключен договор о запрещении шаманства и распространении ламаизма, то между Хубилаем и Пагба-ламой не было и речи о запрещении шаманства. Монгольский хаган только соглашался на распространении ламаизма среди его подданных» [Далай 1983: 176].

Таким образом, буддийская традиция не исчезла полностью в постюаньский период, а продолжала существовать. Источники свидетельствуют о его бытовании в среде ойратской и, предположительно, восточномонгольской знати. Ойратские правители использовали буддийских лам в качестве послов ко двору Мин, что свидетельствует о сохранении институциональных элементов буддизма.

Ключевым моментом в процессе установления буддизма стала встреча Алтан-хана с Сонам Гьяцо в 1578 г., завершившаяся оформлением союза светской и духовной власти и введением концепции *törö šasin* (государство и религия). Этот союз выступал как инструмент преодоления раздробленности и формирования общей религиозной идентичности, способствовавшей укреплению тенденций к централизации власти, обращение к буддизму стало альтернативным основанием легитимности власти в условиях девальвации традиционного принципа чингизидского происхождения. Буддийская идеология позволила монгольским правителям выйти за рамки родовой монополии на власть и создать новую символическую основу политического единства.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности») № 126020516676-6.

Примечания

I. rDo-rje-bka-sis dpul-bzaṅ-po.

II. Государственный наставник милосердия, благожелательности и широкого учения.

III. Праведный толкователь праведности.

IV. Й. Эльверског полагает, что обращение Хутухтай-Сэцэн-хунтайджи в буддизм произошло ранее этого похода в 1566 г. [The Precious Summary… 2023: 269].

V. Провинция Цинхай, исток трех рек Хуанхэ, Янцзы и Меконг [Ibid.: 276].

VI. В переводе Й. Эльверскога – Arig Sanggyégab, Dé Lumbum, and Narthang Tseringgab [Ibid.: 137].

VII. Ю. Н. Рерих в своей работе о монголо-тибетских отношениях упоминает только Ариг-ламу, который, по его мнению, происходил из племени Ариг в Южном Амдо, представлявшее собой отангутившихся монголов [1959: 193]. Более подр. см.: [Kollmar-Paulenz 2001: 11–117].

Источники и литература

Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии: сб. ст. / отв. ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 160 с.

Ванчикова Ц. П. Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри / Ц. П. Ванчикова; отв. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2019. – 292 с.

Далай Ч. Монголия в XIII–XIV веках / Ч. Далай. – М.: Наука, 1983. – 232 с.

Китинов Б. У. Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории четырех ойратов / Б. У. Китинов. – М.: ИВ РАН, 2024. – 626 с.

Покотилов Д. Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 / Д. Д. Покотилов. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1893. – 242 с.

Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XVI и начале XVII в. / Ю. Н. Рерих // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. XXIV: Монгольский сборник. Экономика, история, археология. – М.: Вост. лит-ра, 1959. – С. 188–199.

Шара туджи. Монгольская летопись XVII века / сводный текст, пер., введ, примеч. Н. П. Шастиной. – М.; Л.: Изд-во-во АН СССР, 1957. – 289 с.

Schmidt J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verf. von Ssanang Ssetsen, Cuntaidschi der Ordos / J. Schmidt. – St. Petersburg: Gedruckt bei N. Gretsch, 1829. – 509 s.

The Precious Summary: A History of the Mongols from Chinggis Khan to the Qing Dynasty, written by Sagang Sechen, translated by Johan Elverskog. – New York, Columbia University Press, 2023, xxvi + 346 p.

Serruys H. Early Lamaism in Mongolia / H. Serruys // Oriens Extremus. – 1963. – Vol. 10. – No. 2. – P. 181–216.

Jagchid S. Buddhism in Mongolia after the collapse of the Yüan Dynasty / S. Jagchid // The Mongolia Society Bulletin. – 1971. – Vol. 10. – No. 1(18). – P. 48–63.

Kollmar-Paulenz K. Erdeni tunumal neretü sudur. Die Biographie des Altan qaγan der Tümed-Mongolen. Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert. B. 142 / K. Kollmar-Paulenz. – Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2001. – 390 s.

References

Buddizm v obshchestvenno-politicheskih processah Buryatii i stran Central’noj Azii: sb. st. / otv. red. L. E. Yangutov. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2012. – 160 s.

Vanchikova C. P. Buddizm v Mongolii: istoriya, duhovenstvo, monastyri / C. P. Vanchikova; otv. red. B. V. Bazarov. – Irkutsk: Ottisk, 2019. – 292 s.

Dalaj Ch. Mongoliya v XIII–XIV vekah / Ch. Dalaj. – M.: Nauka, 1983. – 232 s.

Kitinov B. U. Buddizm i religioznye lidery Tibeta v istorii chetyrekh ojratov / B. U. Kitinov. – M.: IV RAN, 2024. – 626 s.

Pokotilov D. D. Istoriya vostochnyh mongolov v period dinastii Min. 1368–1634 / D. D. Pokotilov. – SPb.: Tip. Imperatorskoj akademii nauk, 1893. – 242 s.

Rerih Yu. N. Mongolo-tibetskie otnosheniya v XVI i nachale XVII v. / Yu. N. Rerih // Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR. T. XXIV: Mongol'skij sbornik. Ekonomika, istoriya, arheologiya. – M.: Vost. lit-ra, 1959. – S. 188–199.

Shara tudzhi. Mongol'skaya letopis' XVII veka / svodnyj tekst, per., vved, primech. N. P. Shastinoj. – M.; L.: Izd-vo-vo AN SSSR, 1957. – 289 s.

Schmidt J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verf. von Ssanang Ssetsen, Cuntaidschi der Ordos / J. Schmidt. – St. Petersburg: Gedruckt bei N. Gretsch, 1829. – 509 s.

The Precious Summary: A History of the Mongols from Chinggis Khan to the Qing Dynasty, written by Sagang Sechen, translated by Johan Elverskog. – New York, Columbia University Press, 2023, xxvi + 346 p.

Serruys H. Early Lamaism in Mongolia / H. Serruys // Oriens Extremus. – 1963. – Vol. 10. – No. 2. – P. 181–216.

Jagchid S. Buddhism in Mongolia after the collapse of the Yüan Dynasty / S. Jagchid // The Mongolia Society Bulletin. – 1971. – Vol. 10. – No. 1(18). – P. 48–63.

Kollmar-Paulenz K. Erdeni tunumal neretü sudur. Die Biographie des Altan qaγan der Tümed-Mongolen. Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert. B. 142 / K. Kollmar-Paulenz. – Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2001. – 390 s.

УДК 930
ББК 63.2
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-71-77

Б. В. Базаров, Ц. П. Ванчикова, Ю. Ж. Жабон, О. С. Ринчинов

«АТЛАС ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ»: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ, НАУЧНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И НОВОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

В статье представлены результаты комплексного исследования «Атласа тибетской медицины» – уникального комплекта иллюстраций к трактату «Вайдурья-онбо» (XVII в.), хранящегося в Музее истории Бурятии им. М. Н. Хангалова. Научная новизна заключается в применении нового методологического подхода к изучению этого памятника как неотъемлемой части источниковой экосистемы, созданной регентом Сангье Гьяцо (1653–1705). В этом контексте осуществлялись стандартизация терминологии, идентификация персоналий и лекарственных компонентов. Итоги исследования отражены в новом академическом издании «Атласа».

Ключевые слова: «Атлас тибетской медицины», тибетская медицина, Сангье Гьяцо, иконография, источниковедение, академическое издание, научная реконструкция.

B. V. Bazarov, Ts. P. Vanchikova, Yu. Zh. Zhabon, O. S. Rinchinov

"THE ATLAS OF TIBETAN MEDICINE": HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT, SCHOLARLY RECONSTRUCTION, AND A NEW ACADEMIC EDITION

This article presents the findings of a comprehensive study of the "Atlas of Tibetan Medicine" – a unique set of illustrations for the treatise "Vaidurya-onbo" (17th century), preserved Museum of the History of Buryatia. The scholarly novelty lies in the application of a new methodological approach to studying the monument as an integral part of the codified ecosystem created by the regent Sangye Gyatso (1653–1705). In this context, the standardization of terminology, as well as the identification of historical figures and Materia Medica were fulfilled. The results of the research are reflected in a new academic edition of the "Atlas".

Keywords: "Atlas of Tibetan Medicine", Tibetan medicine, Sangye Gyatso, iconography, source studies, academic edition, scholarly reconstruction.

Введение

Комплект иллюстраций к трактату по тибетской медицине «Вайдурья-онбо» (тиб. Vaidūrya sngon po), известный в российской историографии как «Атлас тибетской медицины», является одним из наиболее значимых памятников культуры Востока в Российской Федерации. Этот уникальный свод живописных танка ныне хранится в Музее истории Бурятии им. М. Н. Хангалова.

БАЗАРОВ Борис Ванданович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: bazarov60@mail.ru.

ВАНЧИКОВА Цымжит Пурбуевна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: vanchikova.ts@gmail.com.

ЖАБОН Юмжана Жалсановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: yumzhan@gmail.com.

РИНЧИНОВ Олег Сергеевич – доктор исторических наук, заместитель директора по информационному развитию Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: orinch2@mail.ru.

Введение памятника в научный оборот в 1970–1980-х гг. и последовавшее за ним первое издание на русском языке в 1994 г. выполнили важнейшую задачу сохранения и первичной презентации материала. Однако за минувшие десятилетия произошли кардинальные изменения мировой и российской тибетологии. Были изданы фундаментальные первоисточники, возникли новые подходы к источниковедению тибетской медицины, опирающиеся на цифровые технологии, сформировалась многоязычная база для критической текстологии и терминологической унификации. Актуальной научной задачей стала подготовка нового издания, соответствующего современному уровню российской тибетологии.

Цель данной статьи – введение в научный оборот результатов комплексного исследования «Атласа тибетской медицины», реализованного в 2021–2025 гг., и презентация его нового академического издания.

Научная новизна исследования обусловлена кардинально пересмотренной методологией работы с памятником. Впервые «Атлас» изучался как неотъемлемая часть медицинской источниковой экосистемы, созданной регентом Сангье Гьяцо (1653–1705) на рубеже XVII–XVIII вв. Базой для перевода пояснительных надписей послужили текстологические параллели с каноном тибетской медицины «Чжуд-ши», всеобъемлющим комментарием «Вайдурья-онбо», сочинением по истории индо-тибетской медицины «Кокбуг», переводы которых выполнены за период после выхода первого издания. Критическому пересмотру и стандартизации подвергся понятийный аппарат. Была осуществлена полная атрибуция исторических персонажей, ботаническая и зоологическая идентификация компонентов лекарственных средств и т. д.

В статье рассмотрены исторические предпосылки сложения медицинского иконографического канона в Тибете конца XVII в., обстоятельства бытования памятника в Забайкалье, а также технические и источниковедческие аспекты подготовки нового издания, которое представляется важным этапом в изучении и актуализации культурно-исторического наследия Бурятии.

Исторические предпосылки появления «Атласа тибетской медицины»

Конец XVII в. стал для Тибета временем глубоких преобразований. После создания централизованного теократического государства возникла насущная потребность в унификации всех сторон жизни, включая такие области, как образование и здравоохранение. Именно в этом контексте происходила институционализация тибетской медицины, главным архитектором которой выступил регент (Деси) Сангье Гьяцо, удержавший управление страной после ухода V Далай-ламы Нгаванга Лобсанга Гьяцо (1617–1682) [Gyatso 2015].

Талантливый ученый, врач и астролог Сангье Гьяцо видел в медицине важнейший инструмент государственного строительства. Разрозненные региональные и монастырские медицинские традиции, существовавшие в то время, уже не могли обеспечить эффективную заботу о здоровье подданных и укрепление авторитета центральной власти. Поэтому регент инициировал масштабные преобразования в данной сфере. В 1696 г. он основал в Лхасе на холме Чакпори медицинскую школу – официальное государственное учреждение для подготовки врачей. Преподавание велось по строгому стандарту. Новая программа оказалась настолько эффективной, что быстро распространилась по монастырским школам Тибета и Монголии.

Экосистема «Атласа тибетской медицины»

В основе созданного Деси Сангье Гьяцо образовательного стандарта лежит классический канонический трактат «Чжуд-ши» – первоисточник медицинского знания [Чжуд-ши… 2001].

Для разъяснения его сложных тем требовался авторитетный и унифицированный комментарий, которым стал созданный Сангье Гьяцо фундаментальный труд «Вайдурья-онбо» (Голубой берилл) [Дэсрид Санчжай-чжамцо: 2014]. Это сочинение систематизировало официальную доктрину в сфере медицины.

Для повседневной практики врачей регентом составлен «Лхантаб» – практическое клиническое руководство, ставшее настольной книгой для выпускников медицинских школ [Санчжей Чжамцо… 1997–2003]. А исторический трактат «Кокбук» закрепил преемственность тибетской медицины от индийских истоков и вписал ее в буддийскую картину мира, утвердив идеологическую основу медицинского знания [Деси Сангье Гьяцо 2013, 2015].

Комплект живописных танка, подробно иллюстрирующих текст «Вайдурья-онбо», был заказан регентом в качестве иллюстрированного пособия для медицинской школы Чакпори, чтобы помогать учащимся постигать сложные медицинские концепции и понятия за счет визуализации [Он же 2015: 277–285].

Таким образом, усилиями Деси Сангье Гьяцо создана всеобъемлющая экосистема письменных источников, призванная стандартизировать медицинские знания и обеспечить их передачу в рамках утвержденной государством образовательной программы. В последующие годы эта экосистема развивалась, вбирая в себя новые сочинения разных жанров. За пределами Тибета – в Монголии и России – она дополнялась трудами местных авторов, благодаря которым происходила адаптация учения к инокультурному окружению. Но основой неизменно оставался тот корпус источников, который создал великий тибетский политический деятель и ученый Сангье Гьяцо.

Содержание памятника

Содержание «Атласа тибетской медицины» охватывает все стороны тибетской медицинской науки, а структура следует содержанию основополагающих трактатов «Чжудши», «Вайдурья-онбо» и «Кокбук».

«Атлас» показывает линию передачи учения от Будды медицины (Бхайшаджья-гуру) через индийских и тибетских мастеров, помещая традицию в сакральный контекст. Его важнейшую часть составляют детальные визуальные объяснения фундаментальных принципов. Здесь наглядно представлены «три основы» жизни («ветер», «желчь», «слизь»), причины возникновения болезней согласно буддийской картине мира, строение тела, структура энергетических каналов и т. д. Эти иллюстрации делают абстрактную теорию о теле и болезни доступной для понимания и запоминания.

Значительная часть листов посвящена практике. Они содержат обширные иллюстрированные классификации лекарственного сырья, а также способы приготовления сложных снадобий. Визуализированы методы диагностики (например, исследование пульса и мочи) и ключевые терапевтические процедуры, включая прижигание и кровопускание.

Таким образом, «Атлас» – универсальный учебный инструмент, который через зрительный ряд кодирует всю систему индо-тибетской медицинской мысли – от философских оснований до конкретных клинических рекомендаций.

«Атлас тибетской медицины» в Забайкалье

В начале XX в. выполнена полная копия уникального комплекта иллюстраций к трактату «Вайдурья-онбо», которая затем была перевезена из Центрального Тибета в Забайкалье. Согласно сохранившимся сведениям, медицинские танка привез в Цугольский дацан эмчи-лама Шираб Сунуев, благодаря которому они стали ключевым пособием для обучения студентов манба-дацана (медицинского факультета), наиболее авторитетного на бурятских землях [Балданжапов 1982].

В 1926 г. по настоянию выдающегося буддийского деятеля Агвана Доржиева «Атлас» был передан в Ацагатскую медицинскую школу, основанную в 1911 г. В послереволюционный период школа позиционировала себя как центр традиционной медицины, ориентированный на взаимодействие с формирующейся советской системой здравоохранения [Номогоева 2009: 284]. Целью передачи памятника в Ацагатский дацан стало его физическое сохранение и использование в образовательном процессе для широкой аудитории.

Однако уже в 1936 г., во время активного закрытия религиозных учреждений, «Атлас» был перевезен Ж. Ж. Жабоном на государственное хранение в Краеведческий музей

в г. Улан-Удэ (ныне Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова) [Балданжапов 1982]. Эта вынужденная мера парадоксальным образом спасла бесценный памятник от возможной утраты в ходе антирелигиозных кампаний.

Лишь спустя более 30 лет, в 1968 г., по инициативе и под руководством известного востоковеда П. Б. Балданжапова (1921–1991) в Институте общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР началось целенаправленное академическое исследование наследия тибетской медицины. Был создан сектор источниковедения индо-тибетской медицины, в котором приступили к комплексному изучению основополагающих трудов по тибетской медицине [Аюшеева 2007: 118]. Важное место в этом ряду занял «Атлас тибетской медицины».

Первое издание 1994 г.

Первое издание «Атласа», опубликованное в 1994 г. и знаменующее ранний этап изучения письменного наследия тибетской медицины, стало крупным научным достижением бурятских ученых и вызвало огромный общественный резонанс. Публикация этого иллюстративного свода выполнила свою главную задачу – познакомить мир с выдающимся достижением тибетской культуры и сформировать в обществе взгляд на тибетскую медицину как на полноценную систему знаний, рассеяв ореол полумистических спекуляций и эзотерики [Атлас 1994].

Вместе с тем наработанных на момент его публикации знаний все еще было недостаточно, чтобы реконструировать целостный и стройный системный подход медиков древности. Это обстоятельство настоятельно требовало от российской науки дальнейшего изучения малоисследованных пластов тибетского искусства исцеления.

Новый перевод «Атласа тибетской медицины»: фундаментальный научный прорыв

Современный перевод и издание «Атласа» стали результатом долгосрочного научного проекта, осуществленного в 2021–2025 гг., который коренным образом изменил уровень изучения этого памятника за счет критического текстологического анализа с привлечением тибетоязычных первоисточников и современных достижений в изучении тибетской медицины. К настоящему времени полностью переведена и опубликована источниковая экосистема «Атласа», включая «Чжуд-ши», «Вайдурью-онбо» и «Кокбук», что позволяет изучать его в полном историко-культурном контексте.

Основой проекта стала всеобъемлющая ревизия понятийной системы. Исследователи провели тщательный критический анализ и унификацию терминов [Жабон 2008; Тибето-монгольско-русский глоссарий…].

В результате развернутых полидисциплинарных исследований выполнена полная научная идентификация всех элементов «Атласа»: установлены исторические прототипы персоналий, определены ботанические и зоологические источники лекарственных компонентов, анатомически верифицированы точки для прижигания и кровопускания. Это превратило «Атлас» из культурного артефакта в полностью дешифрованный научный источник, открывающий новые перспективы для историков медицины, востоковедов и практикующих врачей.

Новизна перевода: идентификация персоналий

Наиболее наглядно различие между старым и новым переводами можно продемонстрировать на примере идентификации персоналий. В издании 1994 г. большинство имен приведены в кириллической транскрипции тибетских слов (табл., слева), что затрудняет понимание смыслов и историко-культурных коннотаций. В новом переводе выполнена полная идентификация имен согласно тибетской историографической традиции (табл., справа). Тем самым в полной мере реконструирован общий культурный и, что очень важно, библиографический контекст памятника. Перевод включен в общее понятийное пространство тибетской медицины.

Таблица

Пример идентификации персоналий в разных изданиях «Атласа тибетской медицины»

Издание 1994 г. (л. 5)	Издание 2025 г. (л. 5)
[Линия преемственности в передаче медицинских знаний]	[Линия преемственности в передаче медицинских знаний]
54. Владыка врачевания, покровитель знаний в эпоху мрака	54*. [Юток] Йонтен Гонпо – царь лекарей текущей калпы
55. Великий Сумтён – хранитель мудрости	55*. Великий Сумтон Еше Сунг
56. Обладатель знаний Сённу Еше	56*. Проницательный Шонну Еше
57. Владыка учености Ютхок Бумсен	57*. Владыка ученых Юток Бумсенг
58. Лхакпэсукдэн Сангринцен	58*. Сангъе Ринчен, обладающий высшим состраданием
59. Кхэвадёнчуп Ринценпэ	59*. Владыка ученых Дондуп Ринчен Пел
60. Гбэцэнпэсанг Цзевэдак	60*. Гьялцен Пелсанг, обладающий любящей добротой

Сост. по: [Атлас… 1994: 87; Атлас… 2025: 97].

Технические аспекты нового издания «Атласа тибетской медицины»

Фундаментом работы над новым переводом «Атласа» стала первичная оцифровка свитков, выполненная в 2007 г. специалистами Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН совместно с сотрудниками Национального музея Республики Бурятия. Эта работа впервые предоставила исследователям детальные цифровые образы, что позволило проводить интенсивный текстологический анализ без малейшего риска для хрупкого оригинала.

Для нового издания Национальным музеем осуществлена высококачественная цифровая копия всех листов памятника. Современные технологии съемки и обработки позволили передать тончайшие линии рисунка, градации цвета и фактуру основы – детали, необходимые для иконографического и искусствоведческого анализа, а также полиграфического воспроизведения. Разрешение полученных цифровых изображений достигает 400 точек на дюйм [Атлас… 2025: 62].

Двухтомная композиция нового печатного издания была продумана для удобства исследователей. Первый том-альбом включает все листы «Атласа» и их увеличенные фрагменты, позволяющие рассмотреть даже мелкие детали оригинала. Второй том содержит вступительные статьи, переводы и детальные текстовые комментарии. Листы «Атласа» представлены в черно-белом формате, подписи к отдельным рисункам обозначены номерами, под которыми приведены их переводы на русский язык. Издание снабжено развитым научным аппаратом, который включает подробные указатели, глоссарий буддийских терминов, обширную библиографию. Такая композиция предоставляет возможность сопоставлять изображение и текст, размещая их рядом друг с другом, что делает изучение памятника одновременно наглядным и эффективным.

Макет издания подготовлен редакцией «Восточная литература» академического издательства «Наука» при поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям.

Выводы

Новое издание памятника, имеющего научное, философско-мировоззренческое, культурно-историческое и художественное значение, является важным шагом на пути к более глубокому и многогранному пониманию уникального феномена тибетской медицины. Оно открывает новые перспективы для дальнейшего комплексного изучения наследия этой древней традиции.

Благодаря этой публикации открывается возможность для широкого сравнительного анализа наследия традиционной медицины с достижениями современной теории и практики. Подобные исследования, несомненно, способствуют обогащению и развитию медицинской сферы в целом благодаря новому взгляду на многие фундаментальные аспекты, касающиеся понимания природы здоровья, механизмов развития болезней и целостного подхода к человеку.

Таким образом, новая публикация «Атласа тибетской медицины» не просто знаменует собой очередной этап в академическом изучении письменного наследия Востока, но и становится важным явлением общественной жизни. Сохраняя и популяризируя уникальный пласт мировой культуры, она способствует интеграции проверенных веками знаний и подходов традиционной медицины в контекст современных представлений о здоровье и гармоничном развитии человека.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Россия, Монголия и Китай: исторический опыт трансграничного взаимодействия, экономические приоритеты и социокультурные коммуникации») № 125091010220-3.

Литература

Атлас тибетской медицины: свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл»: [альбом] / Бурят. науч. центр СО РАН, Ин-т биологии СО РАН и др.; науч. ред. [и сост. пояснит. текста] Ю. М. Парфионович; [вступ. ст. Л. Э. Мялль и др.]. – М.: Галарт, 1994. – 592 с.: ил.

Атлас тибетской медицины: иллюстрации к трактату «Вайдурья-онбо» (XVII в.) / отв. ред. Б. В. Базаров; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Ин-т общей и экспериментальной биологии СО РАН, Нац. музей Республики Бурятия. – М.: Наука; Вост. лит-ра, 2025. – 535 с.: ил. + альбом ([320] с.).

Балданжапов П. Б. К изучению источников индо-тибетской медицины / П. Б. Балданжапов // Материалы по изучению источников традиционной системы индо-тибетской медицины. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 10–17.

Аюшеева Л. В. Тибетская медицина в России / Л. В. Аюшеева. – Улан-Удэ: Изд-во БЦ «Ринпоче-багша», 2007. – 164 с.

Деси Сангье Гьяцо. Кокбук: история медицинской науки Древней Индии. Ч. I / Сангье Гьяцо Деси; пер. с тиб., предисл., примеч., указ., глос. Ю. Ж. Жабон. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 238 с.

Деси Сангье Гьяцо. Кокбук: история медицинской науки Тибета. Ч. II / Сангье Гьяцо Деси; пер. с тиб., предисл., примеч., указ., глос. Ю. Ж. Жабон. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. – 398 с.

Дэсрид Санчжай-чжамцо. Вайдурья онбо (Гирлянда голубого берилла): комментарий к «Чжуд-ши» – украшению учения Царя медицины / Санчжай-чжамцо Дэсрид; пер. с тиб., примеч., ст. Д. Б. Дашиева; отв. ред. и сост. Т. А. Асеева. – М.: Наука; Вост. лит-ра, 2014. – 1286 с.

Жабон Ю. Ж. К проблеме перевода тибетских медицинских текстов (на примере 31-й главы второго тома «Чжуд-ши») / Ю. Ж. Жабон // Гуманитарный вектор. – 2016. – Т. 11. – № 5. – С. 166–171.

Жабон Ю. Ж. Краткий тибетско-русский медицинский словарь с монгольскими эквивалентами / Ю. Ж. Жабон. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 332 с.

Жабон Ю. Ж. Аннотированный каталог медицинской коллекции тибетского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН / Ю. Ж. Жабон. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 242 с.

Номогоева В. В. Тибетская медицина в Бурятии в контексте социальной модернизации 1920–30-х годов / В. В. Номогоева // Acta Biomedica Scientifica. – 2009. – № 3. – С. 284–286.

Санчжей Чжамцо. Практическое руководство по тибетской медицине Лхан-Тхабс. Гл. 1–133. Вып. 1–5 / Чжамцо Санчжей; пер. с тиб. А. А. Кособурова. – Улан-Удэ, 1997–2003.

Тибето-монгольско-русский глоссарий терминов тибетской медицины с санскритскими и латинскими параллелями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://glossary.imbtarchive.ru/wiki/index.php (дата обращения: 05.02.2026).

Чжуд-ши: канон тибетской медицины / пер. с тиб., предисл., примеч., указ. Д. Б. Дашиева. – М.: Вост. лит-ра, 2001. – 766 с.

Gyatso J. Being Human in a Buddhist World: An Intellectual History of Medicine in Early Modern Tibet / J. Gyatso. – New York: Columbia University Press, 2015. – 544 p.

References

Atlas tibetskoj mediciny: svod illyustracij k tibetskomu medicinskomu traktatu XVII veka «Goluboj berill»: [al'bom] / Buryat. nauch. centr SO RAN, In-t biologii SO RAN i dr.; nauch. red. [i sost. poyasnit. teksta] Yu. M. Parfionovich; [vstup. st. L. E. Myall' i dr.]. – M.: Galart, 1994. – 592 s.: il.

Atlas tibetskoj mediciny: illyustracii k traktatu «Vajdur'ya-onbo» (XVII v.) / otv. red. B. V. Bazarov; In-t mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN, In-t obshchej i eksperimental'noj biologii SO RAN, Nac. muzej Respubliki Buryatiya. – M.: Nauka; Vost. lit-ra, 2025. – 535 s.: il. + al'bom ([320] s.).

Baldanzhapov P. B. K izucheniyu istochnikov indo-tibetskoj mediciny / P. B. Baldanzhapov // Materialy po izucheniyu istochnikov tradicionnoj sistemy indo-tibetskoj mediciny. – Novosibirsk: Nauka, 1982. – S. 10–17.

Ayusheeva L. V. Tibetskaya medicina v Rossii / L. V. Ayusheeva. – Ulan-Ude: Izd-vo BC «Rinpoche-bagsha», 2007. – 164 s.

Desi Sang'e G'yaco. Kokbuk: istoriya medicinskoj nauki Drevnej Indii. Ch. I / Sang'e G'yaco Desi; per. s tib., predisl., primech., ukaz., glos. Yu. Zh. Zhabon. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2013. – 238 s.

Desi Sang'e G'yaco. Kokbuk: istoriya medicinskoj nauki Tibeta. Ch. II / Sang'e G'yaco Desi; per. s tib., predisl., primech., ukaz., glos. Yu. Zh. Zhabon. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2015. – 398 s.

Desrid Sanchzhaj-chzhamco. Vajdur'ya onbo (Girlyanda golubogo berilla): kommentarij k «Chzhud-shi» – ukrasheniyu ucheniya Carya mediciny / Sanchzhaj-chzhamco Desrid; per. s tib., primech., st. D. B. Dashieva; otv. red. i sost. T. A. Aseeva. – M.: Nauka; Vost. lit-ra, 2014. – 1286 s.

Zhabon Yu. Zh. K probleme perevoda tibetskih medicinskih tekstov (na primere 31-j glavy vtorogo toma «Chzhud-shi») / Yu. Zh. Zhabon // Gumanitarnyj vektor. – 2016. – T. 11. – № 5. – S. 166–171.

Zhabon Yu. Zh. Kratkij tibetsko-russkij medicinskij slovar' s mongol'skimi ekvivalentami / Yu. Zh. Zhabon. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2008. – 332 s.

Zhabon Yu. Zh. Annotirovannyj katalog medicinskoj kollekcii tibetskogo fonda Centra vostochnyh rukopisej i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN / Yu. Zh. Zhabon. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2012. – 242 s.

Nomogoeva V. V. Tibetskaya medicina v Buryatii v kontekste social'noj modernizacii 1920–30-h godov / V. V. Nomogoeva // Acta Biomedica Scientifica. – 2009. – № 3. – S. 284–286.

Sanchzhej Chzhamco. Prakticheskoe rukovodstvo po tibetskoj medicine Lhan-Thabs. Gl. 1–133. Vyp. 1–5 / Chzhamco Sanchzhej; per. s tib. A. A. Kosoburova. – Ulan-Ude, 1997–2003.

Tibeto-mongol'sko-russkij glossarij terminov tibetskoj mediciny s sanskritskimi i latinskimi parallelyami [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://glossary.imbtarchive.ru/wiki/index.php (data obrashcheniya: 05.02.2026).

Chzhud-shi: kanon tibetskoj mediciny / per. s tib., predisl., primech., ukaz. D. B. Dashieva. – M.: Vost. lit-ra, 2001. – 766 s.

Gyatso J. Being Human in a Buddhist World: An Intellectual History of Medicine in Early Modern Tibet / J. Gyatso. – New York: Columbia University Press, 2015. – 544 p.

УДК 94 (510)
ББК 63.3 (5Кит)
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-78-82

Б. Д. Цыбенов

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ НОВЫХ БАРГУТОВ (первая половина XX в.)

Статья посвящена изучению основных этапов исторического развития новых баргутов в первой половине XX в.; выяснены имена хошунных глав, особенности функционирования и реформирования восьмизнаменной системы, создания двух хошунов Новой Барги. Особое внимание уделено тяготению новых баргутов к Внешней Монголии / МНР, выражавшемуся в перекочевках населения, участию баргутских воинов в боевых действиях на монгольской территории.

Ключевые слова: новые баргуты, Хулун-Буир, Внешняя Монголия / МНР, Маньчжоу-Го, перекочевки, военные действия.

B. D. Tsybenov

TO STUDY THE HISTORY OF NEW BARGUTS (First Half of the 20th Century)

The article is devoted to the study of the main stages of the historical development of the new Barguts in the first half of the 20th century. The names of the district heads, the functioning and reform of the eight-sign system, and the creation of the two khoshuns of New Barga are identified. Special attention is paid to the new Barguts' attraction to Outer Mongolia / the Mongolian People's Republic, which manifested itself in population migrations and the participation of Bargut warriors in military operations on Mongolian territory.

Keywords: new Barguts, Khulun-Buir, Outer Mongolia / MNR, Manchukuo, migrations, military operations.

Среди субъектов городского округа Хулун-Буир особое место занимают два хошуна Новой Барги, прилегающие к границам Монголии и России, вместе со старыми баргутами, собственно, и давшие в свое время всему региону наименование Барга. Несмотря на детальное изучение отечественными специалистами первой трети XX в., его история продолжает вызывать интерес современных российских и монгольских исследователей. Последним на данный момент отечественным изданием, где освещены многие аспекты их истории, является атлас-монография 2025 г. «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.» (кол. авт.; рук. проекта Л. В. Курас, отв. ред. П. Н. Дудин, науч. ред.: Б. В. Базаров, К. С. Ганзей). Наша статья является дополненным вариантом раздела атласа-монографии, где дана политическая характеристика и история Новой Барги.

Новые баргуты – родственная бурятам монгольская этническая группа, возглавляемая братьями Дугаром и Цэрэном из рода ехэзон, перекочевала в 1734 г. в количестве 2984 чел. из Сэцэн-хановского аймака Халха-Монголии в западную часть Хулун-Буира. Из них был сформирован второй восьмизнаменный корпус, разделенный на два крыла (западное и восточное) с общим подчинением хулун-буирскому амбаню. К восточному крылу относились следующие четыре хошуна: синего знамени (адм. центр – сомон Убэр-Булаг), белого знамени (сомоны Торгон-нур, Шинэ-Булаг), белого с каймой знамени (с. Галбар), желтого с каймой знамени (с. Жавхалан); к западному крылу – хошуны желтого, красного, красного с каймой, синего с каймой знамен. Период с 1734 по 1900 г. характеризуется хулун-буирскими краеведами как золотое время в истории

ЦЫБЕНОВ Базар Догсонович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: bazar75@mail.ru.

баргутов, ознаменованное миром и спокойствием [Маньчжуро-монгольский мир… 2025: 120].

В июле 1900 г. солдаты из числа новых баргутов в составе китайских войск приняли участие в сражении с русским отрядом генерал-майора Н. А. Орлова в местности Хара-Эрги (совр. Цаган-Балгас), где потерпели поражение. От военных действий пострадало мирное население сомонов Галбар и Далай (хошуны белого и желтого знамен), чьи кочевья прилегали к участку КВЖД. Люди перекочевывали в другие местности, 6–7 июля 1900 г. многие араты хошунов желтого, красного, красного с каймой знамен западного крыла и хошуна желтого с каймой восточного крыла Новой Барги (всего 481 семья) прибыли в пределы Сэцэн-хановского аймака Халха-Монголии. Их возвращение в Новую Баргу состоялось весной 1902 г. благодаря настоятельным требованиям хулунбуирского ямыня. В последующем отдельные группы населения Новой Барги несколько раз откочевывали в Монголию. Причинами тому явились переселение родственников и сподвижников Манлай-батора Ж. Дамдинсурэна (1916), грабежи харчинского отряда (1917), Баргинское восстание 1928 г., нерешенность вопроса о присоединении Хулун-Буира к МНР осенью 1945 г. [Там же: 121].

В первой половине XX в. угурдами западного крыла Новой Барги являлись У. Жамсарандоржи (годы правления: 1890–1913), Х. Чибсэнгэ (1913–1929), Ц. Багабади (1929–1936), Ц. Бимба (др. имя Жимба, 1936–1937), Н. Санжи-Митып (1937–1942) и др. Восточное крыло возглавляли Уртнасан (1890–1903), Тувшинжаргал (1903–1907), Будагэрэл (1907–1910), Махачжана (1910–1921), Эрхимбато (1921–1931), Чулун (1936–1938), Унир (1939–1941) и др. В 1912–1913 гг. баргутские чиновники Чэхэджа, Ж. Дамдинсурэн (стал известен как Манлай-батор), Чибсэнгэ, Пунцагравдан и другие активно включились в общемонгольское национальное движение, были награждены Богдо-гэгэном различными титулами. Воины из числа новых баргутов явились основной силой, захватившей Хайлар и Лубинфу в 1912 г. В 1912–1915 гг. они во главе с Манлай-батором Дамдинсурэном принимали участие в военных действиях против китайских войск на территории Внешней и Внутренней Монголии. За взятие крепости Кобдо (Западная Монголия) в августе 1912 г. пять баргутских воинов из восточного крыла Новой Барги удостоены звания батора (героя) Монголии [Там же]. Помимо Ж. Дамдинсурэна, героями Монголии стали гун Сэргэлэн, уроженец второго сомона хошуна белого знамени; Эрдэнэбуяны Доржпалам (первый сомон хошуна белого с каймой знамени); Худай Гэлэнгунж (сомон Ялат хошуна белого знамени); Шаламгай-батор Пунцаг. После взятия Кобдо они приняли участие и в военных действиях на территории Внутренней Монголии в 1913 г., за проявленное мужество были награждены Богдо-гэгэном титулом гуна.

Следует отметить, что при взятии Кобдо принял участие отряд Тогтохо-тайджи, уроженца Внутренней Монголии, начавшего восстание против китайской колонизации в Южном Горлосе Чжиримского сейма еще с 1906 г. Как отмечал современник, бурятский деятель Э. Д. Ринчино, оно «заставило встрепенуться всех монгол, участники восстания – Тохтохо и другие – превратились в глазах масс в легендарных героев; об их подвигах и личностях сложились легенды и песни, полные огня и пламени надвигающейся национальной революции» [Элбэк-Доржи Ринчино… 1998: 10].

Как известно, повстанцы Тогтохо-тайджи и Баяр-тайджи с осени 1906 г. до весны 1910 г. сражались с китайскими войсками Чжан Цзолина и силами местных монгольских властей в хошунах Горлос, Тушэту, Дархан, Дзасакту, Джалайт Чжиримского сейма и Восточный Узэмчин, Барин Шилингольского сейма. Затем отошли в пределы Внешней Монголии и далее – России. На территории сомона Керулен западного хошуна Новой Барги находится гора под названием Тогтохын-хад, где, по неподтвержденным данным, некоторое время скрывался предводитель восстания вместе с 11 людьми. По легендам, желающих вступить в его отряд Тогтохо-тайджи проверял на смелость и силу духа, стреляя в медную монету, поставленную на голову добровольца. Поэтому не все стремящиеся к нему решались на подобное испытание [Тахилт 2021: 54–55]. Восстание Тогтохо-тайджи, несомненно, не могло не вызвать сочувствия у баргутского населения и способствовало росту национального самосознания у них еще до событий 1912 г. Особое значение имело также наличие общей границы со Внешней Монголией

(Халхой), где была возможность свободных перекочевок в приграничные районы. Поэтому можно полагать, что новые баргуты, равно как и другие монгольские и тунгусо-маньчжурские этнические группы Хулун-Буира, в начале XX в. были гораздо ближе к восприятию национальных идей из пределов Внешней Монголии, нежели из южномонгольских земель. Тем не менее подавление китайскими властями крупных восстаний во Внутренней Монголии, например вана Удая летом 1912 г., прямо коснулось и территории Хулун-Буира, куда прибыли беженцы из хошунов Дзасакту и Тушэ-гуна. Баргутские солдаты (свыше 700 чел.), направленные в Хинган для охраны местных монголов [Кузьмин 2021: 52], могли воочию видеть их страдания, вызванные китайской колонизацией, и сопереживать им.

Таким образом, катализатором роста национального самосознания у новых баргутов в начале XX в. послужили как крупные восстания Тогтохо-тайджи и Удайвана во Внутренней Монголии, так и Монгольская национальная революция 1912 г. во главе с Богдо-гэгэном, свободные перекочевки и в целом близость именно к халхасцам, нежели к внутренним монголам.

Разногласия, возникшие между хулун-буирской правящей знатью и правительством Внешней Монголии в 1913–1915 гг., сказались и на положении ново-баргутских лидеров. Так, Манлай-батор Дамдинсурэн, дзангин из хошуна белого знамени восточного крыла Новой Барги, несмотря на большой авторитет среди новых баргутов, в 1914 г. не был принят на родине в своей новой должности дзасака, дарованной Богдо-гэгэном [Там же: 64, 259]. Позже в противоборство с даурской правящей верхушкой был вовлечен и Чэхэджа, бывший командующий войсками хулун-буирского ямыня, родом из западного крыла Новой Барги. После захвата Хайлара харчинском отрядом в мае 1917 г. он избран фудутуном Хулун-Буира. Несмотря на поддержку российского посланника в Китае Н. А. Кудашева, Чэхэджа был вынужден уступить должность прежнему начальнику – дауру Шэнфу [Там же: 257]. Харчины, взаимодействовавшие с ново-баргутской знатью, между тем разграбили шесть буддийских монастырей, разорили многие аратские хозяйства, вынудили часть населения западных хошунов Южной Барги откочевать в Халха-Монголию.

В эти годы происходит становление другого ново-баргутского лидера – Эрхимбато (близкий родственник Манлай-батора Дамдинсурэна) из хошуна белого знамени восточного крыла Новой Барги. Согласно сведениям, находясь в Халха-Монголии со своими подданными, бежавшими от грабежей харчинского отряда, он сумел вернуть их на родину, рассказав им трогательное стихотворение о родных баргутских кочевьях [Nomoqan 2014: 161]. В 1921 г. Эрхимбато стал угурдой восточного крыла Новой Барги, по другим данным, с 1919 г. он уже исполнял обязанности начальника указанного крыла и вместе с двумя другими хулун-буирскими чиновниками принимал участие в панмонгольской конференции в феврале того же года в г. Чита.

В августе 1928 г. в хошуне синего знамени восточного крыла Новой Барги началось так называемое баргинское восстание, во главе которого стояла революционно настроенная даурская молодежь Хулун-Буира (Мэрсэ, Фумынтай, Говол Эрхимбато, Бочиро и др.), проводившая партийную работу по линии НРПВМ (Народно-революционная партия Внутренней Монголии) и НРПВК (Народно-революционная партия Восточного края) с территории МНР. Боевое ядро повстанцев составляли новые баргуты. Как известно, восстание, охватившее хошуны синего, белого, желтого, синего с каймой знамен Новой Барги, было подавлено китайскими войсками. Участие в усмирении принял и отряд, сформированный бурятским эмигрантским хошуном. Несколько сот аратов хошуна синего знамени и около 200 семей хошуна желтого знамени были переселены Мэрсэ и Фумынтаем в хошун Баян-Тумэн-ула МНР. В бою погиб упоминавшийся выше Э. Доржпалам, в 1912 г. за взятие крепости Кобдо награжденный Богдо-гэгэном титулом «Зоригт-батор» (Смелый богатырь). В 1928 г. он возглавил один из повстанческих отрядов.

В начальный период Маньчжоу-Го в 1932 г. восьмизнаменная система Новой Барги упразднена и вместо нее в результате укрупнения созданы два хошуна Новой Барги – восточного и западного крыла, причисленные к северной области провинции

Хинган. Эрхимбато и Багабади сохранили свои должности, маньчжурское наименование *угурда (ухерида)* было заменено на «начальник хошуна». Эрхимбато был осторожен в отношениях с новой властью; есть данные, что он «к японцам не примкнул» [Кузьмин 2021: 365]. Реальная власть находилась в руках японских советников. На этой должности в ново-баргутских хошунах работали следующие лица: Масанобу (1935–1936), Сакеки (1936–1938), Мацумото (1938–1939), Асака (1939–1940), Сато (1940–1941), Курада (1941–1943), Маруяма (1943–1945) [Маньчжуро-монгольский мир… 2025: 121].

Следует отметить, что в начале XX в. Япония уделяла особое внимание монгольским землям, в т. ч. и территории Хулун-Буира, и оно существенно возросло после Русско-японской войны 1904–1905 гг. Из донесения подполковника А. В. Полумордвинова от 25 ноября 1913 г. видно, что в Хайларе активно работали японские купцы; японские офицеры находились среди харчинских повстанцев, захвативших Хайлар в 1917 г.; по данным не позднее 1928 г., японцев было на ст. Маньчжурия – 41 чел., Чжалайнор – 28, Хайлар – 200. Что касается японского влияния в целом во Внутренней Монголии, то его проводником считается харчинский князь Гунсэнноров, в 1903 г. принявший участие в международной торгово-выставочной ярмарке в Японии и установивший связи с торговыми, промышленными и военными представителями страны. Начиная с этого времени японцы прибывают и работают в хошунах Харчинского западного крыла, Северного Горлоса, Тумэта, а молодежь Внутренней Монголии едет на обучение в Японию [Тахилт 2021: 51–52]. С 1903 г. при ставке Гунсэннорова проживал японец Тори-Рюзоо, занимавшийся школьным образованием и изданием монгольской газеты, совершавший поездки по Южной Монголии и Халхе. В 1906 г. японцы разъезжали по многим хошунам Внутренней Монголии под видом купцов и монахов. Известно, что китайскими колонизационными властями привлекались и японские специалисты, в частности топографы для определения плодородных для земледелия местностей. Весной 1907 г. пять японских топографов были убиты в хошуне Южный Горлос. Этот инцидент не повлиял на развитие отношений с Японией, в 1910-х гг. в японском обществе Южной Маньчжурии уже активно обсуждался вопрос о возможной аннексии части Южной Монголии и создания из нее буферного государства.

Возвращаясь к периоду Маньчжоу-Го, отметим, что с весны 1932 г. в административный центр западного крыла Новой Барги – Алтан-Эмэл стали прибывать японцы (около 20 чел.), появилось разведывательное управление. Со временем начались провокации на границе Маньчжоу-Го и МНР с использованием баргутских аратов, специально отправляемых японцами на монгольскую территорию. Так, известны подобные подстрекательства с участием новых баргутов, происшедшие зимой 1936 г. и осенью 1938 г.

В 1936 г. глава хошуна восточного крыла Новой Барги Эрхимбато был назначен губернатором провинции Северный Хинган вместо казненного Линшэна. Новое назначение получил также Багабади, ставший руководителем общего отдела провинциальной администрации. Хошун восточного крыла Новой Барги возглавил Чулун (1936–1938). Западным крылом недолгое время руководил Ц. Бимба (др. имя Жимба), скончавшийся в 1937 г. в возрасте 43 лет.

Во время конфликта на р. Халхин-Гол в 1939 г. основные силы японцев дислоцировались в Ганьчжур-сумэ и Амгалане (восточное крыло Новой Барги). Мирное ново-баргутское население, проживавшее в районе военных действий, откочевывало в другие местности. Населению Новой Барги в этот период были вменены следующие обязанности: заготовка провизии для действующих войск, предоставление гужевого транспорта [Маньчжуро-монгольский мир… 2025: 121].

После освобождения Хулун-Буира советскими войсками в августе 1945 г. население хошунов Новой Барги во главе с Гонгоржавом, Санжи-Митыпом (глава хошуна западного крыла в 1937–1942 гг.), равно как и другие хулун-буирские хошуны, выразило стремление объединиться с МНР. Поняв, что оно не будет поддержано руководством СССР и Китая, араты хошунов белого с каймой, желтого с каймой, белого хошунов Новой Барги (всего более 2 тыс. юрт) перекочевали в МНР. Из них более 1 тыс. юрт

были возвращены в Хулун-Буир монгольскими властями, остальные обосновались в Восточном (Дорнодском) аймаке МНР [Кузьмин 2021: 382].

Начиная с 1945 г. два ново-баргутских хошуна находились в введении автономной области Хулун-Буир (октябрь 1945 г.), Хулун-Буирского аймака (январь 1948 г.), аймака Хулун-Буир – Нонни-мурэн (сокр. Ху-На, апрель 1949 г.), затем вновь Хулун-Буирского аймака (1954) [Маньчжуро-монгольский мир… 2025: 123]. В 1959 г. из названия хошунов была убрана их принадлежность к крыльям маньчжурской восьмизнаменной организации, отныне они стали именоваться как восточный и западный хошуны Новой Барги.

Таким образом, изучение истории новых баргутов в первой половине XX в. показало их тесное взаимодействие с Внешней Монголией / МНР. Проникнутые идеей общемонгольского национального движения и создания единого Монгольского государства баргутские воины во главе с Ж. Дамдинсурэном внесли большой вклад в дело восстановления монгольского суверенитета и государственности. В последующем предпринимались неоднократные, безуспешные попытки объединения с МНР, приведшие к переселению части ново-баргутского населения. Эти и другие вопросы истории новых баргутов подлежат дальнейшей реконструкции с применением сравнительно-сопоставительного анализа по историческому развитию других хошунов Хулун-Буира.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности») № 126020516676-6.

Литература

Кузьмин С. Л. Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века). Т. 2 / С. Л. Кузьмин. – М.: Тов-во научных изданий КМК, 2022. – 260 с.

Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в. / отв. ред. П. Н. Дудин; науч. ред. Б. В. Базаров, К. С. Ганзей. – Екатеринбург: Альфа Принт, 2025. – 144 с.

Элбэк-Доржи Ринчино о Монголии. Избранные труды / сост. и ред. кол.: Б. В. Базаров, Б. Д. Цибиков, С. Б. Очиров. – Улан-Удэ: Курумканская типография, 1998. – 260 с.

Тахилт Г. М. Баргын түүх, угсаатны зүй. Тэргүүн боть. Баргын түүхэн товчоон (1734–1960 он) [История и этнография Барги. Первый том. Краткая история Барги (1734–1960 гг.)] / Г. М. Тахилт. – Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2021. – 335 х.

Nomoqan D. Minù mededeg Erkimbatu-yin dursumji [Эрхимбато, каким я его знал: воспоминания] / D. Nomoqan // Šine Barγu jegün qošiγun-u soyol teüke-yin materiyal. Vol. 5 [Материалы по истории и культуре Восточного хошуна Новой Барги. Ч. 2]. – Külün Buyir: Öbör Mongγol-un soyol-un keblel-un qoriy-a, 2014. – H. 160–178 [Хулун-Буир: Издательство культуры Внутренней Монголии. – С. 160–178].

References

Kuz'min S. L. Barginskij i harachinskij voprosy v istorii Vostochnoj Azii (pervaya polovina XX veka). T. 2 / S. L. Kuz'min. – M.: Tov-vo nauchnyh izdanij KMK, 2022. – 260 s.

Man'chzhuro-mongol'skij mir Vnutrennej Azii v pervoj polovine XX v. / otv. red. P. N. Dudin; nauch. red. B. V. Bazarov, K. S. Ganzej. – Ekaterinburg: Al'fa Print, 2025. – 144 s.

Elbek-Dorzhi Rinchino o Mongolii. Izbrannye trudy / sost. i red. kol.: B. V. Bazarov, B. D. Cibikov, S. B. Ochirov. – Ulan-Ude: Kurumkanskaya tipografiya, 1998. – 260 s.

Tahilt G. M. Bargyn tүүh, ugsaatny zүj. Tergүүn bot'. Bargyn tүүhen tovchoon (1734–1960 on) [Istoriya i etnografiya Bargi. Pervyj tom. Kratkaya istoriya Bargi (1734–1960 gg.)] / G. M. Tahilt. – Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2021. – 335 x.

Nomoqan D. Minù mededeg Erkimbatu-yin dursumji [Erhimbato, kakim ya ego znal: vospominaniya] / D. Nomoqan // Šine Barγu jegün qošiγun-u soyol teüke-yin materiyal. Vol. 5 [Materialy po istorii i kul'ture Vostochnogo hoshuna Novoj Bargi. Ch. 2]. – Külün Buyir: Öbör Mongγol-un soyol-un keblel-un qoriy-a, 2014. – H. 160–178 [Hulun-Buir: Izdatel'stvo kul'tury Vnutrennej Mongolii. – S. 160–178].

УДК 930 (571.54)
ББК 63.2 (2Р54)
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-83-89

Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас, Д. З. Жамбалов

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СЕЛЕНГИНСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Статья посвящена исследованию источников по истории Селенгинской степной думы в первой половине XIX в. В статье речь идет о таких документах по истории Селенгинского ведомства, как памятники обычного права, бурятские летописи, архивные данные. Важным источником является фонд 2 Селенгинской степной думы, который хранится в Государственном архиве Республики Бурятия.

Ключевые слова: Селенгинская степная дума, памятники обычного права, бурятские летописи, архивный документ.

B. Ts. Zhalsanova, L. V. Kuras, D. Z. Zhambalov

SOURCES ON THE HISTORY OF THE SELENGINSKAYA STEPPE DUMA IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

The article is devoted to the study of sources on the history of the Selenga steppe duma in the first half of the 19th century. The article deals with such sources on the history of the Selenga department as monuments of customary law, Buryat chronicles, archival documents. An important source is the fund 2 of the Selenginsk steppe duma, which is kept in the State archive of the Republic of Buryatia.

Keywords: Selenga steppe duma, monuments of customary law, Buryat chronicles, archival document.

История Селенгинского бурятского ведомства является актуальной и уникальной, в которой переплелись как история принятия российского подданства монгольскими родами в XVII в., переселение добайкальских бурят на территорию вдоль р. Селенги, заключение Кяхтинского договора 1727 г. и установление восточной границы Российского государства в начале XVIII в., деятельность дипломата графа Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского, образование бурятских казачьих полков в 1764 г. для защиты восточных рубежей, распространение буддизма в России, так и личности выдающихся буддийских деятелей Дамба-Даржа Заяева, Даши-Доржо Итигэлова, первого бурятского ученого Доржи Банзарова и др., история института Пандито хамболам, деятельность английских миссионеров, пребывание декабристов братьев Н. А. и М. А. Бестужевых, К. П. Торсона в г. Селенгинске, открытие русско-монгольской школы в г. Троицкосавске и т. д.

Многие события нашли отражение в деятельности Селенгинской степной думы – органа местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в., учрежденной согласно Уставу об управлении инородцев 1822 г. М. М. Сперанского. Селенгинская степная дума была одной из 12 бурятских степных дум, при этом одной из крупнейших по численности и территории в Забайкалье. История селенгинских бурят, которые представляли собой сложную этническую группу из 14 родов, Селенгинской степной думы представляет интерес с точки зрения сохранения собственных письменных источников XVIII–XIX вв., начала XX в.

ЖАЛСАНОВА Бутит Цыдыпмункуевна – доктор исторических наук, директор Государственного автономного учреждения культуры Республики Бурятия Государственный архив Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail butit62@mail.ru.

КУРАС Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологиии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail kuraslv@yandex.ru.

ЖАМБАЛОВ Дандар Зоригтуевич – археограф Государственного автономного учреждения культуры Республики Бурятия Государственный архив Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail:dan_zham@mail.ru.

Прежде всего это памятники обычного права, переведенные Б. Д. Цибиковым с монгольской письменности на русский язык. Он справедливо отмечает, что до вхождения бурятских родов в состав Российского государства обычное право представляло единственный вид права. Буряты не знали писаных законов, общественная жизнь регулировалась на основе установившихся правовых обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение. С появлением письменности и началом кодификации норм обычного права появляются памятники писаного права, в число которых вошли и памятники обычного права селенгинских бурят.

1. Первым памятником обычного права является Указ 1759 г., поводом к изданию которого послужил запрос пограничного комиссара В. Якоби о вероисповедании бурят двум тайшам селенгинских бурят. Они должны были ответить на этот запрос совместно с хоринскими тайшами, поэтому в его составлении принимали участие тайши селенгинских цонгольского и ашебагатского родов с хоринскими родоначальниками 11 хоринских родов. Документ свидетельствует о «распространении ламаизма среди бурят и вытеснении шаманства» [Обычное право… 1992: 14].

2. «Книгу записи судебных законов, выработанных 8 числа последнего осеннего месяца 1775 года на сборе сайтов 22 отоков всего Селенгинского ведомства», или так называемый Селенгинский судебник 1775 г. [Книга записи… 1970], можно отнести к самым ранним крупным сборником «степных законов». Б. Д. Цибиков считает его ценным источником, служащим для изучения социально-экономических отношений бурят, так как нормы обычного права, зафиксированные в этом сборнике, были составлены без постороннего вмешательства: «Примитивизм и казуистичность этого памятника показывают, что он мало подвергался влиянию более высокоразвитой государственности и соответствующей ей правовой системы» [1970: 11].

3. Устав от 28 июня 1788 г. выработан на собрании селенгинских и хоринских бурят, как и Указ 1759 г. Он содержит 10 статей, устанавливающих нормы обычного семейного права – об уменьшении размера калыма, разрешении семейных конфликтов, разводов и т. д. Устав со стороны селенгинских бурят подписали старший атаман четырех полков Цырен Бадлуин, атаман Гомбо Цырено, командир Ашебагатского полка Динжиу Галсано и др. [Обычное право… 1992: 16–18].

4. В 1818–1823 гг. генерал-губернатор Сибири М. М. Сперанский предпринял попытку кодифицировать право сибирских народов. Селенгинское уложение 1823 г. разработано по запросу иркутского губернатора И. Б. Цейдлера, отличается подробным введением, в котором говорится, что это третье уложение. Речь идет об Уложениях 1775 и 1818 гг. [Цибиков 1970]. Б. Д. Цибиков отмечает, что в Уложении 1823 г. чувствуется значительное влияние норм российской государственности. Так, во введении к уложению сказано: «Нынче же мы составили уложение, сообразуясь с упомянутыми известными постановлениями о степных обычаях и законах, установившихся с древних времен и согласных с бурятской религией, а также с известными нам устными преданиями, и приспособив их к современной хозяйственно-бытовой жизни» [Там же].

5. Новое постановление о жизни и обычаях 1841 г., принятое, как полагает Б. Д. Цибиков, в Гусиноозерском дацане во время проведения религиозной мистерии Цам [Там же: 76–81]. Во введении указаны причины принятия норм обычного права: 1) необходимость улучшения положения религии и лам, упорядочения изготовления статуй богов, картин, книгопечатания, необходимость помещений для буддийских школ и учителей в них, упорядочения деятельности лам-лекарей, введения отличительных знаков для лам; 2) необходимость упорядочения семейного права в части уменьшения размера калыма и запрета браков между родственниками.

Следующим ценным источником являются бурятские летописи. Исследователи Ж. Б. Бадагаров, Б. Нацагдорж и Н. В. Цыремпилов считают, что «буряты в течение только одного XIX столетия создали уникальное литературное явление – собственную письменную историографическую традицию», которая не получила достаточного внимания со стороны ученых и вообще широкого круга читателей [Антология произведений… 2022: 7]. Безусловно, среди бурятских летописей достойное место занимают

летописи селенгинских бурят, отличающиеся количеством и богатым содержанием, написанные на монгольской письменности.

В последние десятилетия проводятся исследования по переводу и публикации бурятских летописей. Так, бурятские летописи, в т. ч. селенгинские, выходили на русском языке в 1995, 2011, 2023 гг.

В публикацию бурятских летописей 1995 г. вошли селенгинские летописи:

– «Бишыхан (бичыхан) запискэ 1833 г.». Авторы – Нендак Ванпилов и др.;

– «История образования Подгородного рода 1833 г.» Долсам-Доржи Гемпилона;

– «История селенгинских монгол-бурят» Дамби-Жалсана Ломбоцыренова 1868 г.;

– «История возникновения шести селенгинских родов 1926 г.» Будажапа Будаева [Бурятские летописи 1995].

Они были дополнены и переизданы в 2011 г., куда вошли новые летописи:

– «Краткая история шести отоков и восьми отцов» (дата создания варьируется 1896–1911 гг.), в которой излагается история селенгинских бурят;

– «Сказание о хождении в Тибет Пандита Хамбо-ламы Заяева из Цонгольского рода» (1897);

– «Предание о хождении Хамбо Заяева за учением» (12 декабря 1897 г.);

– «Краткая история о том, как распространялось буддийское учение на бурятской земле и о биографиях некоторых лам» (конец первой четверти XX в.);

– «Биография Хамбо-ламы Итигелова», автор Будажап Будаев (не ранее 1924 г.) [Бурятские летописи 2011].

В 2023 г. бурятские летописи опубликованы на бурятском и русском языках, интересными представляются комментарии к текстам. Для нашей темы ценной является летопись «История Пахлашкин ламы» [Антология произведений… 2022: 277–356], которая, как пишут составители, «содержит в себе практически весь объем другой, более ранней “Исторической летописи селенгинских бурят” Сайнцака Юмова, которую тот написал по заказу князя Э. Э. Ухтомского» [Там же: 30].

В 2024 г. вышло в свет сочинение Гэлэкжамцо-дорамбы «О появлении буддийского учения у бурят-монголов» на русском языке, которое раскрывает историю появления и распространения буддизма у бурят [О том, как распространялось… 2024: 41–52].

Ценность селенгинских летописей заключается в том, что они написаны самими селенгинскими бурятами, которые фактически были свидетелями описываемых событий, или же были знакомы с другими письменными летописями, или же перенесли на бумагу устные истории. Сравнение событий, описанных в бурятских летописях, с архивными документами подтверждает их правдивость, поэтому можно с уверенностью отметить, что летописи отражают историю Селенгинской степной думы, конечно, с учетом критического подхода к оценкам и хронологии событий.

Важным источником по истории селенгинских бурят является фонд по истории селенгинских бурят, хранящийся в Государственном архиве Республики Бурятия, – это фонд 2 Селенгинской степной думы – крупнейший среди фондов степных дум. В двух описях фонда 6531 дело за 1825–1914 гг. этот объем можно сравнить только с фондом Агинской степной думы (5165 дел за 1846–1909 гг.). Селенгинская степная дума функционировала в течение длительного периода – с 1825 г. до проведения волостной реформы 1903 г., и вполне закономерно, что документы в фонде отложились за этот период.

Дела Селенгинской степной думы поступили на государственное хранение в 1924 г. Сохранность дел в целом хорошая, все документы рукописные. Делопроизводство велось на двух языках – русском и бурятском (на монгольской письменности), потому много документов на монгольской письменности.

Видовой состав документов представлен перепиской – делопроизводственными документами, которые характеризуются разнообразием и содержат интересные сведения об административно-хозяйственной, судебной и социальной деятельности Селенгинской степной думы.

1. Письма от вышестоящих организаций к нижестоящим – документы распорядительного характера. Они представлены указами, приказами, распоряжениями, инструкциями вышестоящих органов, которые регламентировали повседневный круг прав и

обязанностей степной думы, должностных лиц и заключали в себе комплекс первичной информации: предписания о сборе податей и повинностей, предоставлении отчетности, распространении земледелия, принятии мер по борьбе с эпидемиями, пожарами, эпизоотией, назначении выборов, об утверждении должностных лиц и т. д. Например, предписания: верхнеудинского окружного начальника о разрешении тайше Ванпилу Ринчинову (Иринцееву) на строительство молитвенного дома в виде часовни при Селенгинской степной думе (1833) [ГАРБ Ф. 2. Оп. 1. Д. 157. Л. 1–2]; верхнеудинского земского исправника о наряде на 1500 подвод для перевозки семенного хлеба из г. Верхнеудинска до Читинского острога (1833) [Там же. Д. 160]; верхнеудинского окружного начальника о вызове желающих на поставку в Тельминскую фабрику овечьей шерсти (1835) [Там же. Д. 258], о доставлении ему сведений о наследниках тайшей Дулкицы, Лобцана, Шодоя и зайсана Батур Тархана (1837) [Там же. Д. 358] и др.

2. Отношения, например: исполняющего должность селенгинского городничего Скорнякова в Селенгинскую степную думу о взыскании с ясачного Казанцева и бурята Бобордоева сена, дров, Ханхаева за потраву в пользу государственных преступников К. П. Торсона и М. А. Бестужева (1843) [Там же. Д. 1037. Л. 15–15об., 20–20об.]; конторы Верхнеудинских золотых промыслов о снабжении бурят увольнительными билетами с мест жительства (1847) [Там же. Д. 1568]; директора 2-й Казанской гимназии и училищ об отправке двух экземпляров второго тома словаря для передачи главному тайше Нендаку Ванпилову (1847) [Там же. Д. 1584] и др.

3. Рапорты, донесения, которые составлялись от Селенгинской степной думы к вышестоящим инстанциям: рапорт Атаганской инородной управы в Селенгинскую степную думу о перемещении экономического магазина в атагановом роду из Дабхурского урочища в Жаргалантуйское (1830) [Там же. Д. 66], донесение Селенгинской степной думы в Комиссию Восточной Сибири по составлению для кочевых и бродячих инородцев окладных ясачных книг о количестве дацанов, комплектных и некомплектных лам и ховараков (1831) [Там же. Д. 85. Л. 84–85об.], рапорт старшины Стрелочного селения Убегенова о сооружении нового амбара для экономического магазина (1832) [Там же. Д. 136. Л. 1–3] и др.

При рапортах и донесениях в вышестоящие инстанции отправлялись документы отчетно-исполнительного характера – это ежегодные отчеты степных дум и инородных управ, которые составлялись должностными лицами местного самоуправления, ведомости о количестве населения, социальной структуре, вероисповедании, состоянии народного продовольствия, промышленности и т. д. В фонде Селенгинской степной думы выявлено 104 годовые ведомости, отчеты за 1825–1849 гг., в т. ч. 40 – со сведениями о посевах и урожаях хлеба, картофеля и других овощей, 39 – о численности жителей по ведомству т. д. По этим документам можно проследить за динамикой численности населения, количества улусов, скота и т. д.

Протокольный вид делопроизводственных документов представлен общественными приговорами (решениями) сугланов – собраний при степной думе, дающих огромный фактический материал о хозяйственной и административной деятельности органов местного самоуправления, повседневной жизни бурятского общества, например общественные приговоры харанутского рода о разделении на два рода – селенгинско-харанутский и иройско-харанутский из-за расселения рода и разделении душ, налогов и повинностей [Там же. Д. 129. Л. 11–11об., 14]; голов, помощников селенгинских 18 родов и почетных лиц об избрании в 1834 г. на должность второго тайши Нендака Ванпилова, сына умершего Ванпила Ринчинова [Там же. Д. 244. Л. 21–21об., 21а]; селенгинских родоначальников о сборах казенных податей и повинностей по ведомству в 1837 г. [Там же. Д. 429] др.

Учетные документы населения за 1825–1849 гг. представлены именными списками 14 родов селенгинских бурят за 1831 г., которые публикуются в данном сборнике, девятью формулярными списками – Нендака Ванпилова [Там же. Д. 668], заседателя думы харанутского рода Сампила Дылгырова [Там же. Д. 485], заседателя думы бумал-готольского рода Иринчина Банзаракцаева [Там же. Д. 809], о службе оспенных учеников Цывен Мошиева и Джанбы Аджитова [Там же. Д. 811] и др.

Учетные документы внутреннего документопотока представлены 10 журналами регистрации входящей и исходящей корреспонденции, имеющих информационную ценность, так как в них приводилось краткое содержание документов, по ним можно было искать необходимую информацию, уточнять содержание утерянных бумаг.

Сопоставление или сравнение фактов, изложенных в архивных документах с бурятскими летописями, можно рассмотреть на исследовании родового состава Селенгинской степной думы. Она учреждена в 1825 г. и первоначально объединяла 18 родов: атаганский, ашебагатский, сартоловский, 1-й табангутский, 2-й табангутский, 3-й табангутский, ченорутский, харанутский, бабай-хуромшинский, ользоновский, хатагинский, подгородный, узеновский, бумал-готольский, цонгольский, алагуевский, галзутский, чикойско-харанутский [ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 203. Л. 185]. Надо отметить, что селенгинские 18 родов – это понятие географическое, административное.

Из 18 родов селенгинских бурят 6 относились к западным родам: алагуевский, бабай-хуромшинский, бумал-готольский, ользоновский, харанутский, ченорутский. Будажап Будаев излагает версию того, каким образом западные роды оказались в Селенгинском ведомстве: после основания Селенгинска и Верхнеудинска между ними оказались «свободные незаселенные земли, просторы, богатые лесами и живностью. Эхиритским и Булагатским тайшам было предложено переселить в район р. Селенги 500 семей. Тайши, посоветовавшись, выразили согласие с предложением наместника» [1995: 193–194]. В другой летописи есть сведения о том, что шесть племен бурят-монголов – харануты, алагуй, бабай, хурумчи, готол и бумал – были подданными монгольского халхаского Сэцэн-хана и примерно с 1660 г. начали принимать российское подданство [Бурятские летописи 2011: 162–163].

В бурятских летописях имеются сведения как о восьми родах селенгинских бурят – ашебагаты, цонголы, атаганы, сартулы, хатагины, подгородный, ользоны, табунанги (табунаты), так и о монгольских племенах, которые с 1660 по 1696 г. отдельными группами пришли к вышеупомянутым старым бурятам шести западных родов и поселились по обоим берегам р. Селенги и ее притокам Джиде и Чикою, а также по левому берегу р. Хилок.

О принятии российского подданства племен, вышедших с монгольской стороны, свидетельствуют договоры:

1) 15 января 1689 г. заключен договор между «мунгальскими тайшами» и Ф. А. Головиным о вечном подданстве тайшей России: «Быть им тайшам Ирки Кантазию, Ерени Батуру, Серензабу Бантухаю, Чин Ердени Доржи, Ирки Ахаю, Елден Ахаю в вечном подданстве, и со всеми зайсанами и улусными их людьми … служить им, великим государям, их царскому величеству, со всякой верностью», и «на наступающих на них каких владельцев воинским способом ратным своим людям оборону чинить повелят». Важным моментом договора было положение о том, что «в православную христианскую веру улусных их людей, также и самых их тайшей и зайсанов не велено ни крестить и не принуждать». Пять хошунов со своими тайшами, подписавшие шерть о подданстве Российскому государству, обязались поставлять ежегодно в казну 50 лошадей, 50 быков, 50 баранов, в случае же невыплаты обязаны были платить в тройном размере [ПСЗРИ-I 1830. Т. 3. № 1329. 15 янв. 1689 г.];

2) 12 марта 1689 г. подписан договор между полномочным послом, окольничим Ф. В. Головиным и табангутскими (бурятскими) тайшами о принятии ими русского подданства: «Быть им Саин Окину, Нармо Тархану, Башуру Сотую, Начину Мосого, Саинке Сотулай, Карцагаю, Нескею Зайсану, Инкиню, Иркибею, Башки Дархану, Ниретую Удзин, Кашке Унен, Гуин Зайсан с вышеописанными шуленгами и с детьми своими и с улусными людьми великих государей их царского пресветлого величества под самодержавной высокой рукой в подданстве и в вечном холопстве, и служить им великим государям», а также об обязательстве защищать от «наступающих неприятельских каких-либо ни есть народов … не щадя головы своей, биться до смерти». В казну они должны были ежегодно платить ясак соболиными, рысьими и лисьими шкурами, а также скотом [Там же. 12 марта 1989 г.].

Таким образом, селенгинские буряты были представлены восемью «монгольскими» и шестью «западными» родами: табангуты – тремя, харануты – двумя, а также отдельным родом входили галзуты, представители хоринских бурят, итого 18 родов.

Во время работы Комиссии Восточной Сибири о составлении для кочевых и бродячих инородцев окладных ясачных книг в 1832 г. произошли следующие изменения в составе родов селенгинских бурят:

1) галзутский род из-за малочисленности (в 1832 г. – 62 чел.) расформирован и присоединен к двум родам: алагуевскому и ченорутскому [ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 129. Л. 9];

2) селенгинский харанутский род разделился на иройских и селенгинских харанутов из-за затруднений в выполнении общественных дел по причине отдаленности мест проживания. Одна часть стала жить в местностях Иро, Урэмо, Удунга, Химоги, другая – по рекам Иволга, Оронго, Загустай, Селенга, Енхор. Они обратились в Комиссию Восточной Сибири о составлении для кочевых и бродячих инородцев окладных ясачных книг с предложением о разделении 1485 душ: на 1093 души селенгинских харанутов из 4 десятков, 392 душ иройских харанутов, которое было утверждено вышестоящим начальством [Там же. Д. 129. Л. 11–11об., 14].

После проведения в 1832 г. административных изменений Селенгинская степная дума состояла из следующих 18 селенгинских родов: атаганский, ашебагатский, алагуевский, бабай-хуромшинский, бумал-готольский, иройско-харанутский, ользоновский, подгородный, сартоловский, селенгинско-харанутский, 1, 2, 3-й табангутские, узеновский, хатагинский, цонгольский, ченорутский, чикойско-харанутский [Там же. Д. 203. Л. 185].

В 1847 г. в ведении Селенгинской степной думы находились 19 инородных управ: Атаганская, Ашебагатская, Алагуевская, Бабай-Хуромшинская, Бумал-Готольская, Иройско-Харанутская, Ользоновская, Подгородная, Сартоловская, Селенгинско-Харанутская, 1-я, 2-я, 3-я Табангутские, Узеновская, Хатагинская, Цонгольская, 1-й и 2-й Ченорутская, Чикойско-Харанутская. Как следует из списка должностных лиц за 1847 г., имеются 1-й и 2-й ченорутские роды, родовым зайсаном во 2-м ченорутском роду с 30 ноября 1846 г. утвержден Ринчин Купчинов, что позволяет предположить о появлении в 1846 г. 2-го ченорутского рода [Там же. Д. 1522. Л. 16–23об.].

Таким образом, нами рассмотрены источники по истории Селенгинской степной думы в первой половине XIX в.: памятники обычного права, бурятские летописи и документы ГАРБ, позволяющие изучать роль степных дум как высших органов местного самоуправления бурят и их значение в жизни бурятского общества.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности») № 126020516676-6.

Источники и литература

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. 2, оп. 1, д. 66, 83, 129, 163, 157, 160, 203, 244, 258, 358, 429, 485, 668, 809, 811, 1037, 1522, 1564, 1568.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. I (ПСЗРИ-I). Т. 3. № 1329. 15 янв. 1689 г. – С. 3–6; 12 марта 1689 г. – С. 15–17.

Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1 / сост. Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. – Улан-Удэ: Изд-во АН СССР. Сиб. отд-ние, 1960. – 493 с.

Антология произведений писателей Бурятии. Т. 1. Бурятские летописи / пер. Ж. Б. Бадагаров; отв. ред. Н. В. Цыремпилов. – Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2022. – 432 с.

Будаев Б. История возникновения шести селенгинских родов / Б. Будаев // Бурятские летописи. – Улан-Удэ, 1995. – С. 193–194.

Бурятские летописи / сост.: Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. – Улан-Удэ, 1995. – 199 с.

Бурятские летописи / сост.: Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М. В. Аюшеева. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2011. – 224 с.

Обычное право хоринских бурят: памятники старомонгольской письменности / пер. с монг. Б. Д. Цибикова; отв. ред.: Р. Е. Пубаев, Н. В. Ким. – Новосибирск: Наука, 1992. – 312 с.

О том, как распространялось буддийское учение на бурятской земле»: к 260-летию института пандито хамбо-лам в России / исслед., транслит., пер. и коммент. Ц. П. Ванчиковой. – М.: Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям, 2024. – 239 с.

Цибиков Б. Д. Обычное право селенгинских бурят / Б. Д. Цибиков; отв. ред. Р. Е. Пубаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – С. 51–75.

References

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB): f. 2, op. 1, d. 66, 83, 129, 163, 157, 160, 203, 244, 258, 358, 429, 485, 668, 809, 811, 1037, 1522, 1564, 1568.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. I (PSZRI-I). T. 3. № 1329. 15 yanv. 1689 g. – S. 3–6; 12 marta 1689 g. – S. 15–17.

Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII vek. Vyp. 1 / sost. G. N. Rumyancev, S. B. Okun'. – Ulan-Ude: Izd-vo AN SSSR. Sib. otd-nie, 1960. – 493 s.

Antologiya proizvedenij pisatelej Buryatii. T. 1. Buryatskie letopisi / per. Zh. B. Badagarov; otv. red. N. V. Cyrempilov. – Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom, 2022. – 432 s.

Budaev B. Istoriya vozniknoveniya shesti selenginskih rodov / B. Budaev // Buryatskie letopisi. – Ulan-Ude, 1995. – S. 193–194.

Buryatskie letopisi / sost.: Sh. B. Chimitdorzhiev, C. P. Vanchikova. – Ulan-Ude, 1995. – 199 s.

Buryatskie letopisi / sost.: C. P. Vanchikova, Sh. B. Chimitdorzhiev, M. V. Ayusheeva. – Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2011. – 224 s.

Obychnoe pravo horinskih buryat: pamyatniki staromongol'skoj pis'mennosti / per. s mong. B. D. Cibikova; otv. red: R. E. Pubaev, N. V. Kim. – Novosibirsk: Nauka, 1992. – 312 s.

O tom, kak rasprostranyalos' buddijskoe uchenie na buryatskoj zemle»: k 260-letiyu instituta pandito hambo-lam v Rossii / issled., translit., per. i komment. C. P. Vanchikovoj. – M.: Fond sodejstviya buddijskomu obrazovaniyu i issledovaniyam, 2024. – 239 s.

Cibikov B. D. Obychnoe pravo selenginskih buryat / B. D. Cibikov; otv. red. R. E. Pubaev. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1970. – S. 51–75.

УДК 340 [(47)+(51)] (091)
ББК 63.3
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-90-96

А. А. Иванов, С. Л. Курас, Т. Л. Курас

ЖУРНАЛ «ТЮРЕМНЫЙ ВЕСТНИК» КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЮРЕМНОГО ВЕДОМСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (вторая половина XIX в. – 1917 г.)

В статье исследуются материалы ведомственного журнала «Тюремный вестник» как основы изучения истории благотворительной деятельности в тюремной системе Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Изучается уровень информативности журнала по освещению вопросов попечительства, анализируются основные направления помощи, социальные категории лиц, которым оказывалась поддержка.

Ключевые слова: благотворительность, попечительство, тюрьма, Главное тюремное управление.

A. A. Ivanov, S. L. Kuras, T. L. Kuras

THE JOURNAL “PRISON HERALD” AS A SOURCE FOR STUDYING OF CHARITABLE ACTIVITIES OF THE PRISON DEPARTMENT IN THE RUSSIAN EMPIRE (Second Half of 19th Century – 1917)

This article examines materials from the departmental journal “The Prison Herald” as a basis for studying the history of charitable activities in the prison system of the Russian Empire in the second half of the 19th century – early 20th century. The article examines the journal’s level of informativeness in covering issues of guardianship, analyzes the main areas of assistance, and the social categories of persons who received support

Keywords: charity, guardianship, prison, Main Prison Administration.

В имперской России второй половины XIX в. ключевые министерства правоохранительных органов имели свои выходившие в свет периодические печатные издания. Так, министерство внутренних дел с 1829 г. выпускало ведомственный журнал «Журнал Министерства внутренних дел». В 1859 г. к нему присоединилось и Министерство юстиции, издававшее «Журнал Министерства юстиции». Он стал на долгие годы образцом формирования ведомственной периодики. Здесь размещались как официальные документы, в частности приказы о назначении и перемещении должностных лиц судебного ведомства [Курас 2011: 15–19], так и неофициальные материалы: научные статьи, анализ судебной практики, правовые обзоры [Курас Т., Курас С. 2021: 156–157].

Не стал исключением в этой практике и новый на тот момент орган государственной власти – Главное тюремное управление (далее – ГТУ), созданный в 1879 г. в ходе проведения масштабной тюремной реформы. Вполне закономерно, что в 1893 г. у ГТУ появился свой ведомственный журнал – «Тюремный вестник».

ИВАНОВ Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: ivanov_aa@hist.isu.ru.

КУРАС Софья Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры основ российской государственности и цивилистики Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Иркутск, Россия). E-mail: kuras@list.ru.

КУРАС Татьяна Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры судебного права Юридического института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: tanya_kuras@mail.ru.

«Тюремный вестник» последовательно продолжил практику публикации различных материалов на темы развития системы наказания в России, попечительной, благотворительной деятельности, начатых на страницах «Журнала Министерства юстиции» и «Журнала Министерства внутренних дел». Новому изданию предстояло публиковать все нововведения, происходившие в тюремном ведомстве, всю нормативную основу, касавшуюся развития пенитенциарной системы. Журнал использовался тюремными властями, с одной стороны, для публичного отражения на его страницах основных направлений реформы отечественной пенитенциарной системы, а с другой – как внутриведомственный источник информации для тюремных инспекций по всем вопросам деятельности тюрем [Курас 2017: 85]. На момент своего создания журнал стал уникальной информативной базой для ежедневной работы тюремных служащих как незаменимый источник для работы с нормативной базой, документооборотом и иных значимых служебных вопросов. При этом объем освещаемых на его страницах тем далеко выходил за узкий круг делопроизводственных требований. Именно поэтому он является уникальной основой для исследования благотворительной деятельности.

Как в современной системе исполнения наказания, так и в дореволюционной России вопросы бытового обслуживания осужденных, качества их питания, условий быта, а также проблемы содействия в социальной адаптации и социальной реабилитации бывших осужденных являлись одними из самых значимых.

Для решения таких задач в царской России и был создан уникальный институт «Попечительное о тюрьмах общество» (далее – Общество). В истории пенитенциарной системы оно берет свое начало с 1819 г., в период правления Александра I [Илюхин 2024: 165]. В этот период вопросы тюремного дела относились к ведению МВД. Круг задач Общества был достаточно широк, он включал в себя надзор за заключенными, размещение их по роду преступлений, нравственное воспитание и др. Тем самым Общество постепенно становилось структурой, контролирующей все тюремное хозяйство [Петренко, Никифорова 2011: 201].

Постепенно, уже со второй половины XIX в., по мере проведения тюремной реформы и создания ГТУ, круг задач попечительных обществ и их территориальных подразделений сужался и стал касаться вопросов снабжения продовольствием, одеждой, церковной утварью, организации отопления тюремных замков, развития больниц при местах заключения.

Структура «Тюремного вестника» была классической и делилась на «официальную» и «неофициальную» части. Официальная содержала раздел «Правительственные распоряжения», в котором размещались все новые нормативы, выходившие по тюремному ведомству, посвященные Обществам попечения; изменения, вносившиеся в соответствующие Уставы об Обществах; регламенты их деятельности и формы ежегодной отчетности. Именно уставы и отчеты Обществ содержат большую часть сведений о формах благотворительности, лицах, ее осуществляющих, и целевом назначении.

«Правительственные распоряжения» устанавливали порядок назначения лиц благотворителями. Так, например, в 1893 г. опубликовано распоряжение Министра внутренних дел о порядке назначения лиц благотворителями. В соответствии с ним «звание члена-благотворителя предоставлялось, по постановлениям Правления Общества, лицам, сделавшим в пользу Общества единовременный взнос не менее 1000 р., или вносящим ежегодно не менее 50 р. Лица, ежегодно вносящие по 10 р., пользовались званием действительных членов Общества, с присвоением тем из них, кои сделают единовременный взнос в 200 р., взамен ежегодного, именования пожизненных. Лицам же, ежегодно вносящим не менее 3 р., предоставлялось звание действительных членов Отделений Общества, а тем из них, кои сделают единовременный взнос в 60 р, взамен ежегодного присваивается именование пожизненных» [Тюремный вестник 1893 № 6: 208]. В распоряжении министра устанавливались подробные условия членства и для тех жертвователей, чьи суммы ассигнований окажутся меньшими.

На страницах журнала отражена также реформа Попечительных обществ в Москве и Санкт-Петербурге в последней трети XIX в. Там были созданы мужские и женские тюремно-благотворительные комитеты, которые сосредоточили свою деятельность на

помощи лицам, находящимся в местах лишения свободы, и их несовершеннолетним детям, а также освобожденным из-под стражи. В одном из номеров журнала за 1896 г. опубликовано сообщение министра юстиции об утверждении правил уплаты членских взносов Санкт-Петербургским мужским благотворительно-тюремным комитетом 14 мая 1894 г. В нем было указано следующее: «Членские взносы должны быть уплачиваемы не позднее 1 марта за текущий год. Лица, не уплатившие к этому сроку причитавшихся с них взносов, теряют звания директора правления и члена комитета. Сделавшие взнос после 1 марта вновь поступают в состав комитета, с прежним званием члена (но не директора правления), без вторичной баллотировки» [Тюремный вестник 1896 № 4: 231].

Реформа пенитенциарной системы второй половины XIX в. требовала больших денежных вложений. Государственных ассигнований на все нужды обновляемой структуры не хватало. Именно поэтому большое внимание уделялось выстраиванию стабильной системы помощи от общественности. Такую практику помощи мы можем видеть через публикации практически в каждом номере журнала, посвященные регламентации вопросов материальной помощи исправительным учреждениям.

В одном из номеров журнала ГТУ за 1898 г. публиковались Правила деятельности Московского дамского благотворительно-тюремного комитета. Документ содержал 37 параграфов и конкретизировал правила выделения финансовой помощи: «1) чтобы помощь была оказываема лицам достойнейшим, выказывающим стремление к исправлению, 2) чтобы пособие оказывалось по преимуществу выдачею освобождаемым необходимых, при их переходе к свободной жизни, предметов в натуре, избегая выдачи денег на руки, и 3) чтобы размер пособия соответствовал только действительной потребности освобождаемых» [Там же 1898 № 4: 156].

Помимо распоряжений и условий попечительской деятельности официальная часть журнала публиковала поквартальный перечень благотворителей. Он представлял собой алфавитные списки, которые формировались в строгой последовательности: сначала шел перечень официально состоящих в Обществе попечительском о тюрьмах директоров и служащих тюремных заведений, а после – данные о частных благотворителях. В них указывались конкретные сведения: к какому учреждению принадлежал благотворитель или к какому сословию относился, каким лицам, для каких целей эти средства предназначались. Сведения позволяют проследить географию мест заключения, которым выделялась материальная помощь, перечень нужд, объем выделяемых средств.

Из проанализированных сведений видно, что большая часть выделяемых в помощь средств касалась приобретения церковной утвари. Поэтому наиболее часто в публикациях мы можем встретить сведения о жертвовании икон, книг со Священным Писанием. В сведениях о благотворительности указывалось, что директор Пермского тюремного отделения Степанов приобрел одежду для священников и иконы на сумму 2000 руб. [Там же 1896 № 1: 33]. Так, художник из Верхнеудинска для местной тюрьмы пожертвовал икону стоимостью 500 руб., а также ручную деревянную мельницу в память о посещении начальником ГТУ М. Н. Галкиным-Врасским в 1894 г. тюрьмы [Там же № 12: 651].

В целом нередко в опубликованных о благотворительности данных использовалась формулировка без указания конкретного целевого назначения: на нужды мест заключения и арестантов. Тем самым тюремное учреждение имело возможность самостоятельно формировать адресное движение поступивших сумм.

Также нередкой формой благотворительности была отправка денежных средств вместо осуществления принятых в обществе пасхальных визитов вышестоящих чинов в тюремные учреждения.

Кроме того, журнал обнародовал сведения о материальной поддержке, направленной на развитие производственной базы для получения и развития профессиональных навыков и дальнейшей успешной социализации подопечных исправительных учреждений. Одним из примеров являются перечисления директора Темрюкского отделения Благотворительного комитета Василия Попова, когда он пожертвовал для сапожной тю-

ремной мастерской 50 руб. [Тюремный вестник 1896 № 4: 232]. Приведем еще один пример: на добровольные пожертвования, внесенные в июле 1898 г., при Шемахинском тюремном замке, расположенном в Бакинской губернии (ныне Республика Азербайджан), были открыты тюремные мастерские из трех отделений [Там же 1899 № 3: 102].

Материалы журнала также иллюстрируют разные формы денежных вложений, формировавших капитал Общества. Имеются данные о вложении в благотворительную деятельность процентов со счета в банке. Представлены сведения о директоре Якутского благотворительного комитета Верхоянском 2-й гильдии купце Н. Б. Васильеве, который «пожертвовал комитету 500 руб. для образования неприкосновенного капитала имени жертвователя, с употреблением процентов его, ежегодно, в день святой Пасхи, на улучшение пищи арестантов Якутского тюремного замка». В материалах указывалось, что денежные средства самого счета не должны использоваться, а в качестве благотворительной помощи могут быть взяты только проценты с него [Там же 1896 № 4: 232].

Что касается характеристики сословного и профессионального состава населения по частной благотворительности, то в этом перечне обычно фигурировали более зажиточные слои населения: представители купечества, мещане, почетные граждане. Однако встречаются также данные о студентах, осуществлявших помощь тюрьмам. Так, в одном из номеров ведомственного журнала в качестве благотворителя фигурирует студент Московской духовной академии в сане иеромонаха. Он на собственные средства приобрел теплую одежду, белье и обувь для арестантов, а также лично помогал заключенным, не имевшим паспорта, получить вид на жительство [Там же: 233].

Публикуемые в журнале материалы со сведениями по благотворительности отличались по степени наполняемости данными. Отдельные публикации включали краткую справку по выделяемым суммам денег. Часть публикаций была составлена более подробно, с указанием имен дарителя и одаряемого, а также конкретного целевого назначения денежных переводов от благотворителей. Так, в одном из номеров журнала представлены сведения о тюремной благотворительности по Обществу попечительному о тюрьмах с указанием данных благотворителя, суммы денежных средств и предмета, на который шло пожертвование [Там же № 1: 32]. Например, директор Гурьевского отделения Общества Ларин на собственные средства построил при местной тюрьме баню, оборудованную всем необходимым, стоимостью 800 руб.

Одной из частых форм поддержки по данным, опубликованным в журнале, было улучшение питания осужденных [Там же № 7: 395]. «Вестник» всячески пропагандировал и эту форму помощи. Так, директор Волынского комитета Общества пожертвовал в пользу арестантов Житомирской тюрьмы «250 штук куличей, 6 пуд. 10 фунтов свиного мяса, 3 пуда 5 фунтов сахара, более 15 фунтов чая», директор Керенского отделения жертвовал в мае 1896 г. также на улучшения питания. Нередко национальные общины старались осуществлять адресную помощь своим членам, попавшим в места лишения свободы. Например, из материалов «Тюремного вестника» видно, что Екатеринодарское армянское общество для заключенных Екатеринодарской областной тюрьмы устроило на три праздничных дня улучшенную систему питания на сумму более 453 руб. [Там же: 397].

Кроме разнообразия рациона питания, направлением благотворительной помощи также была покупка книг для тюремной библиотеки. Так, от директора Кубанского комитета Общества в тюремную библиотеку поступило 150 экземпляров книг духовно-нравственного содержания. Также директором Новомосковского отделения Общества сделаны пожертвования для библиотеки [Там же: 395–396].

В журнале публиковались сведения о средствах, направленных в пользу исправительных и тюремных учреждений, в т. ч. и в формате завещания. Так, в одном из завещаний «О принятии пожертвованного действительным статским советником Кирхбергом имущества в пользу Саратовского попечительного о тюрьмах Комитета» в пользу тюремного комитета на воспитание и исправление арестантов переданы два дома с флигелем, находящиеся в городе Саратове [Там же № 12: 633]. В целом сведения журнала показывают, что крупные формы пожертвований не были редкостью.

Необходимо отметить, что собираемые средства направлялись не только для нужд самих осужденных, но и сотрудников тюремного ведомства, чье довольствие часто было несоразмерно мало [Иванов, Курас С., Курас Т. 2024: 390]. Так, «директор Романовоборисоглебского отделения Общества В. Л. Иванов выстроил для надзирателей местной тюрьмы флигель из 8 комнат стоимостью 5 тыс. рублей» [Тюремный вестник 1896 № 12: 650]. В списках по частной благотворительности в рамках исполнения последней воли по завещанию из Воронежского отделения Государственного банка проценты по двум капиталам в 10 тыс. руб. должны будут поступать в фонд Воронежского исправительного арестантского отделения [Там же: 651].

Большое внимание на страницах дореволюционного издания уделялось освещению вопросов благотворительности на нужды несовершеннолетних нарушителей закона, беспризорных, а также детей сосланных преступников. Во второй половине XIX в. в рамках развития государственной политики по профилактике и снижению уровня преступности в России, а также формирования здесь новых социальных институтов стали активно открываться исправительные и воспитательные учреждения для несовершеннолетних. Для дальнейшей профилактики социально-негативных явлений среди молодых людей, перевоспитания несовершеннолетних, а также обучения профессиональным навыкам в целях будущей позитивной социализации нужны были значительные средства. Конечно, такие масштабные задачи преобразования пенитенциарной системы требовали значительных денежных вливаний, которые и осуществлялись благодаря частному капиталу.

«Тюремный вестник» даже содержал рубрику «Исправительные заведения для несовершеннолетних», в которой регулярно размещали сведения о работе таких заведений. В частности, освещалась деятельность исправительно-воспитательного приюта для девочек при Санкт-Петербургском дамском благотворительно-тюремном комитете за 1896 г., первый год существования приюта. Были представлены сведения об израсходованных средствах, источниках их поступления, назначении пособий [Там же 1898 № 1: 36–38].

В рамках отчета Забайкальского отделения общества попечения о семьях ссыльнокаторжных в г. Чите, который отражал патронажную деятельность за 1896 г., представлены данные о количестве, видах занятий, потраченных на них суммах [Там же: 43–46].

Из отчетов обществ при исправительных приютах можно увидеть, что отдельные благотворители были заинтересованы в помощи именно правлениям ремесленных приютов и земледельческих колоний для несовершеннолетних преступников. Так, в одном из номеров «Тюремного вестника» обнародован отчет о деятельности Эстляндского общества за 1896 г. Устав общества утвержден Министерством юстиции еще в 1896 г., но оно так и не было открыто, так как не был решен вопрос о выделении участка земли под его строительство. «Правлением были рассмотрены предложения некоторых лиц о предоставлении ими обществу участков земли под исправительный приют. Наиболее выгодные условия были предложены г. фон-Глен, который выразил желание уступить обществу безвозмездно участок земли в одну десятину, в 9 верстах от Ревели и построить на нем все помещения, необходимые для устройства приюта на 30 человек, с тем, чтобы общество обеспечило ему взамен работу последних ежедневно в течение 6 часов за полное их содержание по 50 рублей в год… К отчету приложены договоры правления с г. фон-Глен и устав земледельческо-ремесленного приюта» [Там же: 41]. Исходя из представленных сведений, мы можем видеть заинтересованность благотворителя в настоящем контракте.

Публиковались в журнале, в частности, и сведения о деятельности исправительно-воспитательного приюта для девочек при Санкт-Петербургском дамском благотворительно-тюремном комитете. Приют был открыт 26 февраля 1895 г. Всего за этот год было принято пять девочек, а в 1896 г. – еще четыре. В статье указывалось, что помимо ежегодно выделяемых бюджетных средств, на содержание приюта поступила 1 тыс. руб. «от совета присяжных поверенных при Санкт-Петербургской Судебной палате, из

находящегося в их распоряжении благотворительного фонда имени сенатора Буцковского» [Тюремный вестник 1898 № 1: 36–38].

В «неофициальном» разделе журнала размещалось меньше сведений о благотворительности, но тем не менее они были. Это были данные, в частности, об открытии новых приютов. Также были аналитические статьи о некоторых итогах деятельности приютов и уровне благотворительности в них. Так, в одном из номеров была размещена информация об открытии приюта для сирот и детей беднейших ссыльных в отдаленной местности нашей страны – на о-ве Сахалин, в пос. Александровском [Там же 1893 № 8: 326]. Была представлена лишь краткая информация, не дающая возможность подробного изучения вопроса реализации благотворительности на острове.

В целом большое значение благотворительности и попечительства для развития общественных институтов страны и тюремной системы в частности мы видим в т. ч. и по представлению лиц к государственным наградам. В «Тюремном вестнике» публиковались сведения о высочайших наградах по Обществу Попечительному о тюрьмах. В перечне награжденных орденами и медалями разных степеней лиц традиционно указывались директора тюремных комитетов, а также представители купечества. К примеру, по состоящему под высочайшим покровительством императрицы Марии Федоровны обществу попечения о детях лиц, ссылаемых по судебным приговорам в Сибирь, 14 ноября 1896 г. был пожалован орден Св. Анны 2-й степени почетному члену общества, попечителю учрежденного этим обществом приюта Московскому 1-й гильдии купцу, Федору Копейкину-Серебрякову [Там же 1896 № 12: 641]. Также вручались звания почетного гражданства. К примеру, такое звание присвоено содержателю фотографии в г. Полтаве Федору Гамалю, а также исполняющему обязанности фельдшера городской тюрьмы, младшему медицинскому фельдшеру больницы Владимирской тюрьмы, запасному ротному фельдшеру Павлу Андрееву [Там же: 640–641].

Таким образом, даже по приведенному нами краткому анализу публикуемых в «Тюремном вестнике» материалов о благотворительной деятельности тюремного ведомства мы можем видеть, какие разнообразные виды делопроизводственных источников представлены в журнале ГТУ. Можно также констатировать, что эти виды документов обладают высокой степенью информативности по вопросам оказания помощи лицам, находившимся в местах лишения свободы, их семьям, несовершеннолетним преступникам, оказавшимся в исправительных учреждениях. Исследованные нами материалы убедительно показывают, насколько широк был перечень вопросов и задач, которые решало Попечительное общество. Подробно и разнообразно на его страницах представлена информация о целевом расходовании средств, региональной составляющей, сведения о благотворителях и другие данные. Журнал выступал здесь как организатор подобной помощи и подавал пример для подражания, распространяя практику благотворительности по стране в целом. Именно поэтому мы считаем этот журнал ценнейшим источником для дальнейшего исследования вопросов благотворительности и патронажа в рамках тюремного ведомства.

Литература

Тюремный вестник. Издание Главного тюремного управления. – СПб., 1893–1917 гг.

Иванов А. А. Администрация Александровской центральной каторжной тюрьмы (1873–1917 гг.) / А. А. Иванов, С. Л. Курас, Т. Л. Курас // Научный диалог. – 2024. – Т. 13. – № 3. – С. 384–404.

Илюхин А. В. Попечительное общество о тюрьмах: от института гражданского общества к подразделению, подведомственному Министерству внутренних дел / А. В. Илюхин // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества: сб. тез. выступлений и докладов участников Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России (г. Рязань, 31 окт. – 1 нояб. 2024 г.). – Рязань: ФКОУ ВО Академия права и управления ФСИН, 2024. – С. 164–167.

Курас С. Л. Отражение вопросов взаимодействия центральной и местной тюремной власти в материалах «Тюремного вестника» (вторая половина XIX в.) / С. Л. Курас // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2017. – Т. 20. – С. 85–93.

Курас Т. Л. Служба в судебных палатах, действовавших на центральных, западных и восточных территориях Российской империи / Т. Л. Курас // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 3(54). – С. 15–21.

Курас Т. Л. Освещение деятельности судебных палат Российской империи и органов тюремного ведомства на страницах «Журнала Министерства юстиции» / Т. Л. Курас, С. Л. Курас // Власть. – 2021. – Т. 29. – № 1. – С. 156–161.

Петренко Н. И. Влияние Общества Попечительного о тюрьмах на отечественную пенитенциарную систему в первой половине XIX века / Н. И. Петренко, И. А. Никифорова // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 4. – С. 200–203.

References

Tyuremnyj vestnik. Izdanie Glavnogo tyuremnogo upravleniya. – SPb., 1893–1917 gg.

Ivanov A. A. Administraciya Aleksandrovskoj central'noj katorzhnoj tyur'my (1873–1917 gg.) / A. A. Ivanov, S. L. Kuras, T. L. Kuras // Nauchnyj dialog. – 2024. – T. 13. – № 3. – S. 384–404.

Ilyuhin A. V. Popechitel'noe obshchestvo o tyur'mah: ot instituta grazhdanskogo obshchestva k podrazdeleniyu, podvedomstvennomu Ministerstvu vnutrennih del / A. V. Ilyuhin // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossijskoj Federacii: voprosy ispolneniya ugolovnyh nakazanij, realizacii mer probacii, vzaimodejstviya s publichnoj vlast'yu i institutami grazhdanskogo obshchestva: sb. tez. vystuplenij i dokladov uchastnikov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., priurochennoj k 90-letiyu so dnya obrazovaniya Akademii FSIN Rossii (g. Ryazan', 31 okt. – 1 noyab. 2024 g.). – Ryazan': FKOU VO Akademiya prava i upravleniya FSIN, 2024. – S. 164–167.

Kuras S. L. Otrazhenie voprosov vzaimodejstviya central'noj i mestnoj tyuremnoj vlasti v materialah «Tyuremnogo vestnika» (vtoraya polovina XIX v.) / S. L. Kuras // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. – 2017. – T. 20. – S. 85–93.

Kuras T. L. Sluzhba v sudebnyh palatah, dejstvovavshih na central'nyh, zapadnyh i vostochnyh territoriyah Rossijskoj imperii / T. L. Kuras // Sibirskij yuridicheskij vestnik. – 2011. – № 3(54). – S. 15–21.

Kuras T. L. Osveshchenie deyatel'nosti sudebnyh palat Rossijskoj imperii i organov tyuremnogo vedomstva na stranicah «Zhurnala Ministerstva yusticii» / T. L. Kuras, S. L. Kuras // Vlast'. – 2021. – T. 29. – № 1. – S. 156–161.

Petrenko N. I. Vliyanie Obshchestva Popechitel'nogo o tyur'mah na otechestvennuyu penitenciarnuyu sistemu v pervoj polovine XIX veka / N. I. Petrenko, I. A. Nikiforova // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2011. – № 4. – S. 200–203.

УДК 398(571.5)
ББК 82(2Р54)
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-97-102

Н. Н. Николаева

ВВЕДЕНИЕ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ ГЕРОИКО-ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БУРЯТ

В статье осуществлен обзор публикаций образцов героического эпоса бурят, вводимых в научный оборот: от кратких прозаических пересказов улигерных сюжетов до академических двуязычных изданий. Ставится вопрос о необходимости создания их цифровой базы.

Ключевые слова: героический эпос, буряты, издание, базы данных.

N. N. Nikolaeva

INTRODUCTION TO SCIENTIFIC CIRCULATION HEROIC EPIC WORKS OF THE BURYATS

The article is devoted to a review of publications of samples of the heroic epic of the Buryats introducing them into scientific circulation – from short prose retellings of uliger's plots to academic bilingual publications. The question about the need to create a digital database of epic materials is raised.

Keywords: heroic epic, Buryats, edition, databases.

Введение в научный оборот фольклорных источников включает в себя целый комплекс текстологических работ – подготовку оригинального текста-источника (переложение его на кириллицу в случае, если запись произведена на другом алфавите; максимально осторожную и бережную нормализацию текста, если оригинал чрезмерно уклоняется от устоявшихся лексических, синтаксических, орфографических норм, что затрудняет его восприятие, и т. д.); научный перевод текста; подготовку научного аппарата в виде примечаний и комментариев, словаря непереведенных слов, различных указателей, аудио- и видеоприложений.

Фиксация и публикация героико-эпических произведений бурят (улигеров), ознакомление с ними специалистов и иноязычной публики, введение их в научный оборот начинают свою историю с конца XIX в., когда собиратель и этнограф М. Н. Хангалов и священник Н. И. Затопляев опубликовали в трудах Восточно-Сибирского отдела Российского географического общества краткие пересказы ряда бурятских улигеров [Бурятские сказки… 1889; Сказания бурят… 1890].

Шагом вперед стала публикация текстов в оригинале. В начале XX в. изданы улигеры, записанные ученым Ц. Ж. Жамцарано в поездке к кудинским бурятам, инициированной Российской академией наук [Образцы… 1913, 1914, 1918]. Это издание сопровождалось обзорными статьями самого собирателя, в которых даны ценные сведения о живом бытовании улигеров и которые можно считать одной из первых попыток аналитического обзора героического эпоса бурят. Тексты были изданы в фонетической транскрипции, основанной на кириллическом алфавите, с привлечением букв латинского алфавита и диакритических знаков, без перевода.

В 1913–1914 гг. опубликованы тексты трех хоринских улигеров в трудах А. Д. Руднева [1913, 1914]. Они были снабжены переводом, что указывает на то, что ученый понимал важность переводческого аспекта для введения образцов традиционной устной культуры в научный оборот. Более того, исследователь первым нотировал некоторые улигерные напевы.

НИКОЛАЕВА Наталья Никитична – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: natanika80@mail.ru.

В постреволюционный период работы по собиранию фольклора и публикации материалов в силу объективных причин застопорились, и пусть не сразу, но были продолжены. В 1931–1936 гг. вышел ряд работ Н. Н. Поппе, в которых опубликованы фольклорные, в т. ч. и эпические образцы, собранные у аларских, кудинских, селенгинских, агинских бурят [1931, 1936].

В изданиях А. Д. Руднева, Ц. Ж. Жамцарано, Н. Н. Поппе соблюдалась фонетически и лексически строгая передача записанных текстов. Но с принятием кириллического алфавита в 1939 г. и необходимостью выработки единого литературного языка, основанного на хоринском диалекте, записанные у разных групп бурят фольклорные образцы стали довольно агрессивно править самими собирателями и издателями, что, например, заметно в изданиях, подготовленных писателем и собирателем А. И. Шадаевым [Бурят-монгол ульгэр… 1941]. В итоге терялись локальные особенности бурятских диалектов и говоров. Иногда дело приводило к курьезным ситуациям, когда сказитель не узнавал свой же собственный текст, о чем свидетельствовал опытный собиратель, фольклорист, этнограф С. П. Балдаев [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Д. 404. Л. 3–5].

К 1950-м гг. основной массив бурятских героико-эпических произведений (по подсчетам эпосоведов, около 200 текстов), записанных на всей территории этнической Бурятии начиная с конца XIX в., аккумулировался в архивах научно-исследовательских институтов Академии наук, музейных архивах Улан-Удэ, Москвы, Ленинграда, личных коллекциях собирателей, и не был доступен широкому кругу исследователей и пользователей.

Во второй половине XX в. начался анализ накопившегося материала, стали проводиться систематизированные научные исследования и, конечно же, предприниматься подлинно научные эдиции эпических произведений. Издания улигеров «Гэсэр» П. Дмитриева и «Осодор Мэргэн» Н. Гулханова [Материалы… 1953, 1956] представляли собой публикации текстов на бурятском языке на правах рукописи и наглядно демонстрировали изменяющийся подход к публикации первоисточников. Исследователи-издатели отказывались от редактуры и олитературивания эпических текстов и возвращались к принципам издания Ц. Ж. Жамцарано, А. И. Руднева, Н. Н. Поппе, старавшихся максимально сохранять язык и сюжеты улигеров. Безусловно, подобные моноязычные издания, хоть и вводили оригиналы-первоисточники в поле научной работы, но и ограничивали доступ исследователей, не владеющих бурятским языком.

В 1959 г. фольклорист М. П. Хомонов, выступая на конференции, озвучил целесообразность издания фольклорных произведений бурят с переводом на русский язык [Кузьмина 2024: 111]. Эта необходимость начала реализовываться в 1960-х гг., когда вышли в свет улигеры «Абай Гэсэр» [1960], переизданы «Абай Гэсэр-хубун» в двух частях [1961, 1964], «Еренсей» [1968] и др. Эти издания представляли собой новый академический этап публикации эпических материалов: тексты, переложенные на кириллицу, сопровождались научным переводом на русский язык, вступительной статьей, комментариями и примечаниями к бурятскому и русскому тексту фольклорного, лингвистического, этнографического и исторического характера, указателями персонажей и реалий, сведениями о сказителях. Научно-практическая значимость этих публикаций была очень высока. Думается, что именно с них по-настоящему началось введение бурятских эпических образцов в широкий научный оборот, и они послужили примерами для последующих изданий.

Однако и в 1960–1970-е, и в 1980–1990-е гг. продолжали издаваться тексты улигеров без переводов и научного аппарата. Так, в 1960 г. одной книгой изданы фольклорные материалы С. П. Балдаева [1960]. Книга уникальна тем, что в ней впервые была широко представлена эпическая традиция этнической Бурятии в целом – улигеры, записанные собирателем в Качугском и Осинском районах Иркутской области, Кижингинском, Еравнинском и Иволгинском районах Республики Бурятия и Агинском округе Забайкальского края. Но отсутствие перевода, безусловно, стало большим препятствием в привлечении их в качестве источников для исследовательской работы.

Это же можно констатировать и в отношении ряда других изданий [Үльгэрнүүд 1956; Балданжапов 1961; Буху хара хубун 1972].

В 1990-е гг. введение бурятских героико-эпических произведений в научный оборот вышло на новую ступень, продемонстрировав два равнозначных перспективных направления. В первую очередь, это было связано с созданием академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», во втором томе которой вышел улигер «Аламжи Мэргэн Молодой и его сестрица Агуй Гохон» [Бурятский героический эпос 1991]. Двуязычный текст сопровождается аналитической статьей, посвященной публикуемому улигеру, обзорной характеристикой в целом бурятского эпоса, истории его собирания и изучения, обширным научным аппаратом, фотоиллюстрациями и аудиоприложением с примерами звучащих фрагментов улигеров.

Другой подход к введению эпических образцов в научный обиход продемонстрирован Д. А. Бурчиной в ее книгах «Гэсэриада западных бурят. Указатель произведений и их вариантов» [1990] и «Героический эпос унгинских бурят: указатель произведений и их вариантов» [2007]. В этих работах эпические тексты даны в очень подробном систематизированном описании на русском языке. Подобный прозаический перевод позволяет провести глубокий анализ в плане текстологии, структуры и композиции улигеров; выделить мотивы, микро- и макросюжеты; определить индивидуальные особенности сказителей, соотношение вариативности и традиционности в исполнении улигеров. Эти две книги репрезентовали фактически в полном объеме богатую унгинскую эпическую традицию и сделали доступным для иноязычных исследователей большое количество достоверного аутентичного материала.

Все вышесказанное создает впечатление, что ввод эпических произведений бурят в научный оборот был обширным, поступательным и снабдил исследователей широкого круга разнообразным эпическим материалом. Но это впечатление обманчиво. В реальности за всю историю собирания и изучения бурятского эпоса с конца XIX в. по настоящее время опубликовано около 55 текстов. Бóльшая часть из них на бурятском языке, без перевода, и эти издания стали раритетами. Из этого количества в научных двуязычных изданиях опубликовано около 15 произведений. И в итоге вошли в научный оборот только тексты в двуязычных публикациях, что можно легко подтвердить ссылками на одни и те же издания в работах ученых разных направлений.

Если конец XX и начало XXI в., отмеченные ростом общественного интереса и повышенного внимания к народной культуре, привели в сибирской фольклористике к буквально массовым изданиям и переизданиям эпических образцов, в т. ч. и архивных, издававшихся томами и сериями в несколько десятков книг, то в бурятском эпосоведении ситуация, напротив, сложилась печальная. С 2000 г., после выхода книги Н. О. Шаракшиновой с текстами нескольких унгинских улигеров из ее личной коллекции, по 2022 г. не вышел ни один эпический текст в научной двуязычной публикации. В 2022 и 2024 гг. увидели свет улигеры из архива Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН [Бурятский героический эпос... 2022; Гэсэриада... 2024].

Изменяющийся мир, стремительное развитие общества и современные научные вызовы, а также такие факторы, как закрытость архивных фондов, физическое старение рукописей, некачественное хранение магнитных записей, требуют подхода к введению фольклорных источников с применением информационных технологий. И здесь на первый план выходят оцифровка архивных материалов и вышедших публикаций, вывод их в виртуальное пространство с целью формирования общедоступного электронного корпуса материалов и баз данных. Создание корпуса эпических текстов позволит сберечь находящиеся в архивах стареющие рукописи, хранить и давать доступ централизованно в наиболее удобном виде ко всем видам зафиксированных текстов. Единая электронная база данных эпических макро- и микросюжетов, мотивов и алломотивов, типических мест и т. д. ускорит и углубит текстологическую работу, даст специалистам свободный доступ для изучения генезиса и жанровой специфики эпоса, проведения сравнительно-сопоставительных и сравнительно-типологических исследований с эпосами народов мира.

Создание сайтов с обширным наполнением позволит аккумулировать в цифровом пространстве весь накопившийся исследовательский материал – работы ученых с начала фиксации и первых публикаций эпоса (конец XIX – начало XX в.) и по настоящее время; материалы экспедиций с полевыми заметками собирателей, часто содержащими ценный дополнительный материал; фото, аудио- и видеозаписи и т. д. Все это даст возможность работать с информацией в больших объемах и быстром темпе.

Обобщая, можно констатировать: на сегодняшний день существует три научных подхода к введению эпических образцов в научный оборот:

1. Академические двуязычные публикации одного или нескольких текстов в одном издании в сопровождении полного научного аппарата.

2. Составление Указателей сюжетов и мотивов, аннотированных каталогов на русском языке, позволяющих охватить в одном издании большое количество текстов.

3. Создание электронных корпусов, баз данных и специализированных сайтов. Этот подход включает в себя и два предыдущих.

В настоящее время бурятский эпический материал представлен в виде публикаций улигерных текстов, большинство которых стали раритетными, несколькими указателями, и практически не представлен в информационном пространстве. Безусловно, работы должны вестись именно в этом направлении.

Богатейшее эпическое наследие бурят – важный и невосполнимый источник по истории, материальной культуре, мировоззрению, менталитету, языку народа, настоятельно требует работ по вводу его в широкий научный оборот. Современные подходы, включающие в себя как классические научные публикации текстов, так и создание электронных баз данных, решают огромный круг задач научного плана, позволяют сохранить, транслировать и популяризировать памятники традиционной духовной культуры и дать адекватный ответ на запросы широкой аудитории, обращающейся к национальному культурному наследию.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Фольклор и литература монгольских народов в контексте культурного трансграничья») № 126020516673-5.

Источники и литература

Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения и буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН): ф. 36, д. 404 (Балдаев С. П. Сказители бурят-монголов).

Абай Гэсэр / подг. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова. – Улан-Удэ: [б. и.], 1960. – 314 с.

Абай Гэсэр-хубун. Эпопея (эхирит-булагатский вариант). Ч. I / подг. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. – Улан-Удэ: [б. и.], 1961. – 230 с.

Абай Гэсэр-хубун. Ч. II: Ошор Богдо и Хурин Алтай / подг. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. – Улан-Удэ: [б. и.], 1964. – 232 с.

Балдаев С. П. Бурят арадай аман зохёолой түүбэри / С. П. Балдаев. – Улан-Удэ: Бурядай номой хэблэл, 1960. – 410 н.

Балданжапов П. Б. Агын үльгэрнүүд / П. Б. Балданжапов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. – 127 с.

Бурчина Д. А. Гэсэриада западных бурят: указатель произведений и их вариантов / Д. А. Бурчина. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 449 с.

Бурчина Д. А. Героический эпос унгинских бурят: указатель произведений и их вариантов / Д. А. Бурчина. – Новосибирск: Наука, 2007. – 544 с.

Бурят-монгол ульгэр ба онтохонуудай сборник / найруулан зохёогшо А. И. Шадаев. – Улан-Удэ: Бурят-монгол гүрэнэй хэблэл, 1941. – 275 н.

Бурятские сказки и поверья // Записки ВСОРГО по отделению этнографии. – 1889. – Т. I. – Вып. 1. – С. 32–78.

Бурятский героический эпос / сост. М. И. Тулохонов. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 312 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Бурятский героический эпос «Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хүбүүн». «Хүхэрдэй мэргэн». – Улан-Удэ, 2022. – 360 с.

Гэсэриада предбайкальских бурят. Кн. 1. Аалиин шэнээн бэетэй Абай Гэсэр Богдо. Великий Абай Гэсэр Богдо. – Иркутск: Оттиск, 2024. – 224 с.

Еренсей / подг. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. – 207 с.

Кузьмина Е. Н. Научное издание эпоса в бурятской фольклористике: новая книга улигеров / Е. Н. Кузьмина // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2024. – № 2. – Вып. 50. – С. 109–119.

Материалы по бурятскому фольклору. Вып. 1: Дмитриев П. Д. Гэсэр. – Улан-Удэ: [б. и.], 1953. – 161 с.

Материалы по бурятскому фольклору. Вып. 2: Осодор Мэргэн. – Улан-Удэ: [б. и.], 1956. – 137 с.

Образцы народной словесности монгольскихъ племенъ. Тексты. Т. I: Произведенія народной словесности бурятъ. Вып. I: Эпическія произведенія Эхрит-булгатовъ. Аламжи-Мэргенъ (былина). – СПб.: Типографія Императорской академіи наукъ, 1913. – 158 с.

Образцы народной словесности монгольскихъ племенъ. Тексты. Т. I: Произведенія народной словесности бурятъ. Вып. II: Эпическія произведенія Эхрит-булгатовъ. Айдурай-Мэргенъ и Иренсей (былины). – СПб.: Типографія Императорской академіи наукъ, 1914. – 344 с.

Образцы народной словесности монгольскихъ племенъ. Тексты. Т. I: Произведенія народной словесности бурятъ. Вып. III: Эпическія произведенія Эхрит-булгатовъ. Ха-Оширъ хубун, въ двухъ редакціяхъ (былина). – Пг.: Типографія Россійской академіи наукъ, 1918. – 180 с.

Поппе Н. Н. Аларский говор: в 2 ч. Ч. 2 / Н. Н. Поппе. – Л.; Улан-Удэ, 1931. – 216 с.

Поппе Н. Н. Бурят-монгольский фольклорный и диалектологический сборник / Н. Н. Поппе. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 167 с.

Руднев А. Д. Хори-бурятский говор (опыт исследования, тексты, перевод и примечания). Вып. 1–3 / А. Д. Руднев. – СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума (отд-ние), 1913–1914.

Сказания бурят, записанные разными собирателями // Записки ВСОРГО по отделению этнографии. – 1890. – Т. I. – Вып. 2. – С. 1–39.

Буху хара хубун. Үльгэрнүүд. – Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1972. – 290 н.

Үльгэрнүүд. – Улан-Удэ: Бурят-Монголой номой хэблэл, 1956. – 164 с.

References

Centr vostochnyh rukopisej i ksilografov Instituta mongolovedeniya i buddologii i tibetologii SO RAN (CVRK IMBT SO RAN): f. 36, d. 404 (Baldaev S. P. Skaziteli buryat-mongolov).

Abaj Geser / podg. teksta, per. i komment. A. I. Ulanova. – Ulan-Ude: [b. i.], 1960. – 314 s.

Abaj Geser-hubun. Epopeya (ekhirit-bulagatskij variant). Ch. I / podg. teksta, per. i primech. M. P. Homonova. – Ulan-Ude: [b. i.], 1961. – 230 s.

Abaj Geser-hubun. Ch. II: Oshor Bogdo i Hurin Altaj / podg. teksta, per. i primech. M. P. Homonova. – Ulan-Ude: [b. i.], 1964. – 232 s.

Baldaev S. P. Buryat aradaj aman zohyooloj tүүberi / S. P. Baldaev. – Ulan-Ude: Buryadaj nomoj heblel, 1960. – 410 n.

Baldanzhapov P. B. Agyn үl'gernүүd / P. B. Baldanzhapov. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1961. – 127 s.

Burchina D. A. Geseriada zapadnyh buryat: ukazatel' proizvedenij i ih variantov / D. A. Burchina. – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1990. – 449 s.

Burchina D. A. Geroicheskij epos unginskih buryat: ukazatel' proizvedenij i ih variantov / D. A. Burchina. – Novosibirsk: Nauka, 2007. – 544 s.

Buryat-mongol ul'ger ba ontohonuudaj sbornik / najruulan zohyoogsho A. I. Shadaev. – Ulan-Ude: Buryat-mongol gүrenej heblel, 1941. – 275 n.

Buryatskie skazki i pover'ya // Zapiski VSORGO po otdeleniyu etnografii. – 1889. – T. I. – Vyp. 1. – S. 32–78.

Buryatskij geroicheskij epos / sost. M. I. Tulohonov. – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1991. – 312 s. – (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka).

Buryatskij geroicheskij epos «Hүjlen hүhe mor'toj Hүheldej Mergen hүbүүn». «Hүherdej mergen». – Ulan-Ude, 2022. – 360 s.

Geseriada predbajkal'skih buryat. Kn. 1. Aaliin sheneen beetej Abaj Geser Bogdo. Velikij Abaj Geser Bogdo. – Irkutsk: Ottisk, 2024. – 224 s.

Erensej / podg. teksta, per. i primech. M. P. Homonova. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1968. – 207 s.

Kuz'mina E. N. Nauchnoe izdanie eposa v buryatskoj fol'kloristike: novaya kniga uligerov / E. N. Kuz'mina // Yazyki i fol'klor korennyh narodov Sibiri. – 2024. – № 2. – Vyp. 50. – S. 109–119.

Materialy po buryatskomu fol'kloru. Vyp. 1: Dmitriev P. D. Geser. – Ulan-Ude: [b. i.], 1953. – 161 s.

Materialy po buryatskomu fol'kloru. Vyp. 2: Osodor Mergen. – Ulan-Ude: [b. i.], 1956. – 137 s.

Obrazcy narodnoj slovesnosti mongol'skih" plemen". Teksty. T. I: Proizvedeniya narodnoj slovesnosti buryat". Vyp. I: Epicheskiya proizvedeniya Ekhrit-bulgatov". Alamzhi-Mergen" (bylina). – SPb.: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk", 1913. – 158 s.

Obrazcy narodnoj slovesnosti mongol'skih" plemen". Teksty. T. I: Proizvedeniya narodnoj slovesnosti buryat". Vyp. II: Epicheskiya proizvedeniya Ekhrit-bulgatov". Ajduraj-Mergen" i Irensej (byliny). – SPb.: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk", 1914. – 344 s.

Obrazcy narodnoj slovesnosti mongol'skih" plemen". Teksty. T. I: Proizvedeniya narodnoj slovesnosti buryat". Vyp. III: Epicheskiya proizvedeniya Ekhrit-bulgatov". Ha-Oshir" hubun, v" dvuh" redakciyah" (bylina). – Pg.: Tipografiya Rossijskoj akademii nauk", 1918. – 180 s.

Poppe N. N. Alarskij govor: v 2 ch. Ch. 2 / N. N. Poppe. – L.; Ulan-Ude, 1931. – 216 s.

Poppe N. N. Buryat-mongol'skij fol'klornyj i dialektologicheskij sbornik / N. N. Poppe. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1936. – 167 s.

Rudnev A. D. Hori-buryatskij govor (opyt issledovaniya, teksty, perevod i primechaniya). Vyp. 1–3 / A. D. Rudnev. – SPb.: Tip. V. F. Kirshbauma (otd-nie), 1913–1914.

Skazaniya buryat, zapisannye raznymi sobiratelyami // Zapiski VSORGO po otdeleniyu etnografii. – 1890. – T. I. – Vyp. 2. – S. 1–39.

Buhu hara hubun. Yl'gernүүd. – Ulaan-Yde: Buryaadaj nomoj heblel, 1972. – 290 n.

Yl'gernүүd. – Ulan-Ude: Buryat-Mongoloj nomoj heblel, 1956. – 164 s.

УДК 930 (571.54)
ББК 63.2 (2р54)
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-103-109

И. А. Зыков, Б. Ц. Жалсанова

ГОРОД ВЕРХНЕУДИНСК В ПЕРВЫЕ ДНИ ПОСЛЕ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(по дневникам верхнеудинского мещанина Николая Бурлакова)

В статье на основе дневниковых записей верхнеудинского мещанина Николая Бурлакова анализируется повседневная жизнь г. Верхнеудинска в первые дни после начала Первой мировой войны.

Ключевые слова: дневники, история повседневности, Первая мировая война, Верхнеудинск, источники личного происхождения.

I. A. Zykov, B. Ts. Zhalsanova

THE CITY OF VERKHNEUDINSK IN THE FIRST DAYS AFTER THE OUTBREAK OF THE FIRST WORLD WAR
(Based on the Diaries of Verkhneudinsk Meshchanin Nikolay Burlakov)

This article, based on the diary entries of Verkhneudinsk meshchanin Nikolay Burlakov, analyzes the everyday life of the city of Verkhneudinsk in the first days following the outbreak of the First World War.

Keywords: diaries, history of everyday life, First World War, Verkhneudinsk, personal sources.

В современной отечественной историографии документы личного происхождения становятся ценными источниками для исследования событий и истории повседневности. В Государственном архиве Республики Бурятия хранится фонд личного происхождения Николая Николаевича Бурлакова, верхнеудинского мещанина, учителя, краеведа, фотографа-любителя, который отражает мир простого человека, его быт и отношение к происходящим событиям. В фонде 175 дел за 1830–1966 гг. Видовой состав документов – рукописи стихотворений, рассказов, поэм Н. Н. Бурлакова, личная и служебная переписка, личные и служебные документы, фотографии и уникальные дневники – хроники за 1905–1925 гг., раскрывающие историю повседневной жизни Верхнеудинска в начале XX в.

Н. Н. Бурлаков родился 24 ноября 1856 г. в г. Верхнеудинске в семье мещанина. После окончания Верхнеудинского уездного училища работал учителем, чиновником. Так случилось, что он остался один с тремя детьми без работы и многие годы терпел лишения и крайнюю нужду. Несмотря на жизненные трудности, он занимался литературной деятельностью, астрономией, музыкой (играл на скрипке, гитаре, гармони), вел метеорологические наблюдения, собирал материалы по краеведению и серьезно увлекался фотографией. Неординарность его творческой личности позволила архивистам создать фонд личного происхождения, который является бесценным с точки зрения источниковедческого потенциала.

Авторы публикации выбрали четыре записи из дневника Н. Н. Бурлакова, которые отражают жизнь г. Верхнеудинска в первые дни Первой мировой войны: об объявлениях о мобилизации по городу, мобилизации лошадей от населения, продажах солдатского белья и др.

ЗЫКОВ Илья Александрович – магистрант Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: ZykovIlyaAlexsandrovich@yandex.ru.

ЖАЛСАНОВА Бутит Цыдыпмункуевна – доктор исторических наук, директор Государственного автономного учреждения культуры Республики Бурятия Государственный архив Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: butit62@mail.ru.

Мобилизация была объявлена Николаем II на 18 июля 1914 г.: первоначально ряд военных округов получил телеграмму о начале мобилизации 17 июля 1914 г., что и было использовано как непосредственное руководство к действию (составлялись призывные списки, назначались места сбора призываемых и т. п.). Однако ее официальное начало было перенесено на 18 июля. В мобилизационной телеграмме за подписью военного, морского министров и министра внутренних дел, направленной Генштабу 17 июля 1914 г., говорилось: «Высочайше повелено привести армию и флот на военное положение и для сего призвать чинов запаса и поставить лошадей согласно мобилизационному расписанию 1910 г. точка первым днем мобилизации следует считать 18 сего июля 1914 г.» [Казаков 2008: 86–89]. Именно с этой телеграммы можно вести отсчет времени по организации всеобщей мобилизации. В первую очередь призывались запасные нижние чины и поставлялись от населения лошади.

Отдаленность от фронта военных действий отражалась на обстановке в Верхнеудинске: идет обычная жизнь, рынки продолжают работать, издаются газеты. Но, судя по дневниковым записям, жизнь постепенно меняется: площадь заполнена людьми, полицейскими и лошадьми, а основной темой обсуждения становится далекая война в России. Об этом свидетельствует разговор Н. Н. Бурлакова с солдатом: «Война, значит!» – говорю ему. – «Да, война». – «Тут?» – «Там, в России». Он в своих записях рассуждает, кто с кем воюет, чью сторону примет Англия, при этом надо отметить, что это человек грамотный, образованный, читающий газеты и журналы.

Для сравнения приведем письмо Б. Э. Петри из г. Петрограда Андрею Михайлову от 29 октября 1914 г.: «Надеюсь, что на вас война не отразилась, кроме лошадей, ничем. У нас многие разорились, иные потеряли сыновей, а кто и отца или мужа. В Петрограде масса раненых. Мы в Академии устроили тоже госпиталь на 65 человек. Страшно думать, сколько народу гибнет. Ну да бог за нас, и жертвы не напрасны» (цит. по: [Жалсанова 2025: 79]). Лишь 4 января 1915 г. Н. Н. Бурлаков пишет, что объявлен призыв новобранцев, под который попадал его старший сын Василий, и с этого момента в его записях появляется тревожность.

Документы личного фонда Н. Н. Бурлакова, его дневниковые записи являются ценным историческим источником, которые требуют глубокого исследования. С изучением документов фонда приходит понимание, что история состоит из ежедневных частных событий в жизни каждого человека.

18 июля (31 июля)* 1914 г.

По воду поехал в 6 час. утра.

ВОЙНА!.. По Лосевской улице [I], не доезжая еще до моста, вижу в витрине красное объявление. Останавливаюсь. Свеженаклеено. Мобилизация! По высочайшему повелению призываются все чины армии и флота. Первый день мобилизации сегодня 18-го июля, а завтра 19-го призываемые являются к воинскому начальнику. Войска из лагерей двинулись. Батарея еще вчера вышла из лагерей пока на Березовку [II] – штабквартиры – потом куда – не знают. Вчера, идя с базара, слышу тревожный звонок на каланче [III], к пожару… Пешеходы останавливаются, смотрят на каланчу и каланчиста [IV]… А ветер дует изрядно! Остановился и я. Но дальнейшей тревоги не заметно, каланчист видно ошибся.

Тут, около сада [V] стоит с лошадью в двуколке (двуколяске) солдат. Спросил у него – нет ли печеного хлеба. Нет, но продает, когда бывает. Солдат парень оказался еврей. Он 17-го полка [VI] – здешнего значит. Спрашиваю: куда – не на маневры ли пошла батарея? И какие части войска еще вышли из лагерей? – Говорит: батарея вышла пока на Березовку, там неизвестно куда; еще выступили, еще накануне, 19-й и 20-й полки [VII] в составе ¾ каждый, тоже неизвестно куда. – «Война, значит!» – говорю ему. – Да, война. – Тут? – Там, в России. – Кто с кем? – Англия там, Америка, да Франция… – В России то? – Да. – А еще? – Еще, вот это… как… Австрия да Сербия, еще… – А вот 17-й пока здесь? – Здесь, пока…»

* В скобках – дата по новому стилю.

Вчера же я хотел (за 2 коп.) купить старый № «Сибири» [VIII], т. е. вчерашний, с телеграммами. Но ни свежих, ни старых газет не было. И тут у будочки увидел «редактора-издателя» здешней газетушки фамилию, т. е. прозвание которой […] кажется «Верхнеуд[инский] листок» [IX]. Издатель давал сверток своих газет в будочку для продажи. Я пошел, и он вместе до второй будочки – витрины, где тоже отдал для продаж сверток. «Отчего телеграммы в своей газете не печатаете?» – спрашиваю его. А газета его ровно в писчий лист и вся полна объявлениями. – «А вот буду печатать, завтра начну печатать», – сказал он. А вечером, вчера же, встретил опять на базаре овощном этого издателя Золотарева, он с корзиною в руках покупал чего-то, наторговал ягод земляники и купил за полтину туесок голубики и – бестолковый – самой плохой сузелени [X]. И чтобы ссыпать ягоду в корзинку, он вытащил из кармана и разостлал на дно корзинки № своей газеты, новенький – «так вот куда вы предназначаете свою газету!» – заметил я. – «Это лишний» – краснея, отвечал «издатель», держа корзину, в которую продавец высыпал голубику.

День ясно-тихий. Утром ходил за провизией, потому что дома почти нет. – 2-ой час ночи!

[ГАРБ. Ф. Р-294 Оп. 1. Д. 44. Л. 88. Рукопись. Подлинник].

20 июля (1 августа) 1914 г.

В 5 час. утра выходил я во двор, приоткрывал из комнаты ставни и створки, чтобы и воздуху свежего впустить в комнату и мухи, чтобы повылетели в щели окон и из-за мух то не хотелось открывать окна, пока они повылетят. И из-за этого «пока» я еще спал и встал около 7 час[ов]. Павел уже в 5 ч[асов] таскал воду и поливал свой сад, а к 7 час[ам] свою полосу во дворе. Я выпустил и покормил цыплят, открыл окна, подмел у дров и стал подметать в садике у цыплят.

Городовой пришел. – «Здесь коллежский асессор Бурлаков?». – «Здесь». «А где он?». – «Я самый». – «Вы». – «Я». Смотрит городовой и недоумевает. А я с босиком и с веником, но в шляпе и с ремнем на рубашке. – «В чем дело?» – «Да вот г[осподин] уездный начальник послал вам сказать, чтобы пришли сейчас в полицейское управление, там будет комиссия по приемке лошадей». – «Это для мобилизации?» – «Да». – «Так я то зачем?» – «Да вы избраны в комиссию». – «Но для этого надо бы накануне повестку послать». – «Повестки были заготовлены». «Когда же надо идти?» – «Сейчас. Начальник ждет в полиции». – «Хорошо, через полчаса. Я умоюсь, не мылся еще».

Ушел городовой. А я принялся скорее доуборывать в садике. Но городовой вернулся снова и сказал, что это не меня просили, а Павла. – «Но что он понимает в лошадях!» – сорвалось у меня осуждение. «Не знаю, но у него бумаги» – отвечал городовой: «Бумаги от управы». Ушел городовой, окончил я уборку и стал мыться и думаю: почему же городовой спросил – коллежский асессор. Разве Павел себе чинов понаписал в свой аттестат.

Моюсь. Слышу опять кто-то спрашивает меня и входит в комнату. А в прихожей на полу спит Надя, а в спальне на кровати – Вася. Шура спал на крыльце и уже встал. Я вышел мокрый. И вижу – сам начальник уездный Чайкин и тоже, как я Н. Н., вошел за ним в прихожей городовой. (Служа здесь в 1892–1895 гг. в полицейском управлении столоначальником, я принял дела II стола от столоначальника Афанасьева, который был здесь уездным начальником и теперь в Троицкосавске, а передал по сдаче должности дела этому Чайкину). Извинился он сначала и говорит: «Вас надо, вы избраны в первую комиссию. Приемка будет не в полиции, как думали, а на площади около воинского начальника, там, знаете, на горе». – «Знаю». – «Так туда приходите часам к восьми, я там буду». – «Хорошо, присядьте, пожалуйста». – «Нет, уж тороплюсь, дел много».

Была половина 8-го. Я домылся, одел сапоги. Шура стал варить чай, но ждать чай долго, и я холодного выпил чайку и пошел в 7 ч[асов] 45 м[инут].

А на С[еверо]-В[остоке] скопилась тучка, тянутся от нее беленькие полоски дождя, блеснула ярко молния и гулко раскатился гром, потом еще раскат грома. «Это завтра Ильин день» – подумал я. Подошел к дому Управления воинского начальника. Офицеры, солдаты тут и запасные начинают подходить. Спросил одного офицера, сидевшего на скамье комиссии. Он тоже ждет этой комиссии.

– «А вы в которой комиссии?» – «В первой» – говорит офицер. – «А сколько всех комиссий?». – «Четыре, кажется». Он показал список, сколько надо первой комиссии принять лошадей (больше 400). У него и была инструкция о приемке лошадей, и он дал мне книжку. Я сначала в очках, потом так читал: рост 1 арш[ин] 14 верш[ков], грудь, копыта и т. д. Это надо прочитать бы толком по рублю. Стал спрашивать о начальнике, сказали, что он дальше на площади ждет. Пошли – язык до Киева доведет – нашли его у городского нагорного пожарного колодца. Он был в помещении колодца, там стоял и канцелярский стол. Вышел он и говорит мне: «Простите, великодушно! Это не вас, а вот того» – указал он в помещение; у него и бумаги от управы. «Простите, пожалуйста, побеспокоил». Раскланялись мы с рукопожатием. Тут стоял Старков, отставной телеграф – пенсионер и гласный думы, вечно любопытный, любитель посплетничать, спросил он как это случилось. Я рассказал. – «Неужели сам начальник заходил?». – «Да, сами. Ведь я никакой повестки не имел». – «А мне была повестка – я избран во вторую комиссию и она, говорят, будет завтра. Вот они повестки!». И он показал один красный конверт с адресом: «гласному думы (такому-то). И другой такой же красный (война) вынул и показал с таким же адресом. Побеседовали еще, и я пошел домой.

Дождик из тучки чуть накрапывал, и она таяла. Пришел домой, взял бутылку и сумку и пошел на базар за молоком и проч., вернулся и пили чай.

Солдаты, идя в поход, продают на базаре свои пожитки и по дешевке сапогов бы надо купить, а не на что. Купил два платка за 10 коп. потом Шура у ворот встретил солдат с продажей, зашли они во двор и тут купил у них: чулки шерстяные 30 коп., носки шерстяные 15 коп., башлык новый 10 коп., 2 наволочки солдатские, одна ситцевая, все за 20 коп., два платка срядился за 8 коп., отдал 10 коп., всего на 80 коп. Еще предлагали рубашки не форменные, да подштанники, – отказался. Денег нет!

Расходу сегодня, как у богатого – 2 руб. 15 коп., за булку и за хлеб – 74 коп., сахар, керосин, спички. И осталось от Лизиной присылки только одна копейка!

Еды жевательной нет, а читательной – обилие! Сегодня Вася подписался в библиотеке по 2-му разряду и принес «Нивы» 6 №, по 2 № «Вокруг света» и «Природа людей», 5 № «Будильника» от Карякина (Русское собрание), пять или шесть № газеты «Земщины» и «Русское знание». Да почта принесла журнал «Отрезвление» с книжками и листками. Читанья – гора! И сегодня весь день читали. <…>

[ГАРБ. Ф. Р-294. Оп. 1. Д. 44. Л. 88об.–89об. Рукопись. Подлинник].

21 июля (2 августа) 1914 г.

В 5 час[ов] утра застучали в окно. Вася или Шура [XI] отложили ворота. Это приехал из Сотникова Скуратов Валентин с товарищем сдавать коней по мобилизации. Они оставили телегу во дворе, а с лошадьми ушли на сборный пункт. К обеду они не пришли, а вечером пришел сперва Митрофан Шубин, пил с нами чай (его коня забраковали почему-то), потом – Валентин и он сел за чай. Потом, уже поздним вечером еще варил я чай, сготовил варить щи, да Тетка [XII] слопала из котла. И Валентин пил чай. Его коня приняли, цена, кажется, 80 руб. обозный 1-го разряда.

Письма ходил в час сдать на почту: 1) в Троицкосавск Сердюкову, с предложением автомобилей и совет – устроить лесопилку* на мельнице бывшей Фролова, которой наследница дочь Фролова – Сердюкова. Это писал потому, что видел расклеенным объявление о ликвидации дел мельницы и продажи разного лесного материала. 2) В Новониколаевск плем[янни]ку Н. А. Бурлакову – начальнику телеграфа Алтайской ж[елезной] дороги, а также [поезда].

Ясно, жарко, тихо сегодня. В полдень на солнце термометр (выставил Шура) поднялся выше 45° и заполнил всю трубку, так что можно считать жару на солнце больше 50 °R!... [XIII] А в комнаты, при закрытых и южной, и западной стороны было около 23 °R. Жарко и душно! Но сегодня во весь день ни единого облачка на небе. И гроза нигде не казалась! Прошел день «Ильи – гремящего пророка» [XIV]! И теперь – в половине 1-го ночи при открытом окне в столовой, открытых дверях на крыльце, и неплотно припертом окне в садике, при открытых посторонней и самоварной трубы, тепла

* Два раза написал слово «лесопилку».

в комнате 21°. Жара и душность такая, как будто ночь у меня было жарко натоплено. Но печь холодна, и труба не закрыта и не закрывалась с апреля месяца. Откуда же плывет в наши комнаты этот жар!... (?)

Купался – мыться ходил около 2-х часов дня, перед обедом.

Война! Германия объявила войну России [XV]! Борьба народов и первая воздушная война в XX веке!... Какие державы будут в бою? Австрия с Германией и Италией. А Россия с Сербией и Францией. Англия? К кому Англия примкнет? Если сначала к России, потом отделится и пойдет против России, то к Англии примкнет Япония. Могут, пожалуй, за Россию пойдут Румыния и Черногория, но это мелкие единицы, то разве Китай да Индия, которым надоело владычество Англии. Битва народов! Но что худо, так это то, что вступают в борьбу христианские народы!... Ослабнут они от этой войны, а буддисты, магометане – усилятся, евреи же обогатеют! Золото военных пойдет в ихние карманы.

Час ночи!

P. S. Кроме Валентина, еще ночуют трое сотниковцев, прибывших с конями.

[ГАРБ. Ф. Р-294. Оп. 1. Д. 44. Л. 90. Рукопись. Подлинник].

29 июля (11 августа) 1914 г.*

В ½ 8-го встал. Открыл окна и умылся, чтобы пойти на базар за куплей. Пришла Саша, она приехала с дачи с Масловым. Встал Шура, проснулась Надя и Васю разбудила Саша. Саша привезла для прочтения № Сибири и телеграммы вчерашние, но мы это уже читали. Шура стал ставить самовар, а я пошел на базар за покупками. Купил моркови, свеклы, укропу стебель, шишек кедровых 20 за 11 коп., ягоды голубицы за 10 коп. в свой туесок, молока бутылку.

Пошел обратно через хлебный базар, как всегда. А на хлебном базаре не то что воза, но ни единого мешка муки нет и не сегодня, а уже несколько дней, зато, в эти дни мобилизации базар полон народу, как на ярмарке. Продают и вещи разные, но больше всего солдатское белье: рубашки, кальсоны, простыни, полотенца, платки – все новые, потом – брюки, мундиры (редко) шинели, сапоги и прочий домохозяйственный скарб. А мне надо сапоги, и я уж не купил их, ибо купило мое уже израсходовалось… С базара прошел в лавку китайскую, купил чаю байхового ¼ фунт** за 35 коп., потом домой. И опять на базар – хлеба купил у хлебницы и хлеб оказался ОПЯТЬ С ПЕСОЧКОМ, значит из […] муки. Сели за чай. Тут я вспомнил про голубику: где же туесок-то?.. Дома нет его, значит оставил, когда покупал молоко или чай в лавке. Потом, после чаю, читал газеты, которые Вася принес из библиотеки и телеграммы. В них Манифест об объявлении Австро-Венгрией войны России, от 26 апреля [XVI]. По ходу событий это и должно было быть политика мировая, это шахматная доска. А дальше кто какую кому объявит войну, – трудно сказать…

Читал газеты до часу, щи не варил – посуда не мыта, а мясо лежало и припахло, Шура стал его жарить, а перемыл его в трех водах и круто посолил. Вместо обеда пили чай кирпичный с молоком и с маслицем белили, которое сбегал я, купил ½ фунта. Потом ходил купить овса курам – уже рубль пуд, – зашел в китайскую лавку, но туесок с голубицей там не оказалось, значит забыл его на базаре, да еще там же из корзины у меня вытянули мешок тоненький, брал его под овес.

А что у нас деется в городе? Площадь, особенно перед полицией, полна народом, идет мобилизация по приему лошадей. И на площади видишь каждый день сотни две-три лошадей.

Почта: 1) Пр[ейс]курант кинематографов «[К…]» 2) Списки граммофонных пластинок муз[ыкального] магазина Мечакова в Москве.

Половина 3-го ночи!

[Там же. Л. 94. Рукопись. Подлинник].

---

* Пропущены записи за 22, 24–28 июля, так как в них идут записи бытового характера.

** 1 фунт (русский) – 0,4 кг.

Примечания

I. Лосевская улица, в настоящее время – ул. Коммунистическая. Постановлением Верхнеудинского городского исполнительного комитета от 13.06.1924 Лосевская улица переименована в ул. Юного Коммунара. Постановлением Президиума Улан-Удэнского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 29.07.1937 № 74 ул. Юного Коммунара переименована в улицу им. Сталина. Постановлением исполкома Улан-Удэнского городского Совета депутатов трудящихся от 13.11.1961 № 300 ул. Сталина переименована в ул. Коммунистическую.

II. Березовка – название пос. Нижняя Березовка, который образовался как военный городок после Русско-японской войны. К 1911 г. в Нижней Березовке размещались 2-й Сибирский армейский корпус под командованием генерал-лейтенанта Эрисхана Алиева, 18-й Восточно-Сибирский стрелковый полк (князь полковник Илья Захарович Макаев), саперный батальон, командир Карл Иванович Моравский, 5-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия, командир Сергей Евстафьевич Дебеш, 1-я Сибирская стрелковая бригада под командованием генерал-майора Михаила Владимировича Линдестрема, 2-й Сибирский железнодорожный батальон, командир Михаил Антонович Печковский, артиллерия Верхнеудинского гарнизона (генерал-майор Горячев). В 1959 г. произошло переименование пос. Нижняя-Березовка: решением исполкома Улан-Удэнского городского Совета депутатов трудящихся от 08.06.1959 № 187 § 18 «в связи с 40-летием со дня гибели старейшего члена Коммунистической партии Советского Союза тов. Вагжанова А. П. и отмечая его активную революционную деятельность в городе Улан-Удэ, в целях увековечивания памяти тов. Вагжанова А. П.» предместье Нижняя-Березовка было переименовано в предместье им. Вагжанова.

III. Каланча – наблюдательная башня при пожарной (полицейской) части.

IV. Каланчист – истопник, работник при каланче.

V. Возможно, речь идет об Александровском саде, который был устроен в Верхнеудинске. В 1911 г. согласно постановлению Верхнеудинской городской думы городской сад на Базарной площади получил название Александровского: «<…> Городская дума в заседании 19 февраля 1911 г. постановила: ходатайствовать о разрешении наименовать городской сад на Базарной площади в память царя-освободителя “АЛЕКСАНДРОВСКИМ” и поставить в этом саду металлический бюст ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II на гранитном пьедестале. На расходы по этому предмету ассигновать из городских средств триста рублей и просить разрешения открыть подписку среди местного населения на сбор добровольных пожертвований на поставку в городском саду бюста ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II». На это ходатайство последовало высочайшее соизволение государя императора с тем, чтобы проект памятника был своевременно представлен Думой на утверждение в установленном законом порядке. Городская управа постановила: «памятник ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II поставить в Александровском саду, как это было высочайше разрешено <…>» [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2799. Л. 37об.].

VI. Речь идет о 17-м Сибирском стрелковом полке, который квартировался в Нижней Березовке. После начала Первой мировой войны 4 сентября 1914 г. полк в составе 5-й Сибирской стрелковой дивизии отправлен на Северо-Западный фронт.

VII. Речь идет о 19-м и 20-м Сибирских стрелковых полках, которые квартировались в Нижней Березовке. После начала Первой мировой войны 4 сентября 1914 г. полк в составе 5-й Сибирской стрелковой дивизии отправлен на Северо-Западный фронт.

VIII. Сибирь – возможно, имеется в виду газета «Сибирь», которая издавалась в г. Иркутске в 1873–1887, 1906–1916 гг.

IX. Н. Н. Бурлаков ошибочно пишет о газете «Верхнеудинский листок», на самом деле эта газета выходила с января 1905 г. по ноябрь 1906 г. Главным редактором газеты был Иван Окунцов, преподаватель Восточного университета.

X. Сузелень – устаревшее слово, означает зеленоватость, прозелень, блекло-зеленый цвет или же недозревший, еще зеленоватый на корню хлеб.

XI. Вася, Шура – сын и дочь Н. Н. Бурлакова.

XII. Тетка – кличка дворовой собаки.

XIII. Возможно, речь идет о спиртовом термометре, изобретенном в 1730 г. Р. А. Реомюром. Температура воздуха исчисляется по шкале Реомюра. 1 °R равен 1,25 °C.

XIV. Ильин день – православный праздник в честь ветхозаветного пророка Илии, отмечается 2 августа.

XV. Николай II Манифестом от 20 июля 1914 г. сообщил народу об объявлении Германией войны России.

XVI. Допущена ошибка – вместо 26 июля написано 26 апреля. Николай II Манифестом от 26 июля 1914 г. сообщил об объявлении Австро-Венгрией войны России.

Источники и литература

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. Р-294 (Бурлаков Николай Николаевич (1856–1928) – учитель, краевед, фотограф-любитель), оп. 1. д. 44; ф. 10 (Верхнеудинская городская управа, г. Верхнеудинск (1875–1920)), оп. 1. д. 2799.

Казаков А. Е. Особенности организации военной мобилизации в России в 1914 г. / А. Е. Казаков // Новые российские гуманитарные исследования. – 2008. – № 3. – С. 86–89.

Жалсанова Б. Ц. Верхнеудинск – Улан-Удэ: история города в названиях улиц. К 350-летию города Улан-Удэ / Б. Ц. Жалсанова. – Иркутск: Оттиск, 2016. – 431 с.

Жалсанова Б. Ц. «Позволите прибегнуть к вашим знаниям бурятской седой старины…». Письма этнографа Б. Э. Петри бурятскому общественному деятелю, купцу А. Михайлову и его сыну В. Михайлову. 1913–1915 гг. / Б. Ц. Жалсанова // Отечественные архивы. – 2025. – № 3. – С. 73–81.

References

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB): f. R-294 (Burlakov Nikolaj Nikolaevich (1856–1928) – uchitel’, kraeved, fotograf-lyubitel’), op. 1. d. 44; f. 10 (Verhneudinskaya gorodskaya uprava, g. Verhneudinsk (1875–1920)), op. 1. d. 2799.

Kazakov A. E. Osobennosti organizacii voennoj mobilizacii v Rossii v 1914 g. / A. E. Kazakov // Novye rossijskie gumanitarnye issledovaniya. – 2008. – № 3. – S. 86–89.

Zhalsanova B. C. Verhneudinsk – Ulan-Ude: istoriya goroda v nazvaniyah ulic. K 350-letiyu goroda Ulan-Ude / B. C. Zhalsanova. – Irkutsk: Ottisk, 2016. – 431 s.

Zhalsanova B. C. «Pozvolite pribegnut’ k vashim znaniyam buryatskoj sedoj stariny…». Pis’ma etnografa B. E. Petri buryatskomu obshchestvennomu deyatelyu, kupcu A. Mihajlovu i ego synu V. Mihajlovu. 1913–1915 gg. / B. C. Zhalsanova // Otechestvennye arhivy. – 2025. – № 3. – S. 73–81.

УДК 930:338(571.53)
ББК 63.1(253.5)6
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-110-115

В. Н. Казарин

ОЦЕНКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА 1920–1930-х гг.

В статье рассмотрены оценки индустриального освоения Восточной Сибири на рубеже 1920–1930-х гг. после проведения экономического районирования, данные современниками. Проанализированы основные прогнозы промышленного развития региона на ближайшую и среднесрочную перспективу. Отмечено, что ученые и публицисты отдавали предпочтение освоению минерально-сырьевой базы, строительству железнодорожной сети и программе промышленного использования гидроэнергии Ангаро-Енисейского бассейна.

Ключевые слова: индустриальное освоение Восточной Сибири, экономическое районирование, проекты промышленного развития региона, рубеж 1920–1930-х гг.

V. N. Kazarin

ESTIMATES AND PROSPECTS OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF EASTERN SIBERIA IN SCIENTIFIC-JOURNALISTIC LITERATURE OF THE BOUNDARY OF THE 1920s – THE 1930s

In article estimates of industrial development of Eastern Siberia at a boundary of 1920-h–1930-h, after carrying out economic division into districts, given by contemporaries are considered. The main forecasts of industrial development of the region for the near-term and medium term are analyzed. It is noted that scientists and publicists gave preference to development of mineral resources, construction of a railway system and the program of industrial use of hydraulic power of the Angaro-Eniseysky pool.

Keywords: industrial development of Eastern Siberia, economic division into districts, projects of industrial development of the region, a boundary of the 1920s – the 1930s.

Рубеж 1920–1930-х гг. – период окончательного свертывания новой экономической политики (НЭП) и форсированного перехода на плановую экономику, начало осуществления грандиозных задач первой пятилетки. Это породило значительное количество научной и публицистической литературы современников, оценивавших этот поворот и перспективы дальнейшего индустриального развития, в т. ч. и в таком огромном регионе, как Восточная Сибирь.

Актуальна ли эта тема в наши дни? Обращаются ли к ней сегодня? Отметим лишь региональные публикации последних дет, имеющие отношение к проблеме [Кальмина 2025: 62; Самаруха В., Самаруха А. 2025: 94; Чупров 2020: 509; Шалак 2021: 147].

Цель настоящей публикации – показать, как современники, ученые и практики оценивали экономическое состояние и ближайшее промышленно-транспортное будущее Восточной Сибири.

Источниковой основой статьи послужили публикации авторов, хорошо знавших хозяйственную ситуацию в регионе, отраженные в брошюрах, журнальных статьях и материалах конференций.

В 1925 г. был создан Сибирский край, включавший бывшие Омскую, Новониколаевскую, Алтайскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии, Ойротскую автономную область. В 1927 г. состоялся I Сибирский краевой научно-исследовательский

КАЗАРИН Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Байкальский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: kazarinvik@yandex.ru.

съезд, обсуждавший перспективы развития региона. Один из участников И. И. Осипов оценивал перспективы Сибирского края весьма оптимистично. Он указывал, что в целом по хозяйственной плотности край был равен Нижне-Волжскому экономическому району и близок к Приуральскому [1927: 6–9].

Интересно и поучительно посмотреть оценку будущего Сибири видных деятелей Союза ССР тех лет Л. Д. Троцкого и Г. М. Кржижановского. Л. Д. Троцкий (1927) подчеркивает, что «Сибирь резюмирует не только свою собственную, не только историю бывшей царской России, но и мировую историю». По его мнению, Сибирь – это увеличительное зеркало наших общерусских противоречий. Какой вывод решения этих противоречий предложил Троцкий? «В первую голову» это экспорт «неисчислимого сибирского сырья; леса, хлеба, ископаемых, животных (диких и домашних), рыбы и производимых из них продуктов». А «основная линия для Сибири» должна была заключаться в следующем: индустриализация, направленная на транспорт – подъездные пути, шоссе, железные дороги, каналы, на создание элеваторов, холодильников, мельниц, маслодельных, сыроваренных, консервных, беконных и прочих заводов. Сибирь «во все возрастающем количестве» должна была вывозить бекон в Англию, который очень любили «британские империалисты». Сибирь являлась «глубоким тылом» Советского Союза. «Но ось мирового хозяйства перемещалась в сторону Америки, с Атлантического на Тихий океан. Поэтому, мы говорим трудящимся Советского Союза и в первую голову трудящимся Сибири: “Глаза на Шанхай! Там решается сейчас добрая доля вашей судьбы!”» [1927: 9–10, 14, 17]. Как видим, Л. Д. Троцкий не изменил своим идеям «мировой революции» и модернизации страны, направленной на усиление аграрного экспорта. Сибирь в международном разделении труда должна была играть роль поставщика сельскохозяйственной продукции развитым капиталистическим странам.

По мнению Г. М. Кржижановского, ученого и общественного деятеля, «все строительство в Сибири – это борьба с пространством». Главным для нее было «колоссальное железнодорожное строительство». Основным был «нажим в Сибири на тяжелую индустрию, на развитие энергетических баз». Наряду с этим необходимо было продумать вопрос и о культурно-энергетической сети. Актуально звучит вопрос об ископаемых богатствах Сибири и утилизации этих богатств, «это даже не вопрос СССР, а вопрос мирового порядка». Именно в этом ученый видел перспективу развития Сибири и мировой борьбы в целом [1930: 8–10]. Опора на индустриальное развитие региона.

Особое место в дискуссиях отводилось экономическим перспективам Восточной Сибири, связанным с возможностями использования гидроресурсов р. Ангары. Целесообразно посмотреть на оценки современниками состояния и перспектив промышленного развития наиболее крупных округов. Иркутский округ был выделен из состава бывшей Иркутской губернии в 1926 г. Ученый-экономист, профессор К. Н. Миротворцев оценивал границы округа как крайне неудачные. В территорию округа вклинивались с юго-востока на северо-запад аймаки западной части Бурят-Монгольской республики – Эхирит-Булагатский, Боханский и Аларский. Кроме того, в состав Иркутского округа включили Бодайбинский район, расположенный в нижнем течении Витима и отдаленный от остальной части Иркутского округа южной частью Киренского округа [1929: 5]. С другой стороны, экономическое положение округа среди других округов Сибирского края было вполне достойно. Округ был богат природными богатствами. В Бодайбинском районе на севере продолжалась разработка россыпного золота, на территории Черемховского и Заларинского районов располагались залежи каменного угля, соли – в Усолье-Сибирском, каолина – в Хайте, слюды – на р. Мама и в Слюдянке. Округ располагал значительными лесными запасами и возможностями использования гидроэнергии.

А. Г. Ремейко, автор небольшой брошюры, исследовал индустриальное и аграрное состояние округа. Он оценивал его перспективы вполне оптимистично. Иркутский округ приобретал преимущественно индустриальный характер, и, как следствие, возрастало количество городского населения. В Сибирском крае вместе с Иркутским округом городское население во второй половине 1920-х гг. составляло 12,6 %, а сельское – 87,4 %. А в Иркутском округе – 38,3 и 61,7 % соответственно. По количеству промыш-

ленных рабочих Сибирского края удельный вес Иркутского округа составлял 33,5 %, т. е. треть всех рабочих огромной территории за Уралом. Почти половина, а точнее 47,8 %, всей добывающей промышленности Сибирского края находилась в Иркутском округе. Сельское хозяйство округа носило черты натурального хозяйства [Ремейко 1927: 7, 10, 15]. Как видим, Иркутский округ имел хорошие перспективы индустриального развития, на что указывал автор, что позднее и произошло. Но его развитие уже тогда и в дальнейшем получило односторонний промышленный характер.

Каковы были оценки будущего экономического развития Сибири в начале 1930-х гг.? Известный публицист того периода В. Л. Попов, говоря о задачах пятилетки в Северной Азии, выделял три крупных перспективных района развития: Урал, Кузнецко-Алтайский и Лено-Байкальский. При этом, подчеркивая большие возможности последнего, он указывал, что район «в этом пятилетии совсем не имеет ни программы развития и даже ни серьезной программы исследований» [1929: 16].

Заместитель председателя Восточно-Сибирского крайплана М. Богуславский совершенно определенно писал: «По сути мы в Сибири приступаем к строительству еще одной страны, страны, которая будет являться становым хребтом не только нашей энергетики, но и защиты, нашим оплотом в мировой борьбе». На основании чего автор делал столь оптимистический вывод? Мощная энергетическая база, самая дешевая в Союзе энергия, возможность широкого развития транспорта, причем если наличие мощной энергетической базы и связанное с ней потенциальное развитие отраслей экономики не вызывало сомнений в тот период, то «химизация» Сибири вызывала большие споры. Наряду с мощным развитием лесной промышленности, «сверхмагистрализации», широкой программы разведывательных и научно-исследовательских работ ставился вопрос о строительстве в Сибири крупных промышленных центров. Но для этого необходимо переселение в Сибирь нескольких миллионов человек [1930: 3, 5, 8].

В отличие от коллеги, ставившего вопрос о будущем Сибири в общей форме, Н. Н. Колосовский связал дальнейшее развитие региона с производственным районированием и межрайонным разделением труда. Ученый и практик в условиях перехода к осуществлению первого пятилетнего плана отмечал, что «сверхмагистрализация» сибирского направления запаздывает, что сказывается на общем темпе хозяйственного освоения Сибири. Приоритетными центрам в районировании сибирских центров цветной металлургии будут: Кузбасский, Алтайский, Предбайкальский и Минусинский. А в лесной промышленности – Енисейский и Ленско-Байкальский районы, в особенности последний. Ударными темпами должен развиваться Западно-Сибирский экономический район (Кузбасс, Новосибирск), а Предбайкалье и Минусинск подлежали включению в исследовательский план по изучению запасов рудных ископаемых, лесных запасов, залежей металлов [Колосовский 1930: 12, 15, 16]. В тот период это был общий подход к этапам освоения Сибири.

Положения Н. Колосовского об электрификации Сибирского края были конкретизированы в статье Ф. Скурского. Примечательно, что автор определил перспективы не на ближайший период, а на 15 лет, с 1928 по 1943 г. В крае он выделил три экономических района с учетом использования водной энергии: Алтайский, Енисейский, Прибайкальский (Предбайкальский). Что касается последнего, то здесь автор видел строительство малой Ангарской установки (примерно в 12–18 км от истока Ангары), ниже Братского острога, и три установки на р. Иркут, выделяя при этом Ангарские установки [1930: 58–59]. Дело не в том, что гидростанции на Иркуте в дальнейшем были отвергнуты, а в том, что предположение автора о гидростанциях на Ангаре, несмотря на неточности по месту строительства, явились правильным предположением.

Видение будущего Сибири в проектах Госплана СССР принципиально не отличалось от доктринального, но акценты были расставлены несколько иначе. Президиум Госплана СССР (1930) принял резолюцию, в которой указывалось «признать правильными предложения Сибплана о подготовке в первую очередь строительства двух новых энергетическо-индустриальных баз в Северной Азии – Минусинской и Ленско-Байкальской, продолжая в то же время всемерное дальнейшее расширение строительства

на Урале и в Кузнецко-Алтайском районе, и сверхмагистрализацию сибирского транспорта». Ресурсами для решения этой цели были названы: запасы энергии в высококачественных и дешевых формах, возможности развития химической и алюминиевой промышленности, электрификация сверхмагистрали. Однако на ближайшее время Сибирь должна была принять «деятельное участие в разрешении важнейших союзных задач»:

1. Снабжать хлебом потребляющие районы европейской и среднеазиатской части Союза, а в производящих районах заменить своим хлебом.

2. Принять из аграрно переселенных районов Союза значительный колонизационный поток.

3. Удовлетворить потребность в древесине безлесных районов сибирского юга и Средней Азии, а также дать высокосортный лес для экспорта за границу Северным морским путем.

4. Развивать те отрасли промышленности, которые должны удовлетворить основные потребности края в орудиях производства, равным образом укрепить его связи с другими районами Союза (Урал, Казахстан, Средняя Азия). Создать из своей наиболее ценной продукции прочную экспортную базу (масло, пушнина и пр.). При этом было признано, что основной тенденцией хозяйственного развития страны будет являться смещение хозяйственных центров на восток [Материалы... 1930: 1, 35–36].

Приоритетным в планах развития оставалось использование водных ресурсов Прибайкалья и запасов каменного угля. Об этом писал работник Иркутской окружной плановой комиссии инженер А. И. Горавский. В качестве ближайшей задачи индустриального освоения Восточной Сибири он выделял три возможных пути развития:

1. На базе полной электрификации всех процессов производства на базе мощной и дешевой электроэнергии.

2. На базе химической природы черемховских углей, хахарейских богхедов и сапропелевых углей Заангарья.

3. На одновременном использовании электроэнергии и энергии ископаемого топлива.

Все возможности для применения энергетических ресурсов в Сибирском крае имелись, и это должно было проходить в соответствии с общей тенденцией сдвига центра мирового хозяйства с Атлантического океана на Тихий [Горавский 1930: 18, 40].

Усиление промышленно-транспортного освоения региона в условиях реализации пятилетних планов напрямую связывалось с «правильностью» проведенного административно-территориального деления. М. Лавров, например, оценивая перспективы развития Восточной Сибири во второй пятилетке, проводил прямую связь между обоснованностью решения об образовании Восточно-Сибирского края и ускорением индустриализации ранее отсталых районов, окраин и национальных республик. При этом он, как и другие авторы тех лет, делал главный упор на использование ресурсов Ангары и Енисея. Положения его проекта промышленного развития Восточной Сибири были основаны на «макете» второй пятилетки, разработанной Восточно-Сибирской плановой комиссией с использованием дополнительных материалов. Основной задачей индустриализации региона он считал строительство гидростанций на Ангаре и Енисее: две гидростанции на Ангаре и целых пять на Енисее. Это должно послужить основой для создания крупной алюминиевой промышленности [1932: 7, 10, 12, 39]. Отметим также, что с созданием Восточно-Сибирского края его индустриальное развитие было просчитано краевыми плановыми органами на вторую и третью пятилетки.

Таким образом, очевидно, что современников, ученых и практиков привлекал, главным образом, анализ экономического состояния Сибири и вопросы его дальнейшего хозяйственного освоения. Особенностью публикаций тех лет являлось то, что оценки современников были тесно увязаны с итогами проведенного районирования. При этом основной упор был сделан на развитие минерально-сырьевой базы, возможностей гидроэнергетики Ангаро-Енисейского бассейна и «сверхмагистрализации» Сибири.

Литература

Богуславский М. На путях генерального плана / М. Богуславский // Жизнь Сибири. – 1930. – № 1. – С. 3–8.

Горавский А. И. Ангарострой. К проблеме индустриализации Сибири. Популярный очерк / А. И. Горавский. – Иркутск: Окружная плановая комиссия, 1930. – 62 с.

Кальмина Л. В. «Потаповская» тема: экономическая модернизация в 1880–1930-е гг. в сибирской историографии / Л. В. Кальмина // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2025. – № 2(58). – С. 50–56.

Колосовский Н. О дальнейших проблемах развития хозяйства Сибири / Н. Колосовский // Проблемы генерального плана развития хозяйства Сибири: сб. ст. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. – С. 9–16.

Кржижановский Г. М. Основные проблемы Сибири / Г. М. Кржижановский // Северная Азия. – 1930. – Кн. 1–2. – С. 8–10.

Лавров М. Восточная Сибирь во второй пятилетке / М. Лавров. – М.; Иркутск: ОГИЗ, 1932. – 75 с.

Материалы к генеральному плану развития народного хозяйства в Сибирском крае. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. – 63 с.

Миротворцев К. Н. К вопросу о сельскохозяйственном районировании Иркутского округа / К. Н. Миротоворцев. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1929. – 118 с.

Осипов И. И. Сибирское сельское хозяйство и его перспективы / И. И. Осипов // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Т. III: Доклады секции «Поверхность» / отв. ред. Г. И. Черемных. – Новосибирск, 1927. – С. 1–36.

Попов В. Л. Историческая пятилетка Северной Азии (экономико-географический очерк) / В. Л. Попов // Северная Азия. – 1929. – Кн. 4. – С. 5–24.

Ремейко А. Г. Перспективы хозяйственного развития Иркутского округа / А. Г. Ремейко. – Иркутск: Власть труда, 1927. – 43 с.

Самаруха В. И. Роль предпринимательства в развитии российской цивилизации / В. И. Самаруха, А. В. Самаруха // Известия Байкальского государственного университета. – 2025. – Т. 35. – № 1. – С. 86–100.

Скурский Ф. Перспективы электрификации Сибирского края на 1928/29–1942/43 гг. / Ф. Скурский // Проблемы генерального плана развития хозяйства Сибири: сб. ст. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. – С. 51–60.

Троцкий Л. Д. О Сибири / Л. Д. Троцкий // Северная Азия. – 1927. – Кн. 3. – С. 5–17.

Чупров С. В. Нелинейная эволюция и устойчивый рост региональной промышленности (к пятилетнему планированию экономического развития Иркутской области) / С. В. Чупров // Известия Байкальского государственного университета. – 2020. – Т. 30. – № 4. – С. 507–515.

Шалак А. В. Роль транспортных коммуникаций в обеспечении политико-экономической безопасности: невыученные уроки истории / А. В. Шалак // Историко-экономические исследования. – 2021. – Т. 22. – № 1. – С. 142–162.

References

Boguslavskij M. Na putyah general’nogo plana / M. Boguslavskij // Zhizn’ Sibiri. – 1930. – № 1. – S. 3–8.

Goravskij A. I. Angarostroj. K probleme industrializacii Sibiri. Populyarnyj ocherk / A. I. Goravskij. – Irkutsk: Okruzhnaya planovaya komissiya, 1930. – 62 s.

Kal’mina L. V. «Potapovskaya» tema: ekonomicheskaya modernizaciya v 1880–1930-e gg. v sibirskoj istoriografii / L. V. Kal’mina // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2025. – № 2(58). – S. 50–56.

Kolosovskij N. O dal’nejshih problemah razvitiya hozyajstva Sibiri / N. Kolosovskij // Problemy general’nogo plana razvitiya hozyajstva Sibiri: sb. st. – Novosibirsk: Sibkrajizdat, 1930. – S. 9–16.

Krzhizhanovskij G. M. Osnovnye problemy Sibiri / G. M. Krzhizhanovskij // Severnaya Aziya. – 1930. – Kn. 1–2. – S. 8–10.

Lavrov M. Vostochnaya Sibir’ vo vtoroj pyatiletke / M. Lavrov. – M.; Irkutsk: OGIZ, 1932. – 75 s.

Materialy k general'nomu planu razvitiya narodnogo hozyajstva v Sibirskom krae. – Novosibirsk: Sibkrajizdat, 1930. – 63 s.

Mirotvorcev K. N. K voprosu o sel'skohozyajstvennom rajonirovanii Irkutskogo okruga / K. N. Mirotovorcev. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1929. – 118 s.

Osipov I. I. Sibirskoe sel'skoe hozyajstvo i ego perspektivy / I. I. Osipov // Trudy Pervogo Sibirskogo kraevogo nauchno-issledovatel'skogo s"ezda. T. III: Doklady sekcii «Poverhnost'» / otv. red. G. I. Cheremnyh. – Novosibirsk, 1927. – S. 1–36.

Popov V. L. Istoricheskaya pyatiletka Severnoj Azii (ekonomiko-geograficheskij ocherk) / V. L. Popov // Severnaya Aziya. – 1929. – Kn. 4. – S. 5–24.

Remejko A. G. Perspektivy hozyajstvennogo razvitiya Irkutskogo okruga / A. G. Remejko. – Irkutsk: Vlast' truda, 1927. – 43 s.

Samaruha V. I. Rol' predprinimatel'stva v razvitii rossijskoj civilizacii / V. I. Samaruha, A. V. Samaruha // Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2025. – T. 35. – № 1. – S. 86–100.

Skurskij F. Perspektivy elektrifikacii Sibirskogo kraya na 1928/29–1942/43 gg. / F. Skurskij // Problemy general'nogo plana razvitiya hozyajstva Sibiri: sb. st. – Novosibirsk: Sibkrajizdat, 1930. – S. 51–60.

Trockij L. D. O Sibiri / L. D. Trockij // Severnaya Aziya. – 1927. – Kn. 3. – S. 5–17.

Chuprov S. V. Nelinejnaya evolyuciya i ustojchivyj rost regional'noj promyshlennosti (k pyatiletnemu planirovaniyu ekonomicheskogo razvitiya Irkutskoj oblasti) / S. V. Chuprov // Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – T. 30. – № 4. – S. 507–515.

Shalak A. V. Rol' transportnyh kommunikacij v obespechenii politiko-ekonomicheskoj bezopasnosti: nevyuchennye uroki istorii / A. V. Shalak // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. – 2021. – T. 22. – № 1. – S. 142–162.

УДК 913.1/913.8
ББК 63.211
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-116-121

Д. М. Тимохин

РАССКАЗ О КАМНЕ ДОЖДЯ В ПЕРСИДСКОМ ПЕРЕВОДЕ СОЧИНЕНИЯ ЗАКАРИЙИ АЛ-КАЗВИНИ «ʻАДЖĀ'ИБ АЛ-МАХЛŪКĀТ»

В статье приводится перевод рассказа о «камне дождя» из состава персидского перевода сочинения Закарийи ал-Казвини «ʻАджа'иб ал-махлукат [ва] гара'иб ал-масну'ат», а также комментарии к нему. Рукопись данного перевода хранится в Британской библиотеке под № 1621, однако благодаря Катарской национальной библиотеке она была оцифрована и доступна исследователям. Несмотря на то что этот перевод сочинения выдающегося средневекового мусульманского ученого был известен уже исследователям XIX в., сведения из его состава о магических свойствах камней до сих пор не были предметом специального изучения. Данная статья должна в какой-то мере заполнить сложившуюся лакуну и стать первым шагом к полному переводу раздела о камнях из состава персидского перевода указанного сочинения Закарийи ал-Казвини.

Ключевые слова: Закарийа ал-Казвини, магические свойства камней, тюрки, камень дождя, мусульманская литература.

D. M. Timokhin

THE STORY OF THE RAIN STONE IN THE PERSIAN TRANSLATION OF ZAKARIYA AL-QAZVINI'S WORK "'AJA'IB AL-MAHLUQAT"

The article provides a translation of the story about the "rain stone" from the Persian translation of Zakariya al-Qazvini's work "'Aja'ib al-mahluqat [wa] ghara'ib al-masnu'at", as well as comments on it. The manuscript of this translation is kept in the British Museum under the number 1621, but thanks to the Qatar National Library it has been digitized and is available to researchers. Despite the fact that this Persian translation of the work of an outstanding medieval Muslim scholar was already known to researchers of the 19th century, information from its composition on the magical properties of stones has not yet been the subject of special study. This article should try to fill in the existing gap and become the first step towards a complete translation of the section on stones from the Persian translation of Zakariya al-Qazwini's work.

Keywords: Zakariya al-Qazvini, magical properties of stones, Turks, rain stone, Muslim literature.

Генезис и эволюция представлений об использовании кочевыми тюрками магических камней, которые позволяли им управлять стихиями, в т. ч. и дождем, вряд ли можно считать слабоизученной научной проблематикой [Molnár 1994], а отдельные подобные сюжеты в более ранних исследованиях рассмотрел и сам автор данной статьи [Тимохин 2025: 72–82; 2026]. Однако некоторые описания «камня дождя» и его свойств в памятниках мусульманской историографии до сих остаются без специального внимания исследователей: в качестве такого примера хотелось бы привести рассказ о «камне дождя» из состава персидского перевода сочинения Закарийи ал-Казвини «ʻАджа'иб ал-махлукат [ва] гара'иб ал-масну'ат» (Диковинки сотворенного и редкости существующего), написанного на арабском языке. Этот памятник был весьма популярным в Средние века и Новое время в мусульманском обществе, что отмечают ис-

ТИМОХИН Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Востока Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт востоковедения РАН (г. Москва, Россия). E-mail: horezm83@mail.ru.

следователи, и многократно переводился с арабского на персидский и турецкий языки. В. П. Демидчик совершенно справедливо утверждает «о значении “Аджа’иб ал-махлукат” как популярного свода по естественным знаниям свидетельствует прежде всего широкая распространенность книги по всему мусульманскому Востоку» [2004: 48]. Впрочем, далеко не все переводы данного сочинения Закарийи ал-Казвини были в равной степени востребованы исследователями, и к таковым можно отнести интересующий нас пример из собрания восточных рукописей Британской библиотеки под № 1621, оцифрованный Катарской национальной библиотекой и выложенный ее сотрудниками в открытый доступ [Cod. Brit. Lib. 1621; Rieu 1883: 995].

Здесь хотелось бы кратко охарактеризовать эту рукопись и лишь потом привести перевод интересующего нас фрагмента, в котором рассказано о «камне дождя». Согласно аннотации, помещенной на сайте Катарской национальной библиотеки, данный вариант «‘Аджā’иб ал-махлӯкāт (عجائب المخلوقات) Закарӣйи ибн Мухаммада Казвӣнӣ (زكريا بن محمد قزويني) был переведен с арабского на персидский язык по просьбе Ибрāхӣма Ādил-шāха, правителя Биджапура в ша‘бāне 954 г. х. (1547). Текст был сопровожден 461 миниатюрой и схемами, выполненными в Деккане в середине XVII века» [Cod. Brit. Lib. 1621]. При этом текст, который можно отнести к середине XVI в., занимает лишь часть рукописи, а точнее – листы с 1v по 426v, в то время как оставшаяся часть – с 427r по 463r – написаны существенно позже, а точнее в XIX в., вероятно, для Генри Майерса Эллиота [I]. В этой части рукописи содержатся «следующие главы, пропущенные переводчиком Ādил-шāха и скопированные из другого, более раннего, персидского перевода [Add. Ms. 16739; Rieu: 462]: расы людей (f. 427r), искусства и науки (f. 436v) и второй вид животного царства, или джинны (f. 457v)» [Ibid.]. Также стоит отметить, что на полях данной рукописи оставлено большое количество маргиналий, поясняющих те или иные сюжеты из «Аджā’иб ал-махлӯкāт», «часть из них описана в подробном оглавлении (f. 1v–6r), составленном 17-м Шаввāла в 4-м году правления Ахмад Шāха (8 сентября 1751 г.). Они приблизительно соответствуют маргиналиям, включенным в рукопись IO Islamic 3243, описанной Этье в первом томе его Catalogue of Persian manuscripts in the Library of the India Office (Оксфорд, 1903), под № 714 [II]» [Ibid.].

После того как нами была дана краткая информация об интересующей нас рукописи персидского перевода сочинения Закарийи ал-Казвини “Аджа’иб ал-махлукат”, скажем несколько слов относительно фрагмента о «камне дождя» и приведем его перевод. Этот рассказ помещен на листе 230r подраздела, посвященного магическим свойствам камней: в нем автор перечисляет различные камни, сопровождая почти каждый из таких повествований указанием своего источника информации, а также отмечая, какие именно «чудеса» может творить тот или иной камень [Ibid.: 225v–226r]. При этом в персидском переводе сочинения Закарийи ал-Казвини не выделяется особенным образом этот подраздел, и рассказ о камнях начинается сразу после окончания повествования о минералах и металлах, а также об их чудодейственных свойствах [Ibid.: 225r]. Краткой преамбулой к подразделу о камнях служит небольшой рассказ, озаглавленный автором как просто «камень» (حجر). «Балинас [III] (بلیناس) в книге свойств (كتاب خواص) сказал: “Когда верблюд слишком много кричит, то к его пасти привязывают камень и он, разумеется, прекращает кричать”. [Некий] владелец земли сказал: “Возьми камень, который обладает естественным отверстием. Когда такие камни висят на деревьях, то их плоды созревают [быстрее], и никакая порча не вредит им”» [Ibid.: 225v].

В свою очередь рассказ о «камне дождя» в персидском переводе «‘Аджа’иб ал-махлукат» выглядит следующим образом. «Камень дождя (حجر المطر). Этот дождевой камень (سنگ باران) происходит из области Тюрок (ترک), бывает разнообразной [формы] и имеет разный цвет. Когда какой-то из этих камней кладут в воду, то небо затягивается облаками и начинается легкий дождь и его становится много и [затем] начинается снег и град. А рассказывал об этом свидетель, который это видел своими глазами. [Некий] вазир повелел призвать к себе некоего человека, который оказался тюрком, тогда вазир попросил меня ему сообщить по-тюркски: “Для нас тот обряд, который распространен

среди тюрок, соверши!”. Он взял воду и положил в нее камень. Прошло какое-то время, так что мы уже стали подозревать обман, как вдруг набежали тучи и пошел сильный дождь” [IV]» [Cod. Brit. Lib. 1621: 230r].

Прежде всего обратим внимание на некоторые детали самого текста отрывка из персидского перевода сочинения Закарийи ал-Казвини. Уже в самом начале переводчик предлагает нам арабское название «камня дождя» как «حجر المطر», однако далее в тексте называет его уже по-персидски «дождевой камень» – «سنگ باران». Переводчик арабского текста также указывает, вслед за арабским оригиналом, на то, что данный камень может быть любой формы и цвета, хотя ничего не сообщает о том, что достаточно лишь части такого камня для вызова дождя или иных погодных явлений – как заметно в тексте персидского перевода, данный камень нужно класть в воду целиком. Что же касается второй части персидского перевода данного рассказа из состава «‘Аджа’иб ал-махлукат», перевод которой отсутствует у В. П. Демидчика, то здесь есть некоторые вопросы. Во-первых, как отметил указанный исследователь, «о “дождевом камне” как о достоверном факте пишет и Закарийа ал-Казвини, не знавший “Минералогии” ал-Бируни» [2004: 154], однако у этого более раннего предшественника Казвини не просто есть рассказ об этом, но и некоторые любопытные подробности.

«Один тюрок как-то принес и мне нечто подобное, полагая, что я этому обрадуюсь или приму его, не вступая в обсуждение. И вот сказал я ему: “Вызови им дождь не в положенное время или же, если это будет в сезон дождей, то в разные сроки, по моему желанию, и тогда я его у тебя возьму и дам тебе то, на что ты надеешься, и даже прибавлю”. И начал он делать то, что мне рассказывали, а именно погружать камень в воду, брызгать ею в небо, сопровождая это бормотаньем и криками, но не вызвал он этим дождя ни капли, если не считать тех капель, которые он разбрызгивал и которые падали [при этом] обратно на землю. Еще удивительнее то, что рассказ об этом весьма распространен и так запечатлелся в умах знати, не говоря уже о простонародье, что из-за него ссорятся, не удостоверясь в истине. И вот поэтому-то один из присутствующих стал защищать его (тюрка) и объяснять происшедшее с камнем дело различием условий местностей и [уверять], что эти камни бывают превосходными [лишь] в земле тюрок, и в доказательство приводил рассказ о том, что в горах Табаристана, если толкут чеснок на вершинах гор, то за этим немедленно следует дождь, а если проливается много крови людей или животных, то за этим идет дождь и смывает кровь с лица земли и очищает ее от мертвечины; в земле же Египта не вызвать дождя ни тем, ни другим способом. Я сказал им: “Правильный взгляд на это можно получить, изучив положение гор, направление ветров и движение туч с морей”» [ал-Бируни 2011: 252].

Как видно из приведенной цитаты, определенные схожие черты между второй частью персидского перевода рассказа Закарийи ал-Казвини и сообщением Абу-р-Райхана Бируни все-таки присутствуют, при этом важным кажется тот факт, что более ранний автор пишет об испытании «камня дождя» как о личном опыте, который закончился неудачно, а автор «‘Аджа’иб ал-махлукат» упоминает безымянного вазира, чей опыт, напротив, удался. Вряд ли под последним персидский переводчик Закарийи ал-Казвини имел в виду Бируни, да и в его описании испытание «камня дождя» заканчивается все-таки успешно: «… прошло какое-то время, так что мы уже стали подозревать обман, как вдруг набежали тучи и пошел сильный дождь» [Cod. Brit. Lib. 1621: 230r]. Сам же составитель перевода «‘Аджа’иб ал-махлукат» в данном разделе не называет своего источника, между тем в других частях повествования о магических свойствах камней такие указания есть: помимо упомянутого выше «Балинаса», в персидском перевода Закарийи ал-Казвини указывается чаще всего Аристотель (ارسطو) [Ibid.: 229r], однако в рассказе о «камне губке» (حجرالاسفنج) приводится еще более любопытный информатор. Шейх Раис (شیخ رئیس) сказал, что губка – это мягкое морское тело, которое имеет поры, подобно войлоку. А [некоторые] говорят, что это животное, [а не камень], поскольку оно привязывается к улитке, двигаясь и прыгая вместе с ней. Плохо здесь то, что ее за этим камнем сложно будет увидеть. Полезные свойства камня: разрушает камни мочевого пузыря и очень быстро выводит такого рода камни» [Ibid.: 226r]. Упомянутый инфор-

матор в этой части персидского перевода Закарийи ал-Казвини может быть по-разному интерпретирован, но, с нашей точки зрения, под прозвищем Шейх Раис скрывается Абу ʻАли Ибн Сина, который таким образом именовался в мусульманской историографии [Gutas 1987].

Вряд ли одного лишь указания из состава другого раздела «ʻАджа’иб ал-махлукат» достаточно для выстраивания далеко идущих предположений, однако при этом в любом случае отмеченные нами определенные схожие черты в рассказе о «камне дождя» у Бируни и персидском переводе Закарийи ал-Казвини, как нам кажется, не должны остаться без внимания исследователей. Также стоит отметить, что подраздел о камне дождя и его свойствах помещен среди рассказов о других магических камнях, в которых автор «ʻАджа’иб ал-махлукат» не называет своих информаторов и просто излагает сведения о них и их магических свойствах. При этом в более ранних подразделах такие упоминания являются почти обязательными, за весьма редким исключением вроде повествования об «армянском камне» (حجر ارمنی). «В его составе (жиле, رگ) лазурит (لاجورد) и песок (песчаник, رمل), и его (т. е. армянского камня. – *Д. Т.*) настолько много, что художники его использовали вместо лазурита. А в той земле таковых камней много, так что если бы его продавали, то он приносил бы быструю и [большую] прибыль. А из его свойств: если его вымыть, то он никогда не исчезнет, а если не мыть – обязательно исчезнет (рассыплется. – *Д. Т.*)» [Cod. Brit. Lib. 1621: 226r].

Подводя итоги, обратим внимание на тот факт, что в персидском переводе сочинения Закарийи ал-Казвини, как, впрочем, и в арабском оригинале, отсутствует точная локализация происхождения «камня дождя», вместо которой указано просто «происходит из области Тюрок (ترک)» [Ibid.: 230r], что не согласуется с известной в мусульманской исторической и географической литературе традицией обозначать либо изначальную племенную принадлежность этого артефакта [Molnár 1994: 1–34], либо приводить «йафетическую версию» его происхождения [Тимохин 2025: 72–82; 2026]. При этом в приведенном нами отрывке из персидского перевода «ʻАджа’иб ал-махлукат» приводится описание и самого обряда вызывания дождя в целом, так и его частный случай, окончившийся успешно [Cod. Brit. Lib. 1621: 230r]. Этот сюжет присутствует далеко не во всех более ранних памятниках мусульманской историографии, где есть рассказ о «камне дождя». В частности, анонимный автор персидского сочинения 1126 г., которое известно исследователям под названием «Муджмал ат-тавāрīх̣ ва’л-ḳыṣаṣ» (Свод историй и повествований), вслед за еще более ранним Гардīзī отмечает лишь тот факт, что над интересующим нас камнем совершалась молитва Аллаху, после которой, если артефакт был настоящим, обязательно шел дождь [Тимохин 2025: 72–82; 2026].

В этой статье нами были также отмечены некоторые параллели в рассказе персидского переводчика «ʻАджа’иб ал-махлукат» и сообщением Абу-р-Райхана Бируни: не пытаясь оспаривать приведенную нами точку зрения В. П. Демидчика, который однозначно указал, что сам Закарийа ал-Казвини сочинениями Бируни, по крайней мере по минералогии, не пользовался [2004: 154], попытаемся высказать собственное предположения. Возможно, персидский переводчик сам был знаком с трудами Бируни и привел весьма искаженную версию его повествования об испытании некоего тюрка в вызывании дождя с помощью магического камня. С учетом того, что «ʻАджа’иб ал-махлукат» неоднократно переводился с арабского на персидский и турецкий языки, вполне вероятно, что некоторые сюжеты могли дополняться самими переводчиками. В качестве косвенного свидетельства тут могут считаться маргиналии на полях интересующей нас рукописи, которые сами по себе весьма любопытны и дополняют собой основной текст перевода, хотя написаны они другой рукой и, вероятно, существенно позднее [Cod. Brit. Lib. 1621: 228r–228v]. Впрочем, настаивать на этой версии на данной момент было бы слишком рискованно, поскольку далеко не весь раздел о «камнях» из персидского перевода сочинения Закарийи ал-Казвини нами проработан, однако со временем его можно будет сравнить с рассказами не только Бируни, но и других более ранних авторов.

Примечания

I. Выдающийся британский историк и индолог, составивший, в частности, классический и не потерявший своего значения до сих пор 8-томный труд «History of India as told by its own historians».

II. В первом томе каталога под № 714 мы действительно находим данную рукопись со следующим комментарием Германа Этье: «Один из лучших образцов современной индийской каллиграфии и изобразительного искусства, написанный по просьбе г-на Чарльза Райкса, комиссара и суперинтенданта Лахора, под руководством муфтия ‘Ала’ ад-Дина из Лахора, Фадл ад-Дином ибн Мухаммадом Бахш Саххāфом из Лахора, и завершенный 21 сентября 1854 н. э. Согласно примечанию самого мистера Райкса, прикрепленному к первому форзацу, эта рукопись была отправлена на Императорскую выставку произведений искусства и промышленности в Париже Комитетом по Пенджабу в Лахоре. Библиотека Индийского отделения получила ее от док. Ройла в июль 1856 г. Персидский перевод первой части космографии Казвини, содержащийся в этом экземпляре, является более новым и был сделан при Абд ал-Мозаффаре Ибрахим ʿАдил-шахе I, который правил с 941 по 965 г. х. (1534 – 1558) и завершен в шаабане 954 г. х. = 1547 г. н. э.» [Ethé 1903: 369–370].

III. Г. П. Михалевич в статье о другом мусульманском источнике XV в., который является «трактатом о минералах», приводит к этому имени следующий комментарий: «В связи с этим упоминанием в примечаниях к “Минералогии” Бируни сказано: «Сейчас считается бесспорным, что речь идет об известном пифагорейском ученом Апполонии из Тианы, жившем в I в. н. э., который много путешествовал по Востоку» (Бируни. Минералогия, с. 461, примеч. 4)» [1987: 90, коммент. 60].

IV. Часть перевода арабского оригинала этого же фрагмента приводит в своей монографии В. П. Демидчик. «О «дождевом камне» как о достоверном факте пишет и Закарийа ал-Казвини, не знавший «Минералогии» ал-Бируни. «Дождевой камень, – пишет он, – доставляют из земель тюрок. Это разноцветный камень, и если частичку его положить в воду и потом побрызгать этой водой в небо, то можно вызвать дождь, град и снег. Это общеизвестный факт, и я сам видел человека, рассказывавшего об этом как очевидец» [2004: 154].

Литература

Демидчик В. П. Мир чудес в арабской литературе XIII–XIV вв. Закарийа ал-Казвини и жанр мирабилий / В. П. Демидчик; Ин-т востоковедения, С.-Петербург. фил. – М.: Вост. лит-ра, 2004. – 277 с.

Михалевич Г. П. Персидский минералогический трактат XV в. «Книга о камнях» и его списки / Г. П. Михалевич // Письменные памятники Востока. 1978–1979. – М.: Наука, 1987. – С. 82–90.

ал-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия) / Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни; под ред. И. М. Стеблин-Каменского, В. П. Никонорова; пер. А. М. Беленицкого; ст. и примеч. А. А. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна; Российская академия наук, Институт истории материальной культуры. – 2-е изд., доп. и испр. – СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2011. – 598 с.

Тимохин Д. М. Предание о Йафете ибн Нухе в составе «Муджамал ат-таварих ва-л-кисас» / Д. М. Тимохин // Islamology. – 2025. – № 14(1). – С. 72–82.

Тимохин Д. М. Глава «О тюрках» в составе «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас» (пер. и коммент.) / Д. М. Тимохин // Малоизвестные аспекты истории и культуры Ближнего и Среднего Востока в Средние века и востоковедения / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2026. (в печати)

Hermann E. Catalogue of Persian manuscripts in the India Office Library. Vol. I / E. Hermann. – Oxford: Printed for the India Office by H. Hart, 1903. – 1632 p.

Gutas D. «AVICENNA ii. Biography» [Электронный ресурс] / D. Gutas // Encyclopaedia Iranica. – 15.12.1987. – Режим доступа:https://www.iranicaonline.org/articles/avicenna-ii/ (дата обращения: 10.08.2025).

Molnár Á. Weather-magic in Inner Asia / Á. Molnár. – Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, 1994. – 169 p.

Rieu Ch. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. Vol. III / Ch. Rieu. – London: The British Museum, 1883. – 1229 p.

British Library: Oriental Manuscripts, Or 1621. Tarjumah-’i ‘Ajā’ib al-makhlūqāt ترجمهٔ عجائب المخلوقات Anonymous translator [Электронный ресурс] // Qatar Digital Library. – Режим доступа: https://www.qdl.qa/node/9477 (дата обращения: 08.02.2026).

References

Demidchik V. P. Mir chudes v arabskoj literature XIII–XIV vv. Zakarija al-Kazvini i zhanr mirabilij / V. P. Demidchik; In-t vostokovedeniya, S.-Peterburg. fil. – M.: Vost. lit-ra, 2004. – 277 s.

Mihalevich G. P. Persidskij mineralogicheskij traktat XV v. «Kniga o kamnyah» i ego spiski / G. P. Mihalevich // Pis’mennye pamyatniki Vostoka. 1978–1979. – M.: Nauka, 1987. – S. 82–90.

al-Biruni Abu-r-Rajhan Muhammed ibn Ahmed. Sobranie svedenij dlya poznaniya dragocennostej (mineralogiya) / Abu-r-Rajhan Muhammed ibn Ahmed al-Biruni; pod red. I. M. Steblin-Kamenskogo, V. P. Nikonorova; per. A. M. Belenickogo; ct. i primech. A. A. Belenickogo i G. G. Lemmlejna; Rossijskaya akademiya nauk, Institut istorii material’noj kul’tury. – 2-e izd., dop. i ispr. – SPb.: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2011. – 598 s.

Timohin D. M. Predanie o Jafete ibn Nuhe v sostave «Mudzhamal at-tavarih va-l-kisas» / D. M. Timohin // Islamology. – 2025. – № 14(1). – S. 72–82.

Timohin D. M. Glava «O tyurkah» v sostave «Mudzhmal at-tavarih va-l-kisas» (per. i komment.) / D. M. Timohin // Maloizvestnye aspekty istorii i kul’tury Blizhnego i Srednego Vostoka v Srednie veka i vostokovedeniya / Institut vostokovedeniya RAN. – M.: IV RAN, 2026. (v pechati)

Hermann E. Catalogue of Persian manuscripts in the India Office Library. Vol. I / E. Hermann. – Oxford: Printed for the India Office by H. Hart, 1903. – 1632 p.

Gutas D. «AVICENNA ii. Biography» [Elektronnyj resurs] / D. Gutas // Encyclopaedia Iranica. – 15.12.1987. – Rezhim dostupa:https://www.iranicaonline.org/articles/avicenna-ii/ (data obrashcheniya: 10.08.2025).

Molnár Á. Weather-magic in Inner Asia / Á. Molnár. – Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, 1994. – 169 p.

Rieu Ch. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. Vol. III / Ch. Rieu. – London: The British Museum, 1883. – 1229 p.

British Library: Oriental Manuscripts, Or 1621. Tarjumah-’i ‘Ajā’ib al-makhlūqāt ترجمهٔ عجائب المخلوقات Anonymous translator [Elektronnyj resurs] // Qatar Digital Library. – Rezhim dostupa: https://www.qdl.qa/node/9477 (data obrashcheniya: 08.02.2026).

УДК 930+94(510)
ББК 63.2
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-122-128

Ч. Ц. Цыренов

«ПРАВДИВЫЕ ЗАПИСИ О ДИНАСТИИ ЦИН» (Цин шилу): ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена комплексному источниковедческому анализу «Цин шилу» (Правдивые записи о династии Цин) – основополагающего памятника официальной историографии Цинской империи. На основе изучения отечественной, китайской и западной историографии авторы реконструируют корпус первоисточников, послуживших основой для составления династийных хроник. Систематизированы сведения о корпусе придворных документов «Маньвэнь лао дан» (Старом архиве на маньчжурском языке) и «Мэнвэнь лао дан» (Старом архиве на монгольском языке) как ключевых источниках ранних хроник династии. Рассматривается вопрос о функциональном назначении «Цин шилу» в контексте политической культуры империи – от сакрализации и легитимации высшей власти до практического руководства в государственном управлении. На основе анализа состава источников и политических функций памятника делается вывод о важной роли и достоверности «Цин шилу» и перспективности их использования для изучения этнополитической истории международных отношений Внутренней Азии.

Ключевые слова: исторический источник, источниковедение, «Цин шилу», династия Цин (1644–1911), маньчжурская историография, монгольские архивы, «Маньвэнь лао дан», «Мэнвэнь лао дан», Внутренняя Азия.

Ch. Ts. Tsyrenov

“TRUE RECORDS OF THE QING DYNASTY” (Qing Shilu): SOURCE ANALYSIS AND PROBLEMS OF STUDY

This article is devoted to a comprehensive source-critical analysis of the “Qing shilu” (“Veritable Records of the Qing Dynasty”) – a foundational monument of official historiography of the Qing Empire. Drawing on domestic, Chinese, and Western historiography, the authors reconstruct the corpus of primary sources that served as the basis for compiling the dynastic chronicles. The article systematizes information on the corpus of court documents from the “Manwén lǎo dàng” (“Old Manchu Archive”) and “Méngwén lǎo dàng” (“Old Mongolian Archive”) as key sources for the early chronicles of the dynasty. It examines the functional purpose of the Qing shilu within the context of the empire’s political culture – from the sacralization and legitimation of supreme authority to practical guidance in state administration. Based on an analysis of the source composition and political functions of the monument, the article concludes that the “Qing shilu” played a crucial role, possesses high reliability, and holds promising potential for studying the ethnopolitical history of international relations in Inner Asia.

Keywords: historical source, source studies, “Qing shilu”, Qing dynasty (1644–1911), Manchu historiography, Mongolian archives, “Manwén lǎo dàng”, “Méngwén lǎo dàng”, Inner Asia.

Корпус исторических текстов под названием «Цин шилу» (Правдивые записи о династии Цин) представляют собой уникальный комплекс официальных придворных династийных хроник, охватывающих период от основания государства Нурхаци (1616) до падения империи (1911). В строгой хронологической последовательности в них зафиксированы сведения о государственных делах, военных кампаниях, дипломатических сношениях, экономической политике, социальных процессах, культурной

ЦЫРЕНОВ Чингис Цыбикдоржиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: chts17@mail.ru.

жизни и природных явлениях. При этом современная историографическая традиция включает в состав памятника также «Сюаньтун ши лу» – записи о правлении последнего императора Пу И (1908–1911).

Настоящее исследование ставит целью систематизацию и первичный терминологический анализ корпуса первоисточников «Цин шилу» на основе сопоставления данных отечественной, китайской и монгольской историографии, а также осмысление политических функций памятника в контексте имперской идеологии и практики государственного управления.

Изучение «Цин шилу» имеет давнюю традицию в отечественном и зарубежном востоковедении. В российской науке фундаментальный вклад в исследование памятника внесли такие ученые-востоковеды, как Г. В. Мелихов [1969], заложивший основы источниковедческого анализа хроник, Б. Г. Доронин [1988, 2002], исследовавший жанровые особенности и эволюцию официального историописания, Т. А. Пан [2006], проанализировавшая маньчжурские источники раннего периода.

В западной историографии пионерной работой стала статья К. Биггерстаффа «Some Notes on the Tung-hua lu and the Shih-lu» [Biggerstuff 1938], положившая начало систематическому изучению цинских династийных хроник западной исторической науке.

Китайская историография представлена трудами Ло Чжэньюя «Три предисловия к черновой рукописи “Правдивые записи о правлении Нурхаци”» [1933], Чжуан Цзифа «Рассуждения об исторических сведениях о династии Цин» [1979], Чэнь Цзесяня «Исследования маньчжурских правдивых записей» [1978] а также фундаментальным трудом Се Гуйаня «Исследования по “Правдивым записям о династии Цин”» [2013].

Особого внимания заслуживает издание 2013 г., подготовленное Исследовательским центром по своду древних письменных памятников малочисленных народов АРВМ КНР в Хух-Хото, – 6-томное издание «Дайчин улсын монголын магад хууль» (Правдивые записи о монголах Цинской империи), составленное на основе монгольской версии «Цин шилу», материалы которого открывают новые перспективы для изучения как самого памятника, так и истории монгольско-маньчжурских отношений.

При составлении «Правдивых записей» использовался обширный комплекс документальных материалов, включавший дворцовые архивы и министерские делопроизводственные документы. Как отмечал канцлер Лэдэхун в докладе императору по поводу «Правдивых записей о правлении Тайцзу»: «Было открыто то, что хранится в золотом сундуке, и то, что скрыто в яшмовом футляре…».

Перечень источников «Правдивых записей Цинской империи» включает следующие категории документов:

– писаные киноварью обращения к императору;
– императорские указы;
– писаные киноварью рукописи;
– свитки и сочинения;
– указы императора в места военных действий;
– «величайшие инструкции» (кит. бао сюнь, собрания наставлений императоров);
– хроники дворцовой жизни (кит. «Ци цзюй чжу»);
– документы шести отделений цензората, контролировавших шесть министерств (кит. Лю бу);
– реестры маньчжурских и китайских войск военного ведомства Фанлюэгуань;
– тактические описания военных действий империи Цин;
– записи о наследовании титулов ванов и гунов академии династийной истории;
– сведения о крупных сановниках и внешних ванах и гунах;
– собрания поэтических произведений императора из дворца Уиндянь;
– своды законов и нормативных актов («Всеобщий закон императорской власти», «Общие записи об императорской власти», «Всеобщее изучение императорской власти»);
– подаваемые в министерства ежегодные сведения о численности мужского населения и дворов;

– материалы министерства церемоний о почтительных сыновьях, добродетельных внуках, благородных мужах, целомудренных женщинах и непоколебимых дочерях.

Данный перечень свидетельствует о том, что составители «Цин шилу» имели доступ к максимально широкому кругу первоисточников, охватывающих все сферы жизни империи – от военных кампаний до морального облика подданных.

Ключевым источником для составления «Правдивых записей» о деяниях первых маньчжурских правителей послужил «Маньвэнь лао дан» (Старый архив на маньчжурском языке), который был найден в начале XX в. в так называемом «Мукденском дворцовом архиве». Этот архив был сформирован в начале XVII в. и впоследствии скопирован по приказу императора Цяньлуна в 1775 и 1778 гг. в двух версиях: «Записи без точек и кружков» (без диакритических знаков, на староманьчжурском языке) и «Записи с добавлением точек и кружков» (с диакритикой, на классическом маньчжурском языке).

«Маньвэнь лао дан» охватывает период с 1607 по 1637 г. (с лакунами за вторую половину 1607 г. и 1633–1635 гг.) и содержит посуточные записи, фиксирующие:

– подробная информация о ходе и итогах военных столкновений;

– официальные государственные документы;

– обстоятельства жизни императорского двора;

– отношения маньчжурской элиты с представителями других народов в ранний период формирования цинско-маньчжурского государства.

Как справедливо отмечает российский специалист-маньчжуровед Т. А. Пан, эти документы намного полнее и подробнее соответствующих разделов «Цин шилу» на китайском языке. Общий объем архива составляет 180 томов, из которых 81 том посвящен правлению Нурхаци, 61 том – правлению Хунтайцзи под девизом Тяньцун и 38 томов – правлению Хунтайцзи под девизом Чундэ.

В 2013 г. в Институте археологии и этнографии СО РАН под редакцией В. Е. Ларичева опубликован частичный перевод текстов «Маньвэнь лао дан», выполненный отечественным маньчжуроведом Л. В. Тюрюминой, переведенный фрагмент охватывает события 1607–1621 гг., т. е. конец чисто маньчжурской империи Поздняя Цзинь и начало маньчжуро-китайской династии Цин.

Для большей наглядности ниже приведена таблица, отражающая основные данные о первичных источниках ранних хроник «Цин шилу» на маньчжурском языке.

Таблица

Источники ранних хроник «Цин шилу» на маньчжурском языке

Источник	Краткая характеристика	Датировка и объем	Место хранения
1	2	3	4
«Цзю маньчжоу дан» (旧满洲档, Первоначальный маньчжурский архив)	Оригинальный корпус документальных маньчжурских текстов, легший в основу текстов «Маньвэнь лао дан» (满文老档). Обнаружен в 1962 г. в г. Тайбэй (Тайвань), издан в виде фотокопий тайваньским историком Чэнь Цзесянем (陈捷先) в 1969 г.	Первая половина XVII в. (40 томов)	Музей Гугун (г. Тайбэй)
«Маньвэнь лао дан» (满文老档, Старый архив на маньчжурском языке)	Условное название сокращенной версии «Цзю маньчжоу дан». Обнаружен японским ученым Торадзиро Найто в 1905 г.	1607–1637 гг. (37 томов)	Музей Гугун (Тайбэй), Первый исторический архив (Пекин), книгохранилище Чунмогэ (Шэньян)

Окончание табл.

1	2	3	4
«Записи без точек и кружков» (无圈点满文)	Текст «Маньвэнь лао дан» без диакритических знаков (на староманьчжурском языке)	Копия 1775 г. (180 тетрадей)	Книгохранилище Чунмогэ (Шэньян)
«Записи с добавлением точек и кружков» (加圈点满文)	Текст «Маньвэнь лао дан» с диакритическими знаками (на классическом маньчжурском языке)	Копия 1778 г. (180 тетрадей)	Канцелярия Нэйгэ (内阁) (Пекин)
«Лао маньвэнь юань дан» (老满文原档, Первоначальный архив на староманьчжурском языке)	Документы на старописьменном маньчжурском языке, обнаруженные и зарегистрированные в Музее Гугун в 1931 г.	Первая половина XVII в.	Музей Гугун (Пекин)

Сост. по: [Се Гуйань 2013].

Здесь следует кратко изложить историю создания и развития маньчжурского языка. Предки маньчжуров чжурчжэни сначала использовали монгольское письмо. В 1599 г. (еще при династии Мин, период Ваньли) Нурхаци приказал своим ученым-помощникам по имени Эрдэни и Гагай создать новую письменность на основе монгольского письма. Так появилась «письменность без точек и кружков» (староманьчжурское письмо), которая имела недостатки: омонимия знаков, путаница в написании.

Через 33 года, в 1632 г. (21-й год правления династии Цин), император Абахай (Хуан Тайцзи) поручил своему помощнику по имени Дахай подготовить реформу староманьчжурского письма. Дахай добавил точки и кружки для различения звуков, создал новые буквы для заимствований и унифицировал написание. Так появилась «письменность с точками и кружками» (новое маньчжурское письмо), которая была призвана решить важные вопросы государственного управления и коммуникации.

Говоря о монгольских источниках «Цин шилу», необходимо кратко рассмотреть сборник «Мэнвэнь лао дан» (Старый архив на монгольском языке) – комплекс монгольских документов, обнаруженный в начале XX в. в книгохранилище Государственной канцелярии династии Цин (кит. Цин Нэйгэ) и ныне хранящийся в Первом историческом архиве КНР в Пекине. В его состав входят:

– документы Внутреннего дворцового архива (кит. Нэй мишуюань, 内秘书);

– материалы Монгольского храмового архива (кит. Мэнгу тан дан, 蒙古堂);

– архив «Записей Палаты по делам инородцев династии Цин» (кит. Цин чао Лифаньюань цзилу дан, 清朝理藩院记录档), содержащий документы, составленные с 1639 по 1647 г.

Документы включают перечни даров от монгольских князей, ответных цинских пожалований, записи о преступлениях монгольской аристократии, судебные протоколы Палаты по делам инородцев и другие материалы, отражающие ранний этап маньчжуро-монгольских политико-дипломатических отношений.

Как отмечает современный китайский историк-архивист Се Гуйань, в хроники первых трех маньчжурских правителей (Нурхаци, Абахая, Фулиня) вошло значительное количество архивных материалов на монгольском языке. Это объясняется двумя факторами.

Политический заключался в том, что Нурхаци, стремясь расколоть союз монгольских племен (чахаров, халхасцев и хорчинов) и расширить круг союзников в борьбе против империи Мин, активно заключал брачные союзы с монгольской знатью. Ранний период развития маньчжуро-монгольских отношений характеризовался интенсивными политико-дипломатическими контактами, что нашло отражение в исторических документальных источниках.

Культурный фактор состоял в том, что на раннем этапе своего развития маньчжурское делопроизводство формировалось под влиянием более развитой монгольской

письменной традиции. Маньчжуры использовали монгольскую письменность (адаптированную для маньчжурской фонетики) и заимствовали многие элементы монгольской практики документирования и историописания.

Далее следует сказать о подневных записях «Ци цзюй чжу» (досл. «Записи о подъеме и отходе [ко сну]»), которые представляют собой традиционную для китайской историографии форму фиксации повседневной дворцовой деятельности императора. При династии Цин они начали вестись лишь с конца XVII в. Дневники формировались придворными чиновниками на основе документальных записей о словах и делах императора и служили важнейшим источником для последующего составления «Правдивых записей».

Что касается политических функций «Цин шилу», то назначение «Правдивых записей» не ограничивалось фиксацией исторических событий для будущих поколений историков. Как убедительно показал Г. В. Мелихов, жанр «шилу» выполнял роль «высочайшего руководства» – книги мудрости, в которой правитель мог найти ответы на разнообразные вопросы, возникавшие в управлении огромной империей [1969]. Се Гуйань подчеркивает тот факт, что хроники должны были обосновать полное морально-политическое право преемника на престол Цинской империи [2013].

Хроники аккумулировали политический опыт предшественников и служили практическим пособием в повседневной государственной деятельности. Кроме того, сама процедура составления хроник об ушедшем императоре его преемником имела сакрально-политическое значение, символизируя наследственность власти и легитимируя правление нового монарха.

Согласно давней китайской политической традиции, монарх был обязан изучать деяния своих предшественников с помощью внимательного чтения «Правдивых записей». Се Гуань выделяет две ситуации, в которых императору надлежало обращаться к «Цин шилу». Во-первых, в ходе редактирования хроник предшествовавших правителей в качестве высшего цензора должен был вычитывать и утверждать окончательную редакцию текста «Правдивых записей» их правления. В рамках самообразования, согласно традиции, каждые два дня император читал экземпляры хроник, взятые из государственной канцелярии, – это было обязательным компонентом подготовки китайского монарха к управлению страной.

Доступ к этим текстам имели лишь император, члены императорской семьи и высшие государственные сановники. Такая высокая степень секретности, по замыслу составителей, должна была обеспечить изначальный посыл и событийность сведений, исключив возможность постороннего вмешательства и нежелательной интерпретации.

При этом исследователи указывают на некоторые основания для критического отношения к абсолютной объективности памятника. Так, например, примечательно то, что события фиксировались в хронике не в той последовательности, в которой они происходили, а в день, когда о них становилось известно императору. Это приводило к утрате логико-событийной связи с реальным контекстом. По всей видимости, такой принцип изложения событий должен был отразить влияние того или иного сообщения подчиненных на ход мысли и логику решений императора как на высший источник издававшихся указов и поручений подданным.

Другая особенность заключалась в том, что записи были подчинены интересам текущего правления, что делало «Правдивые записи» чувствительными к изменениям политической конъюнктуры и приводило к редакционным правкам, искажающим реальный смысл событий.

Вместе с тем, как справедливо отмечает Г. В. Мелихов, учитывая особый статус сочинений жанра «шилу» и их хранение в секретнейшем государственном архиве, «представляется маловероятным, чтобы даже в условиях цяньлуновской литературной инквизиции при редактировании могла быть допущена намеренная фальсификация текстов; скорее может идти речь об их некоторой модернизации». Редактура касалась преимущественно языка и стиля изложения, но в целом не затрагивала фактической части [1969].

Проведенный анализ источниковой базы «Правдивых записей о династии Цин» позволяет сформулировать следующие важные аспекты «Цин шилу».

Первый аспект – это комплексность источниковой базы «Цин шилу», данный корпус текстов был основыван на максимально широком круге документальных материалов, включавших дворцовые архивы, министерское делопроизводство, военные документы, законодательные акты, церемониальные записи и личные императорские сочинения. Это обеспечивало полноту и разносторонность фиксируемой информации.

Второй – многоязычный характер ранних источников «Цин шилу». В формировании «Правдивых записей» о первых маньчжурских правителях ключевую роль сыграли как маньчжурские («Маньвэнь лао дан»), так и монгольские («Мэнвэнь лао дан») архивные материалы. Монгольский компонент отражает не только политические реалии ранних маньчжуро-монгольских отношений, но и культурное влияние более развитой монгольской письменной традиции на формирующееся маньчжурское делопроизводство.

Третий – полифункциональность памятника. «Цин шилу» выполняли не только функцию фиксации исторических событий, но и служили практическим руководством в государственном управлении, инструментом легитимации власти, а также средством политической социализации императора.

Четвертый аспект – это относительная высокая достоверность сведений как результат специфического статуса «Цин шилу». Высокая степень секретности и ограниченный доступ к «шилу», исключавшие возможность использования памятника в политической борьбе современников, в сочетании с документальным характером источниковой базы позволяют говорить об относительно высокой степени достоверности зафиксированных сведений, несмотря на неизбежную стилистическую редактуру и языковую модернизацию.

Особую ценность представляет анализ того, как монгольские источники были интегрированы в официальное историописание, и какие аспекты маньчжуро-монгольских отношений получили отражение в итоговом тексте хроник.

Дальнейшее изучение «Цин шилу» в контексте их источниковой базы и политических функций должно идти по пути сопоставительного анализа разноязычных версий памятника, реконструкции полного корпуса первоисточников и исследования механизмов трансформации документальных материалов в нарративное историописание.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности») № 126020516676-6.

Литература

Доронин Б. Г. Китай XVII–XVIII вв.: проблемы историографии и источниковедения / Б. Г. Доронин. – Л.: Ленинградский университет, 1988. – 173 с.

Доронин Б. Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв.: отечественные исследования / Б. Г. Доронин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 288 с.

Ло Чжэньюй. Цин тайцзу хуанди шилу гаобэнь саньчжун сюй / Чжэньюй Ло. – Шэньян: Фэнтянь шиляо чжэнличу, 1933. – 498 с.

Маньвэнь лао дан: старый архив на маньчжурском языке / под ред. В. Е. Ларичева; пер. с маньчжур. Л. В. Тюрюминой. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 276 с.

Мелихов Г. В. «Да Цин личао шилу» как исторический источник / Г. В. Мелихов // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: проблемы истории и экономики. – М., 1969. – С. 68–79.

Пан Т. А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. / Т. А. Пан. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 228 с.

Дайчин улсын монголын магад хууль: Правдивые записи о монголах Цинской империи. Т. 1. – Хух-Хото: Изд-во просвещения Внутренней Монголии, 2013. – 1236 с.

Се Гуйань. «Цин шилу» яньцзю: Исследования по «Правдивым записям династии Цин» / Гуйань Се. – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2013. – 703 с.

Чжуан Цзифа. Цин дай шиляо луньшу / Цзифа Чжуан. – Тайвань: Вэньшичжэ чубаньшэ, 1979. – 219 с.

Чэнь Цзесянь. Маньвэнь Цин шилу яньцзю / Цзесянь Чэнь. – Тайвань: Тайвань дахуа, 1978. – 160 с.

Biggerstaff K. Some Notes on the Tung-hua lu and the Shih-lu / K. Biggerstaff // Harvard Journal of Asiatic Studies. – 1938. – No. 3. – P. 296–297.

References

Doronin B. G. Kitaj XVII–XVIII vv.: problemy istoriografii i istochnikovedeniya / B. G. Doronin. – L.: Leningradskij universitet, 1988. – 173 s.

Doronin B. G. Istoriografiya imperatorskogo Kitaya XVII–XVIII vv.: otechestvennye issledovaniya / B. G. Doronin. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2002. – 288 s.

Lo Chzhen'yuj. Cin tajczu huandi shilu gaoben' san'chzhun syuj / Chzhen'yuj Lo. – Shen'yan: Fentyan' shilyao chzhenlichu, 1933. – 498 s.

Man'ven' lao dan: staryj arhiv na man'chzhurskom yazyke / pod red. V. E. Laricheva; per. s man'chzhur. L. V. Tyuryuminoj. – Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2013. – 276 s.

Melihov G. V. «Da Cin lichao shilu» kak istoricheskij istochnik / G. V. Melihov // Strany Dal'nego Vostoka i Yugo-Vostochnoj Azii: problemy istorii i ekonomiki. – M., 1969. – S. 68–79.

Pan T. A. Man'chzhurskie pis'mennye pamyatniki po istorii i kul'ture imperii Cin XVII–XVIII vv. / T. A. Pan. – SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. – 228 s.

Dajchin ulsyn mongolyn magad huul': Pravdivye zapisi o mongolah Cinskoj imperii. T. 1. – Huh-Hoto: Izd-vo prosveshcheniya Vnutrennej Mongolii, 2013. – 1236 s.

Se Gujan'. «Cin shilu» yan'czyu: Issledovaniya po «Pravdivym zapisyam dinastii Cin» / Gujan' Se. – Shanhaj: Shanhaj guczi chuban'she, 2013. – 703 s.

Chzhuan Czifa. Cin daj shilyao lun'shu / Czifa Chzhuan. – Tajvan': Ven'shichzhe chuban'she, 1979. – 219 s.

Chen' Czesyan'. Man'ven' Cin shilu yan'czyu / Czesyan' Chen'. – Tajvan': Tajvan' dahua, 1978. – 160 s.

Biggerstaff K. Some Notes on the Tung-hua lu and the Shih-lu / K. Biggerstaff // Harvard Journal of Asiatic Studies. – 1938. – No. 3. – P. 296–297.

УДК 930 (571.54)
ББК 63.2 (2Р54)
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-129-134

С. Б. Бухоголова, С. Р. Батомункуевна

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ТИБЕТСКО-МОНГОЛЬСКОГО СЛОВАРЯ Г.-Ж. ТУГУЛДУРОВА

Статья посвящена исследованию тибетско-монгольского словаря Г. Ж. Тугулдурова – «Светильник, освещающий значение слов». Его работа представляет собой уникальное лексикографическое издание, свидетельствующее не только о высокой духовной, но также и о развитой книжной культуре и издательской деятельности бурят. Кроме того, данный словарь, предположительно, является первым бурятским тибетско-монгольским словарем, что делает его исследование еще более актуальным.

Ключевые слова: Галсан-Жимба Тугулдуров, тибетские словари, монгольские словари, билингвальные словари, тибето-монгольская лексикография.

S. B. Bukhogolova, S. R. Batomunkueva

TEXTOLOGICAL DESCRIPTION OF THE TIBETAN-MONGOLIAN DICTIONARY OF G.-Zh. TUGULDUROV

The article is devoted to the study of the Tibetan-Mongolian dictionary “A lamp illuminating the meaning of words” compiled by G.-Zh. Tuguldurov. This dictionary is a unique lexicographic publication which shows not only a developed spiritual culture, but also a high book culture and publishing activities of the Buryats. In addition, this dictionary is believed to be the first Buryat Tibetan-Mongolian dictionary what makes its research more relevant.

Keywords: GGalsan-Zhimba Tugulduro v, Tibetan dictionaries, Mongolian dictionaries, bilingual dictionary, Tibeto-Mongolian lexicography.

Предисловие и колофон словаря «Светильник, освещающий значение слов»

Галсан-Жимба Тугулдуров (1817–1872) известен как пятый настоятель Агинского дацана «Дэчен Лхундублинг» и один из образованнейших бурятских лам, знаток в области буддийской философии, тибетской медицины и астрологии. В данной работе нами рассматривается его терминологический словарь «Светильник, освещающий значение слов» (тиб. *Brda yig ming don gsal ba’i sgron me zhes bya ba bzhugs so; монг. Ner-e udq-a-yi geyigülügči jula kemegdekü dokiyan-u bičig orosiba*) (далее – «Светильник...»). В монгольском фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН хранятся рукописное [brda yigM] и ксилографическое издание [brda yigX] «Светильника...». Кроме того, нами исследуется еще один вариант словаря, изданного в 1940 г. в г. Хайлар литографическим способом [brda yigL].

Отметим, что во всех его версиях не указана дата издания словаря, но в колофоне ксилографа говорится о том, что словарь составлен и издан настоятелем Агинского дацана Галсан-Жимба Балзангпо, т. е. Г.-Ж. Тугулдуровым. Это, очевидно, период с 1858 по 1872 г., когда он занимал указанный пост. В настоящее время нет сведений о словарях, составленных ранее «Светильника...», поэтому можно предположить, что этот труд Г.-Ж. Тугулдурова – первый бурятский тибетско-монгольский терминологический словарь. До недавнего времени первенство отдавалось словарю Р. Номтоева «Лампада,

БУХОГОЛОВА Саяна Батуевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: sayana050379@yandex.ru.

БАТОМУНКУЕВА Соелма Ринчиновна – кандидат философских наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: soelmul@mail.ru.

рассеивающая темноту, раскрывающая имя, слово и значение» (тиб. *bod hor gyi brda yig ming tshig don gsum gsal bar byed pa mun sel sgron me, Töbed mongγul-un dokiyan-u bičig. Ner-e üge e udq-a γurban-i toduraγulun qarangqui-yi arilγaγči jula*). Р. Е. Пубаев пишет, что, когда Р. Номтоев обратился в печатню Агинского дацана с просьбой опубликовать его словарь, то получил ответ, что в издательстве идет работа над словарем Г.-Ж. Тугулдурова и к его словарю приступят только после выхода этого издания [1965: 231]. Известно, что словарь Р. Номтоева (Суматиратны) вышел в свет в 1877 г.: «Суматиратна в возрасте 57 лет в год огненной коровы 15 рабжунга под знаком кролика» [Sumatiratn-a 1959: 1390]. Кроме того, есть сведения, что Суматиратна при составлении своего словаря пользовался другим словарем Г.-Ж. Тугулдурова «Ясные изречения, расположенные по алфавиту под названием “Лучи луны, под которыми распускаются лотосы-кумуда – умы учеников”» (тиб. *mngon brjod kyi ming rnams ka 'phreng du bsgrigs pa blo gsar ku nda bzhad pa'i zla zer zhes bya ba bzhugs so*) [Яхонтова 2015: 89]. Вместе с этим можно предположить, что последний словарь, в котором содержится около 3200 слов, лег в основу «Светильника...» – его расширенной версии, имеющей около 18 тыс. слов и словосочетаний, о чем подробнее будет сказано далее.

Рукописный вариант словаря представляет собой тетрадь большого формата на 109 листах (35×22 см). Изготовлена из белой бумаги русского производства со штемпельной маркировкой «фабрики наследников Сумкина № 6». Рукопись хорошей сохранности и читабельности, листы аккуратно пришиты друг к другу прочными нитками темно-оранжевого цвета, внешняя часть тетради переплетена в твердую обложку, обтянутую желтой шелковой тканью. На ней имеются сведения о том, что в 1940 и в 1999 гг. проводилась инвентаризация с присвоением номеров MI-293 и MI-334 соответственно.

На титульном листе дано название словаря на тибетском языке и монгольской письменности, заключенное в двойные рамки красного цвета. Нумерация страниц дана в верхнем левом углу тибетскими цифрами тушью красного цвета, а в правой нижней части номера страниц записаны простым карандашом арабскими цифрами. Очевидно, что последние записи были добавлены позднее. Каждый лист словаря имеет рамки, нарисованные ручкой красного цвета. Поскольку бумага не имеет никаких линий, они были прочерчены автором для удобства написания и ровного расположения слов. Слова и словосочетания, расположенные в 10–11 строк, написаны на тибетском языке тушью черного цвета, а текст – на монгольской письменности – шариковой ручкой черного цвета. Буквы тибетского алфавита в целях их выделения написаны красным цветом. Отметим, что первая буква тибетского алфавита *ka* в рукописи на монгольской письменности обозначена как *γa*, тогда как в ксилографе написана верно. Порядок слов и словосочетаний в обоих вариантах словаря идентичен. Начало группы слов отдельной буквы обозначается традиционным знаком – *биргой*. Подчеркнем, что диакритические точки проставлены в необходимых местах, но и там, где они не предусмотрены: перед *g* переднего ряда проставлены две точки, которые должны располагаться перед *γ* заднего ряда.

Ксилограф словаря издан на бумаге русского производства размером 54×9 см и состоит из 220 листов. На некоторых листах (к примеру, 121a, 130a и т. д.) имеются печати «Фабрики Ятесь № 7». Размеры листа – 9×54 см. На титульном листе в черной рамке также дано название словаря на двух языках. Пагинация справа на тибетском языке, слова и словосочетания помещены в черные рамки и расположены в три строки.

Сравнение ксилографа и рукописи «Светильника...» показывает, что они практически идентичны за исключением нескольких моментов. Их вводная часть аналогична: в небольшом предисловии в виде стихотворных строк говорится о высоком значении словаря в ходе получения знаний и необходимости его использования. В начале идет обращение к Будде мудрости – Тысячеокому Манджушри, способному «устранить засуху неведения дождем Учения». Автор словаря выражает решимость в свершении дела – составлении словаря. Для облегчения изучения 30 букв тибетского алфавита они разделены на группы [brda yigM: 1; brda yigX: 1a–2b].

Сопоставление их колофонов показывает, что заключительная часть ксилографического издания [brda yigX: 215a–220a] значительно расширена – добавлены сведения

об авторе, о конкретных лицах, имевших непосредственное участие в работе его издания, а также о людях, оказавших материальную помощь. Отметим, что в нем отсутствует фрагмент из четырех строк, который есть в рукописи [brda yigM: 109b].

Вводная часть литографического издания идентична как рукописи, так и ксилографу. Порядок слов дублирует ксилограф, но их расположение в некоторых местах отличается. Прежде чем дать краткое описание колофона литографа, необходимо отметить, что мы разделили его на три условные части. Первая часть колофона также повторяет заключение ксилографа, но в ней отсутствуют пять страниц [brda yigX: 216a–218a], также присутствуют аналогичные пропуски из рукописи в виде четырех строк.

Во второй части колофона добавлены сведения только на монгольской письменности, без дублирования на тибетском о том, что словарь был издан в 1940 г. литографическим способом в г. Хайларе КНР. В нем также имеется информация, что словарь издается с целью его использования в учебных заведениях по монгольской медицине, а также для принесения пользы верующим и ученым. Важность словаря была отмечена хинганским областным губернатором Эрхимбату, что способствовало его переизданию [brda yigL: 216b–217a].

Третья часть, очевидно, добавленная в 2006 г., содержит данные о том, что словарь отпечатан в г. Москве с оцифрованной копии литографического издания в типографии ФКП «НИИ Геодезия» [Ibid.: 217b]. Последнее переиздание стало возможным благодаря инициативе Галданай Гэлэг Балбар-ламы и материальному содействию Володи и его супруги Инны (полные данные в источнике не указаны. – *Авт.*) [Ibid.].

Структура и содержание «Светильника...»

По нашим подсчетам, словарь содержит около 18 тыс. различных слов, словосочетаний и терминов, данных в алфавитном порядке тибетского языка от *ka* до *A*. Следует отметить, что, согласно Р. Е. Пубаеву, словарь включает около 20 тыс. [1965: 233]. В то же время расположение слов можно охарактеризовать как гнездовое. Так, буква *ка* расположена на страницах 2b1–16a3, где первая цифра означает номер страницы, вторая – номер строки, количество слов данной буквы – 1160, т. е. схематически выглядит следующим образом: *ка* 2b1–16a3 – 1160 (далее – по этой схеме); *kha* 16a3–26b1 – 921; *ga* 27b1–45a2 – 1555; *nga* 45a2–50a2 – 407; *ca* 50a2–54b2 – 394; *cha* 54b2–61b1 – 590; *ja* 61b1–64a1 – 275; *nya* 64b1–70a1 – 522; *ta* 70a2–77a2 – 673; *tha* 77a2–83a2 – 579; *da* 83a2–97a3 – 1266; *na* 97a3–105b2 – 654; *pa* 105b2–111b3 – 494; *pha* 111b3–121b3 – 1237; *ba* 122a1–139b2 – 662; *ma* 139b3–151a1 – 841; *tsa* 151a2–156b2 – 403; *tsha* 156b2–163b1 – 360; *dza* 163b1–166a3 – 200; *wa* 166a3–166b2 – 20; *zha* 166b2–172a1 – 412; *za* 172a1–177a1 – 392; *a* 177a1–178b3 – 140; *ya* 178b3–185a1 – 457; *ra* 185a2–191a2 – 484; *la* 191a2–196a1 – 357; *sha* 196a1–201a2 – 420; *sa* 201a2–210b2 – 774; *ha* 210b2–213b3 – 246; *A* 213b3–215a3 – 139. Колофон содержится на страницах 215a3–219b3.

«Светильник...» охватывает разнообразную лексику, встречается много бытовых, специальных, религиозных, а также других слов и словосочетаний. Вместе с тем, учитывая период и место составления словаря, надо полагать, что он создавался преимущественно с целью чтения и перевода религиозных текстов с тибетского на монгольскую письменность. Кроме того, в нем даны толкования и значения некоторых лексических единиц, которые дают право называть его и толковым словарем.

К примеру, тиб. *do zan* ‘стеклянное украшение’, монг. *erdeni-dür endegürekü čilaγun* ‘камень, который можно по ошибке принять за драгоценность’ [brda yig M: 49b];

тиб. *don kun grub pa* ‘достигший всех целей’, монг. *tusa bükün-i bütügegči*, *Sarva artasti*, *Sikemüni-yin nere* [Ibid.] – монгольский перевод передает три варианта значения данного слова: букв. достигший всего, название школы Сарвастивада и эпитет Будды;

тиб. *nor phel*, монг. *ed mal-i aduγulqu*: слово, в тибетском языке имеющее значение ‘процветание’ в монгольском передается как ‘заниматься скотоводством’ [Ibid.: 57b];

санскр. *kārṣāpaṇa* ‘золото, серебро, деньги’, тиб. *kar+Sha pa ni* ‘монета в Древней Индии’, монг. altan ba mönggün joγus-un nere – название золотых и серебрянных монет [Ibid.: 3a].

В бурятском языке существует множество заимствований из разных языков, в т. ч. из тибетского, в связи с чем «Светильник...» дает возможность выделить подобные слова. Из заимствований преимущественно встречаются слова из тибетского языка, многие из которых имеют санскритские корни, в особенности религиозная терминология. Впоследствии с распространением буддизма эти заимствования перешли и в монгольские языки. Например:

тиб. *ka ko la* (санскр. *kākola*) ‘лекарство какола’, монг. *gegülen em* [brda yig M: 1a] ‘род пряности, большой кардамон’;

тиб. *ka to ra* (санскр. *kaṭorā*) ‘кувшин для умывания’, монг. *katuvar-a*, *ugiyal-un saba* [Ibid.] ‘кувшин для умывания’;

тиб. *ka di ra* (санскр. *khādira*) ‘дерево кадир’, монг. *gadiy-a modun* [Ibid.] ‘айва, акация’;

тиб. *ka pA la* (санскр. *kapāla*) ‘чаша из черепа’, монг. *kabala* [Ibid.] ‘череп, ритуальный сосуд из черепа’;

тиб. *ka la bing ka* (санскр. *kalāpin*) ‘индийская кукушка, птица со сладким голосом’, монг. *galbingga šibaγun*, *buljumur* [Ibid.] ‘калавинка (птица Гаруди), соловей, райская птица’;

тиб. *wa ru na* (санскр. *vāruṇaḥ*) ‘божество вод, нага’, монг. *varuna lous* [Ibid.: 89a] ‘Варуна, божество вод, страж западной стороны’;

санскр. *kṣaṇa* ‘момент, секунда’, монг. *nigen gsan-a* [Ibid.: 5a] ‘мгновение, миг, момент’;

санскр. *mahābhūta*, монг. *maqabud* [Ibid.: 9b] ‘элемент, стихия, материя’.

Кроме того, можно отметить китаизмы, встречающиеся в лексике монгольских языков, которые вошли как напрямую, так и через тибетский язык:

кит. *wǎ* ‘черепица, глиняные изделия’, монг. *vaγar saba* ‘глиняная посуда’ [Ibid.: 16a];

кит. *chuāng[hu]* ‘окно’, монг. *čongqu* ‘окно’ [Ibid.: 17b];

тиб. *pi bang* ‘вина – индийский музыкальный инструмент’, кит. pípa ‘пипа, люцинь (китайский музыкальный инструмент)’, монг. *biba*, *yataγ-a* ‘четырнадцатиструнный музыкальный инструмент, похожий на арфу, гусли’ [Ibid.: 60b];

кит. *húluóbo* ‘морковь’, монг. *loubang* ‘морковь’ [Ibid.: 22b];

тиб. *wang kung* ‘китайский титул высокого ранга’, монг. *vang güng* ‘князья, знать, знатные люди’ [Ibid.: 89a];

кит. *xuéshēng* ‘студент’, монг. *šiusai* ‘студент, учащийся’ [Ibid.: 71a].

К поэтическим словам и выражениям, метафорично описывающим различные предметы, животных, явления и т. д., относятся:

тиб. *mgrin sngon can*, монг. *köke qoγulai-tu*, *Makišuvari* букв.‘обладающий синей шеей, Махешвари’ является эпитетом божества Шивы [Ibid.: 19b];

тиб. *skad chen* ‘громкозвучный, гром’, монг. *luu* ‘дракон’ [Ibid.: 5a];

тиб. *kun gsod* ‘убивающий всех, чудовище’, монг. *mangγus* ‘мангус, сказочное чудовище’ [Ibid.: 1b];

тиб. *tsha zer can* ‘обладающий жаром’, монг. *naran* ‘солнце’ [Ibid.: 85b];

тиб. *sprin gi lcug ma*, монг. *egülen-ü nayiljaγur*, букв. ‘облачный кнут’ означает ‘молнию’ [Ibid.: 53a];

тиб. *dus ‘dzin*, монг. *čaγ-i bariγči* ‘держащий время, эпитет Эрлик-хана’ [Ibid.: 49a].

Также можно отметить звукоподражательные слова: тиб. *‘khyug ‘khyug* с тибетского переводится как ‘сверкание, блеск’, на монгольской письменности передано звукоподражанием *kilug kilug/gilug gilug*, что произносится как *гялс* и означает ‘мерцание, сверкание’ [brda yigX: 25b]; тиб. *sib sib* ‘медленно, мягко/капать’, на монгольской письменности *čeb čeb* – ‘безмолвный/как-кап, звуки капающей воды’.

На некоторых страницах словаря, хранящегося в ЦВРК ИМБТ СО РАН, обнаружены оплошности в виде повторной «прогонки» доски-матрицы, в результате чего на странице 27a повторяется буква *kha* вместо *ga* [Ibid.: 27a]; на странице 45b вместо *nga* идет повтор *ga* [Ibid.: 45b]. Очевидно, данный недочет является ошибкой печатника, а не резчика, поскольку мы сравнили листы других аналогичных изданий, где буквы располагаются в правильном порядке.

Заключение

Несмотря на отсутствие прямых свидетельств, но учитывая сведения из колофона и обзор имеющихся материалов, можно сказать, что «Светильник...» является первым бурятским тибетско-монгольским словарем. К тому же составление и издание подобного труда требует больших не только высоких интеллектуальных, но и материальных затрат, в связи с чем можно предположить, что состоятельные родители могли поддержать Г.-Ж. Тугулдурова в подобном деле. Неоднократное переиздание «Светильника...» говорит о его высокой значимости и востребованности. Словарь вносит весомый вклад в развитие не только в бурятской, но и в общемонгольской лексикографии и будет полезен при составлении различных типов словарей тибетского и монгольского языков, перепроверке или уточнении слов и выражений.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Традиционная письменная культура народов Внутренней Азии в системе») № 126020516671-1.

Источники и литература

brda yigM – brda yig ming don gsal ba'i sgron me zhes bya ba bzhugs so / Ner-e udq-a geyigülügči jula kemegdekü dokiyan-u bičig orušiba (Словарь, именуемый «Светильник, освещающий значения слов») // Монгольский фонд Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. MI-334. 109 л. Рукопись.

brda yigX – brda yig ming don gsal ba'i sgron me zhes bya ba bzhugs so / Ner-e udq-a geyigülügči jula kemegdekü dokiyan-u bičig orušiba (Словарь, именуемый «Светильник, освещающий значения слов») // Монгольский фонд Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. MII-570. 220 л. Ксилографическое издание.

brda yigL – brda yig ming don gsal ba'i sgron me zhes bya ba bzhugs so / Ner-e udq-a geyigülügči jula kemegdekü dokiyan-u bičig orušiba (Словарь, именуемый «Светильник, освещающий значения слов») // Словарь из личного архива Субад Бальжинимаевны Дашиевой. Литографическое издание.

Sumatiratn-a. bod hor kyi brda yig ming tshig don gsum gsal bar byed pa mun sel sgron me (Töbed mongγol-un dokiyan-u bičig ner-e üge udqa γurban-i toduraγulun qarangγui-yi arilγaγči jula) / Sumatiratn-a. – Ulaanbaatar, 1959. – 1391 p.

Пубаев Р. Е. Тибетско-монгольский словарь агинского бурята Хуацайского рода Галсан-Жимба Тугулдурова / Р. Е. Пубаев // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 2. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. – С. 228–233.

Яхонтова Н. С. Словарь «Лучи луны» – один из источников тибетско-монгольского словаря Суматиратны / Н. С. Яхонтова // Mongolica-XV: сб. науч. ст. по монголоведению, посвящ. 90-летнему юбилею монголоведа, преподавателя Вост. фак-та Санкт-Петербургского гос. ун-та З. К. Касьяненко. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. – С. 88–93.

References

brda yigM – brda yig ming don gsal ba’i sgron me zhes bua ba bzhugs so / Ner-e udq-a geyigülügči jula kemegdekü dokiyan-u bičig orušiba (Slovar’, imenuemyj «Svetil’nik, osveshchayushchij znacheniya slov») // Mongol’skij fond Centra vostochnyh rukopisej i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN. MI-334. 109 l. Rukopis’.

brda yigH – brda yig ming don gsal ba'i sgron me zhes bua ba bzhugs so / Ner-e udq-a geyigülügči jula kemegdekü dokiyan-u bičig orušiba (Slovar’, imenuemyj «Svetil’nik, osveshchayushchij znacheniya slov») // Mongol’skij fond Centra vostochnyh rukopisej i ksi-lografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN. MII-570. 220 l. Ksilograficheskoe izdanie.

brda yigL – brda yig ming don gsal ba’i sgron me zhes bua ba bzhugs so / Ner-e udq-a geyigülügči jula kemegdekü dokiyan-u bičig orušiba (Slovar’, imenuemyj «Svetil’nik, osveshchayushchij znacheniya slov») // Slovar’ iz lichnogo arhiva Subad Bal’zhinimaevny Dashievoj. Litograficheskoe izdanie.

Sumatiratn-a. bod hor kyi brda yig ming tshig don gsum gsal bar byed pa mun sel sgron me (Töbed mongγol-un dokiyan-u bičig ner-e üge udqa γurban-i toduraγulun qarangγui-yi arilγaγči ǰula) / Sumatiratn-a. – Ulaanbaatar, 1959. – 1391 p.

Pubaev R. E. Tibetsko-mongol'skij slovar' aginskogo buryata Huacajskogo roda Galsan-Zhimba Tuguldurova / R. E. Pubaev // Materialy po istorii i filologii Central'noj Azii. Vyp. 2. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1965. – S. 228–233.

Yahontova N. S. Slovar' «Luchi luny» – odin iz istochnikov tibetsko-mongol'skogo slovarya Sumatiratny / N. S. Yahontova // Mongolica-XV: sb. nauch. st. po mongolovedeniyu, posvyashch. 90-letnemu yubileyu mongoloveda, prepodavatelya Vost. fak-ta Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta Z. K. Kas'yanenko. – SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2015. – S. 88–93.

УДК 39
ББК 63
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-135-140

С. Б. Миягашева

О ВЫСТАВКЕ «ГДЕ СКАЧУТ КОНИ ВЕТРА: КСИЛОГРАФИЯ БУДДИЙСКИХ МОЛИТВЕННЫХ ФЛАГОВ» В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ КОДОВ БУДДИЗМА

Статья посвящена описанию концепции музейной выставки «Где скачут кони ветра: ксилография буддийских молитвенных флагов», открывшейся в выставочном зале ЦВРК ИМБТ СО РАН. В работе анализируются визуальные коды буддизма, воплощенные в экспонатах выставки, таких как молитвенные флаги *(хий морин / лунгта)*, печатные матрицы, иконы парма и рукописные тексты, их символическое значение и роль в религиозной практике буддистов.

Ключевые слова: экспозиционно-выставочное дело, ксилография бурятских буддийских дацанов, флажки *хий морин*, культ лошади у бурят.

S. B. Miyagasheva

ABOUT THE EXHIBITION “WHERE THE HORSES OF THE WIND RACE: XILOGRAPHY OF BUDDHIST PRAYER FLAGS” IN THE CONTEXT OF STUDYING THE VISUAL CODES OF BUDDHISM

The article is devoted the concept of the museum exhibition which opened at the Exhibition Hall of the Center of Oriental manuscripts and xylographs of the IMBT SB of the RAS. The article analyzes the visual codes of Buddhism embodied in the exhibits, such as prayer flags *(khii morin / lungta)*, printing matrices, parma icons, and handwritten texts, as well as their symbolic significance and role in the religious practices of Buddhists.

Keywords: exhibition, xylography of Buryat Buddhist datsans, *khii morin* flags, the cult of the horse among the Buryats.

Введение

Выставочный зал Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН), функционирующий с 1995 г., выполняет значимую научно-просветительскую функцию, он служит важнейшей площадкой для изучения истории письменной культуры народов Внутренней Азии, демонстрации фондов ЦВРК ИМБТ СО РАН, освещения научных достижений Бурятии как в исторической перспективе, так и на современном этапе [Ванчикова 2015: 112]. Исследовательский потенциал ЦВРК ИМБТ СО РАН определяется многообразием его фондов, включающих уникальные коллекции тибетских и монгольских письменных памятников (рукописей и ксилографов), архивных материалов, аудиозаписей фонофонда, востоковедной библиотеки. Особую научную ценность представляет буддийская коллекция, включающая живопись, графику, скульптуру, ритуальные предметы, а также иконографическую коллекцию тханка, парма и цакли, воссоздающих специфику основных направлений развития бурятских визуальных практик в Байкальском регионе в конце XIX – начале XX в. [Базаров 2021: 224].

Благодаря наличию подобных источников стала возможной организация выставки, посвященной традиционному искусству создания молитвенных флагов *хий морин* (бур.), или *лунгта* (тиб.), – одному из ключевых элементов буддийской культуры. Через призму их экспонирования выставка раскрывает визуальные коды буддизма – систему

МИЯГАШЕВА Суржана Борисовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: surjana@yandex.ru.

образов, символов, композиций и цветовых решений, несущих религиозно-философское содержание. Экспозиция состоит из четырех основных тематических разделов, раскрывающих традиции создания и использования молитвенных флагов, а также их роль в буддийской культуре.

Первый раздел посвящен технике ксилографии как традиционному способу создания буддийских молитвенных флагов *хий морин*. Ксилография – это метод печати с использованием деревянной матрицы (клише) (бур. *бар/хэв*), который сыграл ключевую роль в распространении буддийского учения, поскольку позволял быстро тиражировать тексты и точно воспроизводить иконографические изображения божеств. Представленные на выставке печатные матрицы и образцы оттисков на монгольском и тибетском языках демонстрируют разные формы и назначение текста. Среди экспонатов выделяется деревянное клише в миниатюре, которое содержит текст «съедаемых букв» (тиб. *za yig*), отпечатываемых на бумаге для проглатывания в лечебных или магическо-обрядовых целях.

Технология изготовления матриц для ксилографии наглядно демонстрируется с помощью инструментов – специальных резаков для работы по дереву, китайской туши и кисточки для ее нанесения. Эти предметы позволяют проследить ключевые этапы процесса – от создания рисунка на деревянной поверхности до подготовки матрицы к печати оттиска. Изготовлением матриц занимались специально обученные ламы или ремесленники – барчины из числа мирян, знающих тибетскую и монгольскую грамоту [Герасимова, Ленхобоев 2006: 258]. Они трудились при монастырях в печатных дворах или типографиях для издания буддийских книг, называемых *бархан* (тиб. *dpar khang*, букв. «дом печати»). Матрицы имели сакральный статус – они создавались не как произведения индивидуального искусства, а как инструменты духовной практики. Большинство дошедших до нас экземпляров анонимны: традиция не сохранила имен резчиков. Известны лишь редкие исключения, когда сохранились сведения о мастерах, таких как Осор Будаев, Еши-Нима Дамбийн, Данзан Гэндэн и Сультим Тарбаев, чьи работы демонстрируют высокий уровень мастерства и позволяют проследить развитие техники ксилографии в регионе [Бальжурова 2013: 20]. В рамках подготовки выставки было выявлено имя мастера-барчина из Янгажинского дацана – Шойдора Дашинимаева. В 1930-е гг., во время закрытия бурятских дацанов, он сохранил старинную матрицу *хий морин* из Янгажинского дацана. Артефакт передавался в семье Дашинимаевых по мужской линии и в 2025 г. был возвращен в дацан. По просьбе прапраправнучки мастера Янжимы ламы изготовили оттиск с матрицы на ткань. Экспонат теперь представлен в ЦВРК ИМБТ СО РАН, позволяя зрителям прикоснуться к многовековой традиции.

Следует отметить, что в старину каждый дацан обладал своей матрицей *хий морин*, которая отличалась от остальных. Эти различия могли касаться иконографии, набора сопровождающих символов, ее размера и формата, а также особенностей резьбы и стиля исполнения. Матрица служила своеобразной визитной карточкой дацана, отражая его традиции и мастерство местных резчиков-барчинов и мастеров-дарханов по дереву.

Еще одним визуальным кодом, являющимся важным дополнением экспозиции, выступает икона бодхисаттвы Манджушри, которая иллюстрирует устойчивую традицию почитания этого образа в среде бурятских дарханов – ремесленников по дереву. В буддийской традиции бодхисаттва выступает покровителем мудрости и искусства, а в локальной бурятской традиции он приобрел дополнительное значение в качестве покровителя ремесленного мастерства и точной работы [Гомбоева 2025: 63].

Мастера-барчины изготавливали многочисленные матрицы, содержавшие как текстовые фрагменты, так и изобразительные элементы. С них осуществлялось массовое тиражирование оттисков.

Второй блок выставки представлен оттисками уникальных образцов старинных ритуальных флагов из фондов ЦВРК ИМБТ СО РАН. Эти экспонаты – оригинальные произведения бурятского буддийского искусства, демонстрирующие канонические особенности региональной традиции ксилографической печати.

Буддийские иконы, отпечатанные на шелковом или хлопчатобумажном полотне с деревянной матрицы *бар*, называются *парма* (тиб. *par – d'par-ma*). Визуально парма

представляют собой ксилографический контурный оттиск черной тушью, некоторые изображения докрашивались красками [Иконография Ваджраяны 2003: 584].

Экспонаты данного тематического блока относятся к особым категориям иконографии: *рлунг-та* (тиб. *rlung-ta*) – «конь ветра», *бумто хорло* (тиб. *bum thog 'khor-lo*) – «колесо сокровищ», *клунгта-рта-ка-рдзугс* (тиб. *klung-rta rta kha-rdzugs*). Это особая категория защитных астрологических икон, отражающих микро- и макрокосмос в буддизме [Гомбоева 1993: 22]. На них центральными персонажами являются образы *хий морин* и мифической черепахи-лягушки с магическим кругом. Вокруг центрального образа выстраиваются небесные символы: солнце и луна, семь или девять планет, расположение которых соотносится с днями недели. По углам иконы помещены «четверо могущественных» – лев, тигр, Гаруда и дракон, охраняющие стороны света. Дополняют композицию восемь благоприятных знаков, семь драгоценностей чакравартина и священные тексты на тибетском языке. На них всегда помещаются образы трех бодхисаттв – Авалокитешвары, Манджушри и Ваджрапани, образующие особый культ «Ригсум Гомбо», либо мантры в их честь. Назначение космологических икон – помочь человеку понять бесчисленные циклы и ритмы Вселенной и жить в гармонии с самим собой и с окружающим миром, а на бытовом уровне иконы были призваны защитить от различных вредоносных воздействий на человека и окружающую его среду [Асалханова 2018: 31].

Подобные старинные иконы, выполненные в технике ксилографии, воплощают в себе синтез космологических представлений, астрологических знаний и религиозных воззрений монгольских народов. По сути, они являются прототипами современных флагов *хий морин*, так как их ключевые сюжеты и семантика до сих пор воспроизводятся в традиционных ритуальных флажках. Они отражают устойчивость канонических образов при вариативности их исполнения и демонстрируют преемственность визуальных кодов в исторической перспективе.

Третий блок выставки знакомит с коллекцией старинных рукописей на монгольском и тибетском языках, тематика которых охватывает широкий спектр дисциплин: от астрологии и астрономии до медицины и этнографии. Эти источники выполняют функцию текстового сопровождения визуальных образов: они дополняют и разъясняют сюжеты астрологических *парма*, раскрывая их символическое содержание, космологические концепции и ритуальное назначение. В частности, рукописи содержат описания расчетов, лежащих в основе расположения небесных символов на иконах, тексты мантр и молитв, представленных на иконах, ритуально-обрядовые практики. Особую ценность представляет «Вайдурья карпо» Деси Сангье Гьяцо (1653–1705) – фундаментальный труд по астрологии, астрономии и календарным расчетам. Также экспонируется фрагмент астрологического сочинения Лобсан Бальжора, содержащий расчеты состояния энергии *хий морин* и инструкции по изготовлению ритуальных флагов для 12 годовых животных знаков. В экспозиции представлены ритуальные тексты, в т. ч. монгольская рукопись «Сан (воскурение) хий морин». Манускрипт содержит предписания по проведению обряда воскурения *(сан)* в контексте ритуала *хий морин* – вывешивания молитвенных флагов, символизирующих жизненную энергию человека.

Небольшую группу экспонатов составляют фольклорные сочинения и манускрипты с народными приметами и гаданиями, связанные с образом лошади как ключевого персонажа буддийских молитвенных флагов *хий морин*. Эти материалы объединяют повседневную жизнь с религиозно-мифологическими представлениями, раскрывают связь между природными явлениями и календарными обрядами, повествуют о происхождении обрядов. Например, одно из старейших монгольских литературных произведений XIII–XIV вв. «Повесть о двух скакунах Чингисхана» повествует о появлении обычая *сэтэрлэх*, вплетая полоски шелка в гривы лошадей [Терентьев 2014: 195]. Интерес представляют обрядовый текст лечения лошади, который является не просто практическим руководством, а сакральным ритуалом и включает в себя молитвы и специальные ритуалы; сутра «О качествах коня», в которой описываются признаки хорошей лошади; поэтическое произведение «Мориной соло», прославляющее коня как верного друга и соратника; текст «Гадание по крикам вороны, сороки, ржанию лошади», в котором сохранилось отражение веры в способность животных предсказывать будущее, так

как ржание коня могло служить знаком удачи или предостережением о грядущих событиях. Эти старинные манускрипты из фондов ЦВРК ИМБТ СО РАН раскрывают культ лошади у монгольских народов как одной из ключевых составляющих традиционной культуры и мировоззрения.

Четвертый блок выставки представлен образцами современных флажков *хий морин* (бурят.), или *лунгта* (тиб.), которые демонстрируют разнообразие молитвенных флагов в современной буддийской традиции. Для организации данного выставочного проекта была проведена полевая этнографическая работа по сбору образцов *хий морин* из десятка бурятских дацанов, где до сих пор сохраняется ксилографическая традиция, состоялись беседы с ламами – хранителями знания. В результате было описано ритуальное значение элементов флагов, правила изготовления и освящения *хий морин*, записаны устные предания, связанные с традицией ритуальных флагов в буддизме. В результате исследования систематизированы сведения о символике флажков, мантр и божеств, правила изготовления и освящения *хий морин*, календарные особенности их вывешивания (благоприятные дни по лунному календарю), собраны образцы *хий морин* из разных дацанов, демонстрирующие локальные стилистические различия.

Изображения с *хий морин* делятся на флаги среднего формата – *дарцок* (тиб. *darlcog*) и большого – *лунта газук* (от тиб. *rlung-rta*), предназначенные для вывешивания на открытом воздухе (на горах, у святилищ, монастырей, на перевалах). Все они отличаются по своему формату, композиционной насыщенностью, но объединяет их одно – обязательное присутствие пяти основных персонажей – коня, «четырех могущественных», а также мантр триаде божеств «Ригсум Гомбо». Важной составляющей визуальных кодов молитвенных флажков *хий морин* является лошадь, которая обозначает жизненную силу человека. Как отмечает Р. Бир, «ветер-конь несет в своем седле драгоценность, исполняющую желания драгоценность чакравартина, которая распространяет мир, благополучие и гармонию всюду, где появляется» [2011: 65].

Ключевым художественным акцентом экспозиции стали работы студентов и магистрантов кафедры декоративно-прикладного искусства ФГБОУ ВО «ВСГИК»: из фондов кафедры ДПИ и выставочного центра представлены деревянные резные скульптуры и панно, воплощающие образы персонажей-символов *хий морин*. Эти произведения не просто украшают пространство – они демонстрируют преемственность традиционных техник резьбы.

Также в рамках выставочного проекта реализована инсталляция с флажками *хий морин* из различных дацанов, имитирующая эффект их развевания на ветру. На церемонии открытия представлено живое исполнение на *морин хууре* – традиционном смычковом музыкальном инструменте, занимающем значимое место в музыкальной культуре монгольских и бурятских народов. Был организован мастер-класс по ксилографии под руководством профессионального художника Михаила Зомонова с использованием деревянной матрицы с логотипом ЦВРК ИМБТ СО РАН, изготовленной эксклюзивно для данного выставочного проекта.

Таким образом, выставка «Где скачут кони ветра: ксилография буддийских молитвенных флагов» выступает важной площадкой для изучения визуальных кодов буддизма. Посредством демонстрации технологических приемов ксилографии, анализа канонической иконографии и раскрытия социокультурной функции молитвенных флагов экспозиция комплексно репрезентирует многомерность буддийской традиции. Проект убедительно показывает, что молитвенные флаги выступают не просто декоративными элементами, а сложной многоуровневой системой визуальных кодов, несущих религиозно символическую нагрузку.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Памятники письменности истории и культуры народов России и Внутренней Азии: источниковедческие исследования и создание базы данных») № 126020616774-8.

Литература

Асалханова Е. В. Буддийская коллекция живописи и графики Национального музея Усть-Ордынского Бурятского округа / Е. В. Асалханова // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Седьмые Доржиевские чтения. – СПб., 2018. – С. 22–32.

Базаров А. А. Коллекция предметов буддийского изобразительного искусства (танка, цакли) ИМБТ СО РАН как объект изучения ежедневных визуальных практик буддистов бурят / А. А. Базаров // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 14. – Улан-Удэ, 2021. – С. 224–235.

Бальжурова А. Ж. Бурятские буддийские иконописцы конца XIX – начала XX в. (на материалах фонда Национального музея Республики Бурятия) / А. Ж. Бальжурова // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 4-1(80). – С. 18–21.

Бир Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов / Р. Бир; пер. с англ. Л. Бубенковой. – М.: Ориенталия, 2011. – 428 с.

Ванчикова Ц. П. Опыт выставочной деятельности Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН / Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшеева // Вестник Алтайского государственного педагогического университета: музееведение и сохранение историко-культурного наследия. – 2015. – № 24. – С. 111–113.

Герасимова К. М. Материалы о народных умельцах Оронгоя / К. М. Герасимова, Г. Л. Ленхобоев // Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2006. – С. 250–258.

Гомбоева А. Ш. Микро- и макрокосмос в буддийской иконописи (по материалам фондовой коллекции Музея истории Бурятии) / А. Ш. Гомбоева // Музей и краеведение: проблемы истории и культуры народов Бурятии. – Улан-Удэ, 1993. – С. 22–23.

Гомбоева М. И. Буддизм Аги: культурно-историческое наследие в контексте методологии «нового регионализма» / М. И. Гомбоева // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 18. – Улан-Удэ, 2025. – С. 60–69.

Иконография Ваджраяны: альбом / авт.-сост. Ц.-Б. Бадмажапов; под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. – М.: Дизайн. Информация. Картография, 2003. – 624 с.

Терентьев В. И. Религиозные практики кочевников Западной Монголии: обычай сэтэртэй мал у дербетов / В. И. Терентьев // Антропологический форум. – 2014. – № 22. – С. 191–211.

References

Asalhanova E. V. Buddijskaya kollekciya zhivopisi i grafiki Nacional'nogo muzeya Ust'-Ordynskogo Buryatskogo okruga / E. V. Asalhanova // Buddijskaya kul'tura: istoriya, istochnikovedenie, yazykoznanie i iskusstvo: Sed'mye Dorzhievskie chteniya. – SPb., 2018. – S. 22–32.

Bazarov A. A. Kollekciya predmetov buddijskogo izobrazitel'nogo iskusstva (tanka, cakli) IMBT SO RAN kak ob"ekt izucheniya ezhednevnyh vizual'nyh praktik buddistov buryat / A. A. Bazarov // Kul'tura Central'noj Azii: pis'mennye istochniki. Vyp. 14. – Ulan-Ude, 2021. – S. 224–235.

Bal'zhurova A. Zh. Buryatskie buddijskie ikonopiscy konca XIX – nachala XX v. (na materialah fonda Nacional'nogo muzeya Respubliki Buryatiya) / A. Zh. Bal'zhurova // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 4-1(80). – S. 18–21.

Bir R. Enciklopediya tibetskih simvolov i ornamentov / R. Bir; per. s angl. L. Bubenkovoj. – M.: Orientaliya, 2011. – 428 s.

Vanchikova C. P. Opyt vystavochnoj deyatel'nosti Centra vostochnyh rukopisej i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN / C. P. Vanchikova, M. V. Ayusheeva // Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: muzeevedenie i sohranenie istoriko-kul'turnogo naslediya. – 2015. – № 24. – S. 111–113.

Gerasimova K. M. Materialy o narodnyh umel'cah Orongoya / K. M. Gerasimova, G. L. Lenhoboev // Voprosy metodologii issledovaniya kul'tury Central'noj Azii. – Ulan-Ude, 2006. – S. 250–258.

Gomboeva A. Sh. Mikro- i makrokosmos v buddijskoj ikonopisi (po materialam fondovoj kollekcii Muzeya istorii Buryatii) / A. Sh. Gomboeva // Muzej i kraevedenie: problemy istorii i kul'tury narodov Buryatii. – Ulan-Ude, 1993. – S. 22–23.

Gomboeva M. I. Buddizm Agi: kul'turno-istoricheskoe nasledie v kontekste metodologii «novogo regionalizma» / M. I. Gomboeva // Kul'tura Central'noj Azii: pis'mennye istochniki. Vyp. 18. – Ulan-Ude, 2025. – S. 60–69.

Ikonografiya Vadzhrayany: al'bom / avt.-sost. C.-B. Badmazhapov; pod obshch. red. G. M. Bongard-Levina. – M.: Dizajn. Informaciya. Kartografiya, 2003. – 624 c.

Terent'ev V. I. Religioznye praktiki kochevnikov Zapadnoj Mongolii: obychaj setertej mal u derbetov / V. I. Terent'ev // Antropologicheskij forum. – 2014. – № 22. – S. 191–211.

УДК 294. 321 (517.3)
ББК 86.353.1
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-141-146

Л. Л. Абаева

САНДАЛОВЫЙ БУДДА (Зандан Жуу) В КОНТЕКСТЕ БУДДИЙСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ БУРЯТ. К 200-ЛЕТИЮ ЭГИТУЙСКОГОГО ДАЦАНА

В статье анализируется один из особенно специфических и значимых символов буддийской религиозной культуры бурят – знаменитая статуя Сандалового Будды (Зандан Жуу). Рассматриваются ее история и сакральные смыслы в современных конфессиональных устремлениях бурят, на протяжении длительного времени относящих себя к последователям и адептам буддизма.

Ключевые слова: Будда, статуя, сандаловое дерево, буряты, буддийские символы, сакрализация.

L. L. Abaeva

SANDAL BUDDHA (Zandan Zhuu) IN THE CONTEXT OF THE BUDDHIST WORLDVIEW OF THE BURYATS. TOWARD THE BICENTENNIAL OF THE EGITUYSKY BUDDHIST MONASTERY

The article once again analyzes one of the most specific and significant symbols of the Buryat Buddhist religious culture – the famous statue of the Sandalwood Buddha (Zandan Zuu), its history, significance, and meanings, which have acquired great historical importance and sacred meanings in the modern confessional aspirations of the Buryats, who have long considered themselves to be followers and adherents of Buddhism.

Keywords: Buddha, statue, sandalwood, Buryats, Buddhist symbols, sacralization.

Конфессиональная идентичность бурят тесно связана с буддийскими теориями и практиками. Она является ключевым элементом их самосознания, отражая причастность к идеям и ценностям буддизма, адептами которого они себя справедливо считают. Эта коллективная буддийская идентичность проявляется не только на индивидуальном уровне «я – буддист», но и на групповом – «мы – буддисты». Согласно законодательству Российской Федерации, религиозные группы и объединения – добровольные союзы граждан для совершения культовых действий при буддийских монастырях. В контексте религиозных воззрений и практик, а также совместного удовлетворения духовных потребностей могут находить выражение иные, не строго религиозные материальные и духовные нужды.

В связи с широко известным распространением буддизма среди монгольских народов (Монголия, Бурят-Монголия, Внутренняя Монголия КНР) появляется широкий спектр буддийских символов и объектов поклонения и почитания, в настоящее время считающихся уже традиционными и даже классическими. Мировоззрение бурят, исторически сформированное и даже в какой-то степени «оформленное» религией, его этические и эстетические представления, с одной стороны, становятся предметом философского размышления, а с другой – свидетельствуют о специфическом характере его социального и культурного кода. И здесь важную роль играет буддийская символика, в которой присутствуют аллегории, метафоры и легенды. Символ же, на наш взгляд, должен соединять в себе не только само понятие и образ, но и определенное содержание и различные, но вполне определенные смыслы.

АБАЕВА Любовь Лубсановна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: luba-abaeva@mail.ru.

Агиографические данные жизни и деятельности Будды Шакьямуни (Просветленного и Совершенного) как основателя мировой религии достаточно широко, в различных вариациях и в полном разнообразии представлены в мировой литературе.

Трудно подсчитать степень религиозности и религиозных знаний представителей бурятского этноса как в прошлом, так и в настоящем. Любые социологические изыскания в лучшем случае выдают лишь поверхностные данные. Кроме того, такие категории, как буддийская космология (картина мира), мифология, философия, антропология, этика и эстетика, искусство, вряд ли столь популярны среди представителей этнических бурят. Однако в исторических процессах эволюции буддийских идей и практик среди бурят присутствуют исторические легенды о статуе Будды, хотя есть абсолютное мнение, что при жизни Будды не могло быть даже его изображения в любом виде.

В связи с этим обратимся к одной из довольно популярных исторических легенд: «Более 2500 лет назад тогдашний владыка Тибета, узнав, что скоро Будда уйдет из этой жизни, захотел сделать его скульптуру и дал это знать самому Будде. Тогда Будда в состоянии глубокой медитации перенесся на небеса Тушита, решив поделиться этим эпизодом со своей матерью Майей. Как утверждает источник, “самые известные ламы Земли мысленно обратились к нему с просьбой благословить появление статуи – Будда согласился. Лучшие мастера нашли черное сандаловое дерево, под которым Будда часто медитировал, срезали часть его и принесли к берегу реки Ганг. Будда явился в назначенный час. Но он источал столь яркий свет, что мастера не смогли смотреть на него, поэтому вырезали статую, глядя на отражение Будды в реке. Когда статуя была готова, она сама сделала семь шагов к Будде, и тот благословил ее правой рукой…”» [ГАРБ. Ф. 285. Оп. 1. Д. 135. Л. 108–109].

Существует символическая идея, что это и побудило Будду сделать следующее пророчество: статуя переместится на север, и там, где она будет находиться, следует ожидать расцвета буддизма. Можно верить или нет, но пророчество сбылось. И в цепочке тех событий, о которых пойдет речь далее, видимо, нет случайностей. За эти 2500 лет статуя медленно, но верно перемещалась и в результате все же оказалась на севере. Сначала, в IV в., монахи, спасая статую от междоусобных войн, перевезли ее в г. Куча в Центральной Азии. Затем она попала в Китай. Позже в качестве подарка ее перевезли в Тибет, а во времена Чингисхана – в Монголию. И везде, где появлялась статуя, «буддизм начинал процветать». Также есть история, связанная со статуей Зандан Жуу в Китае. Когда монахи монастыря покидали на ночь комнату, где она стояла, ее лицо было обращено туда, куда люди развернули статую, но каждое утро она неотрывно смотрела на север.

Говорят, статуя помнила предсказание Будды. Монахи решили эту проблему очень просто – вбили гвоздь в ногу скульптуры, чтобы удержать ее движение по полу. Исторически статуя была перевезена из Монголии в Китай, где она находилась до тех событий, с которых началась история ее передвижения.

В личной беседе известный буддолог Андрей Терентьев высказал мнение, что в традиции буддизма Махаяны имеются уточнения о том, что при жизни Будды было создано несколько скульптурных и живописных портретов. Однако до наших дней дошла только известная статуя Будды из сандалового дерева – Зандан Жуу, которая в настоящее время находится в Эгитуйском дацане. Это скульптура «в натуральную величину», т. е. «в полный рост» (а именно 2 м 18 см), сделанная из гошириш (разновидность сандалового дерева) по заказу раджи Уддияны на 38-м году жизни Шакьямуни. Впервые эта история зафиксирована в письменном виде в китайском переводе расширенной махаянской версии «Ануттара-никайи», сделанном тохарским монахом Дхармананди в 385 г. Устная легенда должна быть гораздо древнее, чем упомянутый год, поскольку уже во времена Кушанской империи появилась другая версия этой легенды, согласно которой создание статуи связано с раджой Прасенаджи, но не с Уддияной.

В 1901 г. в Эгитуйский дацан прибыла бесценная буддийская святыня – статуя Будды из сандалового дерева, известная как Зандан Жуу. Эта реликвия вывезена из Китая как трофей после подавления восстания «боксеров». Легенды гласят, что скульпту-

ра, сделанная 2500 лет назад по заказу раджи Уддияна, является первой в истории буддизма и, как утверждалось, единственной, изготовленной при жизни Будды. Согласно одной из версий, Зандан Жуу была доставлена в Еравнинский район благодаря невероятным усилиям соржо-ламы Эгитуйского дацана Гомбо Доржо Эрдынеева. По словам местных жителей, соржо-лама лично отправился в Китай, охваченный восстанием и чумой. Статуя была приобретена ламами дацана и доставлена на санях в Еравнинский аймак. Металлическая копия статуи была изготовлена по прибытии, а оригинал спрятан. По другой версии, статую вывезли бурятские казаки из монастыря, пострадавшего от пожара в Пекине после подавления восстания «боксеров».

Во время гражданской войны японские интервенционисты узнали о местонахождении Зандан Жуу, но монахи показали им только копию, и те ушли ни с чем. До 1935 г. статуя находилась в одном из дуганов Эгитуйского дацана и была предметом поклонения и почитания. Во время религиозных гонений и репрессий Сандаловый Будда был перевезен в Улан-Удэ и хранился в фондах Исторического музея в Улан-Удэ (ныне действующий Одигитриевский православный собор).

Эгитуйский монастырь (Дамчой Равжелинг, бурят. Эгитийн дацан, Эгитийн хийд) – буддийский монастырь (дацан) в Республике Бурятия, расположенный в 250 км к востоку от Улан-Удэ в Еравнинском районе, в 1,5 км к северо-западу от с. Эгита, на правом берегу р. Хара-Шибирь (правый приток Эгиты). Здесь находится святыня мирового буддизма – Сандал Будда (Зандан Жуу), являющаяся, согласно легенде, единственной прижизненной скульптурой Будды Шакьямуни.

Эгитуйский дацан был крупным центром буддизма – здесь проводились мистерии Цам. Он состоял из четырех дуганов. Вокруг главного храма, именуемого в русских исторических справках как соборный, Цогчен-дуган, располагались три дуган-сумэ – философский, медицинский и астрологический. В монастыре находилась типография с несколькими тысячами клише. Имелись ксилографические печатные доски для 10 наименований буддийских сочинений. Монастырь построен в 1820 г. на добровольно собранные пожертвования мирян. Официально признан в 1826 г. и считался филиалом Анинского дацана [Архив Эгитуйского дацана; ГАРБ. Ф. 285. Оп. 1. Д. 135. Л. 108].

Востоковед А. М. Позднеев писал, что Эгитуйский дацан был построен бурятами тайно, с разрешения бывшего Главного управления Бурятии 11 хоринских родов. В местной легенде утверждается, что «место для дацана искали почти три года. Один из старейшин рода Модхон харгана, слепой Уунтын Гэлен, три года обращался к астрологам разных дацанов. Он даже ездил в Монголию к Богдо-гэгэну. Все астрологи указывали на место на восточном берегу р. Маракты, в районе Хара-Шибирь. Деревья для будущего храма выбирали особенно тщательно. Слепой старец Уунтын Гелен определял их пригодность, “стуча по ним посохом”. В 1934 г. вокруг главного монастыря насчитывалось около 12 дуганов и 8 сооружений. Также внутри монастырского комплекса было 103 двора и 216 помещений. Для изготовления некоторых скульптур глину добывали из близлежащего оз. Ухэр-Нур, ценили за ее жирность и маслообразность. Эту глину использовали, так как она не трескалась при высыхании. Внутри главного храма были установлены четыре буддийских символа: Хурдэ, Майтрея, Аюша, Дара-Эхе. На территории монастыря ежедневно проводились занятия по буддийской философии в Дуган Чойре и медицине в Дуган Мамбе, а также мероприятия по организации молебствий, изготовлению святой воды – аршана и ароматов – адис». Именно здесь известный XXI Пандито хамбо-лама Мунко Цыбиков обрел уникальные знания целителя [Архив Эгитуйского дацана].

До репрессий и закрытия в Эгитуйском монастыре был зарегистрирован 41 высококвалифицированный лама. Также в нем числилось более 300 учеников-хувараков, постигавших, как написано в истории Эгитуйского дацана, «буддийские науки». В народе говорят, что, когда они (хувараки) шепотом произносили молитвы, было слышно на расстоянии 3 км. Трудно представить, но в этих «глушьях» в начале XIX в. существовала собственная типография. Однако монастырь славился не этим. Главной его достопримечательностью была и остается статуя Зандан Жуу [Там же].

В 1937 г. Эгитуйский дацан был закрыт и разрушен. Выписка из ГАРБ гласит: «Ликвидирован постановлением № 425 от 22 декабря 1937 года» [ГАРБ. Ф. 285. Оп. 1. Д. 131. Л. 3]. Вскоре постановлением Еравнинского аймачного РКП(б) от 5 марта 1938 г. возбуждено ходатайство о создании в здании дацана театра колхоза и передаче всего имущества бывшего Эгитуйского дацана в колхоз. Г. Д. Дабаев вспоминает: «Сколько статуй вывезли грузовиками и переплавили в печах Улан-Удэнского железорудного завода на цветных металлах, немыслимо… Вокруг монастыря росла черемуховая роща. Зачем их уничтожали?» Другие старики вспоминают, как «в детстве удивлялись, когда долина Эгиты до горизонта неожиданно стала белой. Но вместо снега люди с ужасом увидели множество разлетевшихся листов от ксилографов, хранившихся в монастыре. Кстати, подобную историю вспоминают многие очевидцы таких же событий из многих других регионов этнической Бурятии (Полевые исследования Л. Л. Абаевой в Еравнинском районе в 1993–1994 гг. (далее – ПМА)).

В конце 1980-х гг. благодаря усилиям Пандито хамбо-ламы Мунко Цыбикова статуя была возвращена адептам буддизма и вновь установлена в Эгитуйском монастыре. 25 сентября 1991 г. она была доставлена вертолетом в Эгитуйский дацан. По некоторым данным, скульптуру перевозили на автомобиле. Для буддийской святыни как символа веры было построено специальное здание в соответствии с современными требованиями хранения уникальных экспонатов, с поддержанием постоянного микроклимата. Дворец храма Сандалового Будды был освящен в 2008 г., внешние стены здания облицованы огнестойкой плиткой. Кстати, 22 апреля 2003 г. Буддийская традиционная сангха России приняла решение: «Утвердить в качестве буддийских святынь России: статую Зандан Жуу, Атлас тибетской медицины, нетленное тело Хамбо-ламы Даши-Доржи Итигелова» [Архив Эгитуйского дацана].

Напомним еще одну легенду: «1901 год. Ночное покрывало над огромным восточным городом освещают пожары. Улицы наполняются дымом и возбуждающим запахом пороха. Отовсюду слышны выстрелы, крики, стоны… Из горящего монастыря Сандань-Си несколько солдат осторожно достают огромный сверток и складывают его на припасы. На их широких темных лицах капля пота и радость, смешанная с тревогой. Это казаки 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска, оказавшиеся в Пекине во время Боксерского восстания, которые “следуют” предсказаниям Будды о его скульптурной эманации. Предсказание, которому почти 2500 лет!» [ГАРБ. Ф. 285. Оп. 1. Д. 132. Л. 125]. В настоящее время уже появились научные и популярные публикации на эту тему, требующие некоторых доказательств. Есть популярные журнальные и газетные материалы о казаках, спасших буддийскую святыню от огня. Имена людей, рискнувших жизнями ради спасения Зандан Жуу, известны. Это глава русской почты Гомбоев и Эрдени Соржо, лама Эгитуйского дацана... Статуя была надежно упакована и через две границы – китайскую и монгольскую – доставлена в Россию. Когда бесценный груз покидал Монголию, полицейские заинтересовались тем, что так надежно упаковано. И получили от сопровождающих ответ: это родственник, умерший от чумы. Больше вопросов не возникало [Там же].

Многовековые странствия Сандалового Будды подошли к концу. И лишь отверстие в ноге статуи (от гвоздя) напоминает о ее непростой судьбе. Но чудеса, говорят, продолжаются. Один из лам поведал автору этих строк, что статуя Зандан Жуу стоит, не касаясь поверхности постамента: между основанием статуи и постаментом свободно проходит нить. Все возможно в наших уникальных буддийских регионах! Адепты буддийских идей и практик, а также и миряне – последователи буддийских знаний – приезжают сюда издалека, чтобы поклониться «Будде Сандалу», попросить у него здоровья, долгой жизни себе и своим родственникам. И статуя помогает, в этом они более чем уверены [Архив Эгитуйского дацана].

При этом Сандаловый Будда, т. е. в данном случае его статуя, естественно, выступает в роли авторитетного и непогрешимого главного символа буддизма, важной, практически главной составной частью буддийского вероучения, в котором присутствуют и краткое, достаточно понятное и точное текстовое, знаковое или невербальное из-

ложение основ буддийской веры и ее основных канонов. Характерно также и то, что, являясь особой составной частью буддийской религиозной культуры, буддийские символы представляют собой достаточно давно сложившуюся константу и служат трансляторами буддийских традиций, при этом каждая религиозная и локальная традиция (территория или локус) в синхронном и диахронном срезах может трансформировать и адаптировать их в соответствии со своими более ранними религиозными символами, в целом не нарушая ни синтактику, ни семантику, ни прагматику этих семиотических систем.

Следует отметить, что буддизм не просто не трансформировал этническое самосознание бурят в широком его смысле, но, напротив, сохранил его и даже возвысил его, превратив в мировую религию, обогащенную опытом других народов Востока (индийцев, китайцев, тибетцев, уйгуров, монголов и т. д.), он развил бурятскую культуру. При этом буддийская символика органично вписала традиционные стандарты религиозной культуры последователей Великой степи. Буддийская религиозная и философская культура, а также ее символы имеют универсальную ценность для этнической Бурятии и остаются актуальными и сегодня [Герасимова 1980: 57–59].

Вызывает интерес тот факт, что, когда буддийские паломники из Бурятии приезжают в Индию, чтобы поклониться святыням, связанным с жизнью Будды Шакьямуни, тибетские монахи часто задают им один и тот же вопрос: «Перед тем как сюда приехать, посетили ли Вы Зандан Жуу у вас в Бурятии?» Если отвечают, что нет, то монахи разводят руками и добавляют: «Это величайшая святыня в мире, которая источает силу веры всему миру. Она находится у вас дома, и, если вы не почитаете ее, есть ли смысл ехать так далеко?» (ПМА).

Традиционная религиозная культура бурят, как и всех представителей монгольских народов, была синтезирована и ассимилирована буддийским культурно-религиозным комплексом. При этом он не только не нарушил их этническое сознание, а сохранил его и даже возвысил до уровня мировой религии, развил его дальше, обогатив его опытом других народов Востока и в то же время вобрав в себя традиционные нормы религиозной культуры новых адептов этой религии [Абаева, Бадмажапов, Дашиев 1998: 45–67]. Необходимо отметить, что в данном конкретном случае большую и достаточно активную роль сыграли ламы – представители Буддийской сангхи Восточной Сибири, значительные позиции которых сохраняли и продолжают сохранять в этой общности современная Традиционная буддийская сангха Российской Федерации, активные буддисты-миряне, просто миряне, а также существующий в современный период образ жизни этнических бурят.

Трудно определить, насколько полно и объемно общие фундаментальные понятия, категории и символы классической формы буддизма, распространившейся среди монгольских народов, нашли отражение в существующих на сегодняшний день религиозных реалиях бурятской и общемонгольской этносферы. Однако, будучи основными формами и главными организующими структурами в религиозной культуре, символы должны воспроизводить и, видимо, продолжают «производить» конкретные свойства и отношения универсального бытия и универсального познания в наиболее концентрированной квинтэссенцированной форме.

Таким образом, символ Сандалового Будды – неотъемлемая часть буддийского вероучения, он представляет собой краткое, понятное и точное изложение основ веры и ее канонов, выраженное в тексте, знаках или невербально. Являясь особой составной частью буддийской религиозной культуры, буддийские символы как важный элемент религиозной культуры и устоявшаяся константа служат трансляторами буддийских традиций, при этом каждая религиозная и локальная традиция (территория или локус) в синхронном и диахронном срезах может трансформировать и адаптировать их, сохраняя при этом их основное значение и смысл.

Статья выполнена в рамках государственного задания (проект «Трансляция и модернизация буддизма в контексте его единства и разнообразия в России, странах Восточной и Внутренней Азии») № 126020516675-9.

Примечания

I. Впоследствии он написал свою работу по четырем философским школам.

II. Третий Кьябдже Триджанг Ринпоче (Лобсанг Еше Тензин Гьяцо 1901–1981). Он был одним из наставников Далай-ламы XIV.

Источники и литература

Архив Эгитуйского дацана.

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. 285, оп. 1, д. 131, 132, 135.

Эгитуйский дацан [Электронный ресурс] // Официальный сайт Буддийской традиционной сангхи России. – Режим доступа: http://zandanzhuu.ru/?p=1153 (дата обращения: 29.05.2016).

Герасимова К. М. О некоторых аспектах ассимиляции добуддийских культов по тибетским обрядникам / К. М. Герасимова // Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. – С. 54–81.

Abaeva L. L. Buddhism in Buryatia / L. L. Abaeva, N. V. Abaev, Th. B. Badmazhapov, D. B. Dashiev et al.; ed. by N. V. Abaeva. – Ulan-Ude, 1998. – 76 p.

References

Arhiv Egitujskogo dacana.

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB): f. 285, op. 1, d. 131, 132, 135.

Egitujskij dacan [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Buddijskoj tradicionnoj sanghi Rossii. – Rezhim dostupa: http://zandanzhuu.ru/?p=1153 (data obrashcheniya: 29.05.2016).

Gerasimova K. M. O nekotoryh aspektah assimilyacii dobuddijskih kul'tov po tibetskim obryadnikam / K. M. Gerasimova // Buddizm i srednevekovaya kul'tura narodov Central'noj Azii. – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1980. – S. 54–81.

Abaeva L. L. Buddhism in Buryatia / L. L. Abaeva, N. V. Abaev, Th. B. Badmazhapov, D. B. Dashiev et al.; ed. by N. V. Abaeva. – Ulan-Ude, 1998. – 76 p.

УДК 016
ББК 78.5
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-147-152

Л. Л. Кушнарева

ИМБТ СО РАН – 100 ЛЕТ. РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ИЗДАНИЯ БУРЯТСКОГО ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК СО АН СССР (БИОН) И БУРЯТСКОГО ИНСТИТУТА ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК СО АН СССР (БИЕН). Ч. III*

В статье представлена библиография изданий двух крупных подразделений Бурятского филиала СО АН СССР – Бурятского института общественных наук СО АН СССР (БИОН) и Бурятского института естественных наук СО АН СССР (БИЕН) за 1973–1976 гг.

Ключевые слова: ИМБТ СО РАН, Бурятский институт общественных наук, Бурятский институт естественных наук, библиография изданий, научная литература.

L. L. Kushnareva

IMBT SO RAN – 100 YEARS. RESULTS OF SCIENTIFIC ACTIVITY. PUBLICATIONS OF THE BURYAT INSTITUTE OF SOCIAL SCIENCES OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES (BION) AND THE BURYAT INSTITUTE OF NATURAL SCIENCES OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES (BIEN). PART 3

The article presents a bibliography of publications of two large divisions of the Buryat branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences – the Buryat Institute of Social Sciences of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences (BION) and the Buryat Institute of Natural Sciences of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences (BIEN) for 1973–1976.

Ключевые слова: IMBT SB RAS, Buryat Institute of Social Sciences, Buryat Institute of Natural Sciences, bibliography of publications, scientific literature.

Издания Бурятского института общественных наук СО АН СССР (БИОН) и Бурятского института естественных наук СО АН СССР (БИЕН)

1973

Бажеев Д. Г. Очерки истории Тимлюйских цементного и шиферного заводов / Д. Г. Бажеев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. – 88 с.

Бурятские народные сказки. Волшебно-фантастические = Буряад арадай онтохонууд. Шэдитэ онтохонууд / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук; сост.: Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров; под общ. ред. Е. В. Баранниковой. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. – 462 с.

Исследования и материалы по истории Бурятии: сб. ст. / отв. ред. П. Т. Хаптаев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1973. – 174 с. – (Труды Бурятского института общественных наук. Серия историческая. Выпуск 20).

КУШНАРЕВА Людмила Леонидовна – кандидат филологических наук, начальник Научной библиотеки, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: makosh76@mail.ru.

* Продолжение. Начало см.: Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2026. – № 1(61). – С. 147–152.

Микроэлементы в биосфере и применение их в сельском хозяйстве и медицине Сибири и Дальнего Востока: доклады IV Сибирской конференции, 11–14 июля 1972 г., г. Барнаул / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Улан-Удэ, 1973. – 549 с.

Тулохонов М. И. Бурятские исторические песни / М. И. Тулохонов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. – 244 с.

Филологические записки / отв. ред. Ц. Б. Цыдендамбаев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1973. – 172 с. – (Труды Бурятского института общественных наук. Выпуск 19).

Шубин А. С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья. XVII–XX вв. / предисл. проф. Е. М. Залкинда; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. – 108 с.

Эколого-биологическая и хозяйственная характеристика степных и луговых растительных сообществ Забайкалья: материалы научно-практической конференции по лугопастбищным растениям Забайкалья (г. Улан-Удэ, 7–9 июля 1971 г.) / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Улан-Удэ, 1973. – 320 с.

Элиасов Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. 3: Локальные песни / Л. Е. Элиасов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1973. – 495 с.

Эпическое творчество народов Сибири: тезисы докладов научной конференции (г. Улан-Удэ, 17–20 июля 1973 г.) / отв. ред. Д. Д. Лубсанов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Научный совет по фольклору. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Институт общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР. – Улан-Удэ, 1973. – 96 с.

1974

Балханов Г. И. Устная пропаганда и ее эффективность / Г. И. Балханов; отв. ред. Д. Д. Лубсанов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 114 с.

Бардаханова С. С. Бурятские сказки о животных / С. С. Бардаханова; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 152 с.

Басаева К. Д. Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят (по материалам Аларского и Ольхонского районов Иркутской области) / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 114 с.

Бурятский бытовой орнамент: [коллекция рукописного фонда Института общественных наук] / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. Рукописный отдел. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 61 с.

В братской семье народов: материалы конференции 30–31 мая 1973 г. / отв. ред. А. А. Бадиев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 495 с.

Голубев Е. А. Радио и его аудитория (опыт конкретно-социологического изучения аудитории радиослушателей Бурятской АССР) / Е. А. Голубев; отв. ред. Д. Д. Лубсанов / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 52 с.

Из опыта конкретно-социологических исследований: сб. ст. / отв. ред. Д. Д. Лубсанов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1974. – 158 с. – (Труды Бурятского института общественных наук. Серия социологическая. Выпуск 21).

Исследования и материалы по Монголии: сб. ст. / отв. ред. Д. Д. Лубсанов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 231 с. – (Труды Бурятского института общественных наук. Выпуск 23).

Копылова В. И. Фонетическая система говора семейских Красночикойского района Читинской области / В. И. Копылова; отв. ред. Н. А. Цомакион; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 82 с.

Кудрявцев Ф. А. Бурят-монгольское научное общество имени Доржи Банзарова (из истории краеведения в Бурятии) / Ф. А. Кудрявцев // В братской семье народов: сб. / под ред. А. А. Бадиева, А. Л. Пастернака, Д. Ц. Цыремпилон; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ, 1974. – С. 140–146.

Народная поэзия рабочих Сибири / сост., вступ. ст. и примеч. Л. П. Кузьминой; под ред. Л. Е. Элиасова; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 260 с.

Очерки истории культуры Бурятии: в 2 т. Т. 2: Советский период / под общ. ред. Д. Д. Лубсанова; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 646 с.

Паликова А. К. Рукописные журналы Восточной Сибири 900-х годов / А. К. Паликова; отв. ред. А. И. Уланов / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 70 с.

Петрович П. И. Низинные торфяные почвы Бурятии / П. И. Петрович; отв. ред. И. Н. Скрынникова; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 139 с.

Почвы бассейна озера Байкал и пути их рационального использования / ред. кол.: Е. И. Коробцев и др.; Академия наук СССР. Научный совет по проблемам почвоведения и мелиорации почв. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук, Всесоюзное общество почвоведов. Бурятское отделение. – Улан-Удэ, 1974. – 303 с.

Продуктивность наземных фотосинтезирующих систем в экстремальных условиях: тезисы докладов Всесоюзного симпозиума (3–5 июля 1974 г.) / ред. кол.: М. В. Ефимов (отв. ред.) и др.; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Улан-Удэ, 1974. – 120 с.

Рабочий класс и крестьянство национальных районов Сибири / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт истории, филологии и философии, Институт общественных наук. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. – 174 с.

Русский фольклор Сибири / отв. ред. В. И. Рассадин; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 184 с. – (Труды Бурятского института общественных наук. Вып. 22).

Уланов А. И. Древний фольклор бурят / А. И. Уланов; отв. ред. М. Тулохонов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 176 с.

Художественная обработка металла в Бурятии / отв. ред. В. Ц. Найдаков; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 92 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII – I половина и середина XVIII вв.): Маньчжурская экспансия и борьба монголов за свободу и независимость родины / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 91 с.

Шагдаров Л. Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка / Л. Д. Шагдаров; отв. ред. В. И. Рассадин; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 346 с.

Этнографический сборник. Выпуск 6 / отв. ред. Н. В. Ким; Бурятский институт общественных наук СО АН СССР. – Улан-Удэ, 1974. – 245 с. – Содержание: Мельхеев М. Н. Карты расселений и перемещения бурятских родоплеменных групп по данным топо- и этнонимики (с. 3–27). – Басаева К. Д. Традиционные обычаи и обряды западных бурят, связанные с рождением и первыми годами жизни ребенка (с. 28–43). – Шубин А. С. К вопросу об этнографических особенностях в материальной культуре эвенков Севера Бурятии (с. 44–49). – Дамдинов Д. Г. Закаменские (армакские) хамниганы (с. 50–55). – Болонев Ф. Ф. Хозяйственные и бытовые связи семейских с местным и пришлым населением Бурятии в XIX и начале XX века (с. 56–66). – Кузнецов В. И. Аларские события (с. 67–84). – Шмулевич М. М. К истории крестьянской колонизации и возникновения русских сел в Западном Забайкалье в XVIII – первой половине XIX века (с. 85–97). – Машанова Л. В. Из истории промыслов Забайкалья конца XVII – начала XVIII века (с. 98–106). – Ким Н. В. К биографии Доржи Банзарова (с. 107–121). – Лосева Э. Г. К вопросу о двуязычии у бурят (с. 122–129). – Жалсараев Л. Д. Некоторые предварительные итоги исследований национального самосознания подростков в национально-смешанных семьях (с. 130–138). – Плишкина А. А. О культурной жизни современного села (по материалам Бурятской АССР) (с. 139–143). – Беликов В. В. Социально-профессиональный состав работников совхоза «Кижингинский» (с. 144–149). – Мотицкий В. П. Социалистические преобразования и массовый отход русского (семейского) населения Забайкалья от религии (1923–1937 годы) (с. 150–162). – Кравцов В. Т. Троицкосавская большевистская организация в борьбе против белогвардейцев и интервентов (август 1918 – март 1920 г.) (с. 163–176). – Ивашина Л. Г. Материалы к археологии Еравнинской котловины Бурятской АССР (с. 177–197). – Коновалов П. Б. О погребальном обряде хунну (с. 198–199). – Коновалов П. Б. Раскопки курганов хуннской знати в Ильмовой пади (с. 200–133). – Хамзина В. А. Ранние погребения в Онкулях (долина реки Баргузин) (с. 234).

1975

Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. / И. А. Асалханов; отв. ред. И. М. Занданов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Новосибирск: Наука, 1975. – 267 с.

Библиография бассейна озера Байкал. Фауна млекопитающих (1773–1972 гг.) / сост.: Р. Т. Матурова, М. Т. Смирнов, М. А. Шаргаев и др.; ред. В. Н. Скалон, М. А. Шаргаев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. Лаборатория зоологии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. – 111 с.

Буинов А. Н. Диагностические алгоритмы / А. Н. Буинов; отв. ред. В. Н. Четвериков; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. – 130 с.

Бураев И. Д. Атлас звуков бурятского языка / И. Д. Бураев, Т. П. Бажеева, Е. С. Павлова; отв. ред. В. И. Рассадин; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. – 69 с.

Бурятский фольклор / отв. ред.: А. И. Уланов, Л. Д. Шагдаров; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1975. – 94 с. – (Труды Бурятского института общественных наук. Выпуск 24).

Декабристы о Бурятии: статьи, очерки письма / сост. В. Б. Бахаев; отв. ред.: П. Т. Хаптаев, С. Ф. Коваль; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. – 232 с.

Зоологические исследования в Забайкалье / отв. ред. А. Г. Богданов. – Улан-Удэ, 1975. – 264 с. – (Труды Бурятского института естественных наук / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. Выпуск 13) (Серия зоологическая. Выпуск 1).

Плишкина А. А. Повышение культурного уровня и улучшение условий быта сельского населения Бурятии (1959–1970 гг.) / А. А. Плишкина; отв. ред. Г. Л. Санжиев; Ака-

демия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. – 90 с.

Янданов А. Г. Повышение культурно-технического уровня колхозного крестьянства Бурятии (1929–1937 гг.) / А. Г. Янданов; отв. ред. Г. Л. Санжеев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. – 116 с.

1976

Бурятские народные сказки. Волшебно-фантастические и о животных = Буряад арадай онтохонууд. Шэдитэ ба амитад тухай онтохонууд / сост.: Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 447 с.

Имехелова С. С. Образ рабочего в современной советской драматургии 70-х гг. / С. С. Имехелова; отв. ред. В. Ц. Найдаков; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ, 1976. – 50 с. – Препринт.

Исследования в области физики конденсированного состояния вещества / отв. ред. А. В. Булгадаев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Улан-Удэ, 1976. – 198 с. – (Труды Бурятского института естественных наук. Выпуск 16) (Серия физики).

К столетию со дня рождения профессора Г. Ц. Цыбикова: материалы научной конференции и статьи / гл. ред. А. П. Окладников; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 226 с. – Библиография изданных трудов и рукописей Г. Ц. Цыбикова: С. 215–218. – Библиография литературы о Г. Ц. Цыбикове: С. 219–225.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники) / П. Б. Коновалов; отв. ред. Е. М. Залкинд / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 231 с.

Лангтхабы и их корригирование: острые заболевания органов брюшной полости / Б. Д. Бадараев, Э. Г. Базарон, М. Д. Дашиев, Т. А. Асеева, С. М. Баторова; отв. ред. Б. В. Семичов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 139 с.

Лесная мелиорация эродированных почв / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук, Всесоюзное общество почвоведов. Бурятское отделение; отв. ред. Х. Р. Будаев, Г. М. Иванов. – Улан-Удэ, 1976. – 159 с.

Матвеева Р. П. Творчество сибирского сказителя Е. И. Сороковикова-Магая / Р. П. Матвеева; отв. ред. Л. Е. Элиасов / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние, 1976. – 190 с.

Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Выпуск 6: Исследование по истории и филологии Центральной Азии / отв. ред. Г. Н. Румянцев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 153 с. – (Труды БИОН СО АН СССР / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский институт общественных наук. Выпуск 27. Серия востоковедения). Аннотация: В сборник научных статей (альманах) включены статьи, посвященные истории и филологии Центральной Азии, буддизму, истории и культуре Монголии, Индии, Тибета и Средней Азии. Альманах включает в себя три раздела: «Статьи», «Материалы и сообщения» и «Критика и биография». Выпуски 1 и 4 вошли в серию «Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института.

Найдаков В. Ц. Традиции и новаторство в бурятской советской литературе / В. Ц. Найдаков; отв. ред. А. И. Уланов / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 425 с.

Окладников А. П. История и культура Бурятии: сб. ст. / А. П. Окладников; предисл. Д. Лубсанова и В. Ларичева; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 458 с.

Ономастика Бурятии / ред. кол.: В. И. Рассадин, Ц. Б. Цыдендамбаев, Л. Д. Шагдаров; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1976. – 249 с. – (Труды Бурятского института общественных наук. Серия языковедческая. Выпуск 26).

Сибирский фонетический сборник / отв. ред. В. М. Наделяев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1976. – 178 с. – (Труды Бурятского института общественных наук. Серия языковедческая. Выпуск 29).

Соктоев А. Б. Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода / А. Б. Соктоев; отв. ред. В. Ц. Найдаков; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 491 с.

Хомонов М. П. Бурятский героический эпос «Гэсэр»: эхирит-булагатский вариант / М. П. Хомонов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 187 с.

УДК 655.552 + 141.3 + 294.321
ББК 63.3 + 87.5
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-153-155

М. В. Орбодоева

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Рец. на мон.: Урбанаева И. С. Человек у Байкала и мир Внутренней Азии: философская ретроспектива суперэтнической кочевой цивилизации / И. С. Урбанаева. – Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025. – 402 с.

M. V. Orbodoeva

PHILOSOPHY OF THE HISTORY OF THE BAIKAL REGION

Review of the book: Urbanaeva Irina S. The Baikal Region and the World of Inner Asia: A Philosophical Reflection on the History of the Superethnic Nomadic Civilisation. / I. S. Urbanaeva. – Ulan-Ude: IMBTS SB RAS, 2025. – 402 p.

В 2025 г. вышла в свет монография доктора философских наук Ирины Сафроновны Урбанаевой «Человек у Байкала и мир Внутренней Азии: философская ретроспектива суперэтнической кочевой цивилизации». Объектом философского исследования стала суперэтническая история Байкальского региона. Автор раскрывает человеческую содержательность истории Байкальской Азии, рассматривая ее сквозь призму цивилизационного подхода, как часть более глобального и единого мира кочевников Внутренней Азии, раскрывая особенности их традиционного мировоззрения, экологии, этики межличностных и международных отношений, тэнгрианства и буддизма.

Монография состоит двух частей, каждая из которых делится на главы и параграфы. Первая часть монографии является новой авторской редакцией ранее опубликованного труда автора [Урбанаева 1995] с дополнениями и исправлениями.

Автор всесторонне рассматривает поставленную проблему и, опираясь на обширный материал письменных источников, данных историографии, археологии, этнологии, фольклористики, религиоведения, буддологии, сравнительной философии, развивает оригинальный междисциплинарный подход к философскому анализу истории Байкальского региона (Байкальской Азии) как органической части Внутренней Азии и, анализируя полидисциплинарный материал, представляющий события, факты и различные аспекты этой истории на протяжении двухтысячелетнего периода, доказывает, что мир кочевников Внутренней Азии, начиная с хуннского периода, развивался, сохраняя мировоззренческую, социокультурную, нравственную преемственность при смене государственной власти, правящей династии и названий кочевых государств.

И. С. Урбанаева отмечает, что это была великая суперэтническая цивилизация, равновеликая с китайской и разделявшая с нею некоторые мировоззренческие особенности, характерные для азиатских цивилизаций, но при этом отличавшаяся от китайской цивилизации по типу мировоззрения, системе ценностей, психологии и этике межличностных и международных отношений, политических, правовых, экологических традиций. Автор использует для характеристики суперэтнической кочевой цивилизации такие концепты, как:

– специфическая оседлость кочевого мира – в силу особенностей мироощущения степные народы были привязаны к определенной местности, территории. Название ме-

ОРБОДОЕВА Марина Валерьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: orbodoevamv@yandex.ru.

ста жительства в истории кочевников имело столь большое значение, что многие из них остались известными под названиями своего местожительства [Урбанаева 2025: 43];

– экоэтика – охватывала ту культуру саморегуляции внутренней жизни степных социумов, которая сформировалась на базе своеобразного мировоззрения – тэнгрианства, имеющего экофилософский характер. Эта особая ценностно-нормативная система базировалась на идее автохтонности, соприродности человека, а также теории постоянной, повседневной связи мира физического, трехмерного, со сверхфизическим, сверхчувственным миром. С этим представлением было связано и отношение к времени, которое мыслилось как тройственная реальность прошлого, настоящего и будущего, где прошлое и будущее обладают модусом существования наряду с настоящим [Там же: 83];

– идеология родства – понятие родства имело для человека конституирующее, фундаментальное значение. Поэтому отношения родства воспринимались не как чисто природные, кровнородственные отношения, а через идеологию родства [Там же: 54].

Особое внимание в книге уделено анализу суперэтнических истоков и суперэтнического наследия монгольского мира, а также «пути Чингисхана», тэнгрианской семантике его власти и духовной миссии.

Автор сравнивает значение Чингисхана как великого философа и реформатора кочевой цивилизации Внутренней Азии и со значением Конфуция для Китая, Вл. Соловьева – для России, Р. Эмерсона – для США [Там же: 194]. Автохтонная монгольская духовность оказывается родственной другим азиатским формам духовного развития, в частности ведической традиции и классической йоге. При анализе этических и психологических аспектов монгольского завоевания автором подчеркивается необходимость более корректной его интерпретации, особенно пересмотра устоявшихся, но во многом ошибочных представлений о «татаро-монгольском иге».

Во второй части монографии «Тэнгэрианство и буддизм – духовная основа кочевой цивилизации Внутренней Азии» особое место отводится рассмотрению традиционных верований и религиозной практики кочевых народов, представленных главным образом двумя ключевыми направлениями: тэнгрианством и буддизмом. Эти религии являются важной частью самоидентификации и коллективного сознания кочевых сообществ Внутренней Азии, оказывая значительное влияние на их историческое развитие и взаимоотношения с окружающим миром.

Автор проводит глубокий анализ традиции тэнгрианства, основанный на исторических, этнографических и эзотерических подходах, и показывает значение ключевых понятий и символов, связанных с духовным Небом – Тэнгэри как высшим началом, источником мудрости и вечности в культуре монгольских и тюркских народов.

Ирина Сафроновна связывает религиозные представления с философскими и эзотерическими системами мировой традиции, что делает материал актуальным не только в контексте религиоведения, но и для общего понимания универсальных понятий. Автор показывает, что концепция Тэнгэри содержит сложный философский пласт, уходящий корнями в древние мифы, шаманские практики и мировую эзотерику. При этом внимание уделяется исторической эволюции понятия, его роли в культовой жизни монгольских и бурятских народов, а также его связь с мировоззрением, формировавшимся на протяжении тысячелетий.

Особый интерес вызывает большое количество примеров шаманских обрядов и мистерий из материалов различных этнографических и фольклорных экспедиций ИМБТ СО РАН, хранящихся в ЦВРК ИМБТ СО РАН, а также собственных полевых материалов, на основе которых автор делает вывод, что «…бурятские мистерии – и шуумар, и найгуур, по какому бы конкретному поводу – того или иного заяана – они ни устраивались, имели некий архетипический смысл, восходящий к небесной по происхождению способности заяа. Не случайно во всех заяаиских заклинаниях рефреном проходит выражение “буулай”, т. е. “сошел сверху – с неба”. И хотя истории разных заяанов были связаны с разными местностями, места, где происходит сошествие свыше нового заяана, это, как правило, особые места. Таким совершенно уникальным местом, согласно шаманским призываниям, является Ольхон, где на землю, по бурятским пре-

даниям, впервые сошли многие сыновья тэнгриев, ставшие божествами-покровителями бурят-монголов, а также заяаны» [Урбанаева 2025: 286].

Исследуя буддийскую традицию в контексте межцивилизационного взаимодействия, автор подчеркивает ее универсальность и потенциал для объединения разных народов и культур.

Особое внимание уделено внутреннему миру монгольских и тибетских народов, их взглядам на историю и духовное пространство. В этом контексте выделяется важность разных подходов к осмыслению прошлого – «внешнего» научного и «внутреннего», традиционного, что позволяет понять особенность коллективных исторических нарративов и менталитета.

Ирина Сафроновна подчеркивает роль буддийской концепции истории, включающей восприятие событий с «обычных» и «необычных» точек зрения, что открывает богатую философскую и духовную перспективу для понимания исторических процессов. Это важное дополнение к современному научному взгляду, так как показывает, насколько глубоко буддизм интегрирован в восприятие исторического времени и коллективной памяти народов.

Данная монография содержит идеи и выводы, являющиеся новаторскими для философской науки и представляющими несомненный интерес для мировой номадологии. Она, безусловно, станет ценным источником для исследователей, занимающихся изучением исторических процессов и культурных особенностей кочевых цивилизаций Центральной Азии, а также для широкой аудитории, интересующейся этнологией, историей и культурой стран и регионов Внутренней Азии.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Трансляция и модернизация буддизма в контексте его единства и разнообразия в России, странах Восточной и Внутренней Азии») № 126020516675-9.

Литература

Урбанаева И. С. Человек у Байкала и мир Центральной Азии: философия истории / И. С. Урбанаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 287 с.

Урбанаева И. С. Человек у Байкала и мир Внутренней Азии: философская ретроспектива суперэтнической кочевой цивилизации / И. С. Урбанаева. – Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025. – 402 с.

References

Urbanaeva I. S. Chelovek u Bajkala i mir Central'noj Azii: filosofiya istorii / I. S. Urbanaeva. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 1995. – 287 s.

Urbanaeva I. S. Chelovek u Bajkala i mir Vnutrennej Azii: filosofskaya retrospektiva superetnicheskoj kochevoj civilizacii / I. S. Urbanaeva. – Ulan-Ude: Izd-vo IMBT SO RAN, 2025. – 402 s.

УДК 294.3
ББК 86.35
DOI 10.30792/2222-9175-2026-62-156-161

И. С. Урбанаева, З. А. Дебенова

ПРОСЛЕЖИВАЯ НИТИ...

I. S.Urbanaeva, Z. A. Debenova

TRACING THE THREADS...

На Международной научной конференции «Буддизм в условиях изменяющегося мира», проходившей в ИМБТ СО РАН 12–13 августа 2024 г. в рамках II Международного буддийского форума «Традиционный буддизм и вызовы современности», состоялись интересные и перспективные встречи с российскими и зарубежными коллегами-исследователями буддизма. В особенности интересным оказалось знакомство с буддологом из Гонконгского национального университета (The University of Hong Kong – HKU) – досточтимым Хин Хун Сик (ven. Hin Hung Sik) [I]. Он оказался не только ученым, но также буддийским монахом очень высокого ранга в традиции чань-буддизма: 45-м держателем линии преемственности, современным патриархом главной чаньской школы линцзи (Lingji School of Chan Buddhism, 臨濟宗) [II] и 10-м держателем линии преемственности (патриархом) Гуйянской школы чань (Guiyang School of Chan Buddhism, 溈仰宗) [III]. В молодости досточтимый Сик Хин Хун, получив степень бакалавра в области международного бизнеса и компьютерных наук в университете Орегона (1976), делал весьма успешную карьеру в сфере финансов, но на пике светской карьеры ему довелось прочитать «Алмазную сутру», и это перевернуло его жизнь: он встретился с великим чань-мастерами современности и стал держателем их наследия. Затем он получил степень магистра в области религиоведения в Лондонском университете (1994), окончил аспирантуру в Гонконгском национальном университете (HKU) в 2003 г. и в этом же университете создал более 20 лет назад Центр буддийских исследований, где около 9 лет был директором, а в настоящее время остается главным научным сотрудником, научным руководителем программ бакалавриата, магистратуры, аспирантуры.

Преподобный Сик Син Хун возглавляет исследовательскую группу университетской лаборатории «Буддизм и наука», которая зарекомендовала себя как центр передового опыта на международном уровне и опубликовала ряд высокорейтинговых научных статей в журналах, охватывающих области буддийской теории и практики. Например, в одном из их исследований электроэнцефалограммы (ЭЭГ) при медитации осознанности была выявлена корреляция между активностью мозга и сердечной активностью – первое объективное доказательство связи ума и сердца. Это новаторское открытие привлекло широкий интерес международного сообщества. Другая серия исследований, указывая на возможность применения религиозного пения для лечения аффективных расстройств, таких как депрессия и тревога, имеет важное клиническое значение. Результаты этой серии опытов были представлены на конференции «Буддизм в условиях изменяющегося мира» в презентации досточтимого Сик Хин Хуна «The Science of Repetitive Chanting of the Buddha's Name (Наука рецитации имени Будды). Эти экспериментальные данные, свидетельствующие об эффективности буддийских методов медитации, а также декламации мантр и рецитации имен Будды и бодхисаттв опубликованы в высокорейтинговых научных журналах. Таким образом, преподобный Хин Хун

УРБАНАЕВА Ирина Сафроновна – доктор философских наук, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: greentarabaikal@yandex.ru.

ДЕБЕНОВА Зинаида Анциферовна – младший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: debenova@gmail.com.

является одним из мировых лидеров взаимодействия буддизма с современной наукой и западной культурой, в особенности в направлении, называемом Dharma Therapy.

Участвуя на конференции в ИМБТ СО РАН в дни II Международного буддийского форума, проф. Сик Син Хун проявил интерес к сравнительным исследованиям науки и буддизма, в частности, квантовой физики и буддийской онтологии – этому был посвящен доклад И. С. Урбанаевой – и предложил сотрудничество. Это предложение было вызвано, прежде всего, тем, что И. С. Урбанаева является не только исследователем буддизма, но и буддийской монахиней: подобный феномен сочетания академического рационализма и монашества встречается крайне редко. В развитие этого предложения о сотрудничестве из Гонконгского университета в конце 2024 г. поступило приглашение принять участие в Международной научной конференции «Tracing the Threads – the Enduring Legacy of Buddhist Transmission» (Прослеживая нити – непреходящее наследие буддийской традиции). Она проходила 30–31 августа 2025 г. в Университете Гонконга и была посвящена 90-летию буддийского монастыря и образовательного учреждения Тун Лин Кок Юэн (Tung Lin Kok Yuen), учрежденного в 1935 г. леди Кларой Хо-Тунг и ее мужем сэром Робертом Хо-Тунг. Первоначально возникнув в качестве женского монастыря и школы, Тун Лин Кок Юэн в настоящее время является больше чем женским монастырем – это также известный центр буддийского образования, тесно сотрудничающий с Гонконгским национальным университетом и реализующий продвинутые исследовательские программы, а также социальные проекты по ментальному здоровью и консультированию населения.

Международная конференция, посвященная юбилею Тун Лин Кок Юэн, была организована Центром буддологических исследований (Center of Buddhist Studies) Гонконгского национального университета, и в ней по специальному приглашению приняли участие 17 исследователей, представлявших буддологию Австрии, Англии, Германии, Греции, Гонконга, материкового Китая (Пекинский, Ренмингский университеты), Непала, Нидерландов, России, Тайваня, Шри-Ланки, Японии, но, как это принято в современной академической сфере, имеющих опыт работы в разных университетах и научных учреждениях мира, а в настоящее время непосредственно или в плане сотрудничества связанных с HKU. Так, например, Центр буддологических исследований HKU привлекает к совместной работе таких крупнейших буддологов, как тибетолог Георгиос Т. Халкиас, держатель исследовательских грантов, должностей и стипендий Британской академии, Варбургского института, Университета Рура и др., автор множества книг и статей на различные темы, такие как история тибетских традиций Чистой Земли, индо-тибетские эзотерические традиции, гималайский буддизм, диалог эллинизма и буддизма. Он главный редактор Оксфордской исследовательской энциклопедии буддизма (the Oxford Research Encyclopedia of Buddhism).

Не менее выдающимся буддологом является тибетолог Клаус-Дитер Матес, до присоединения к HKU занимавший должность главы отделения Южной Азии, тибетологии и буддологии в Венском университете, автор таких значительных монографий, как «Прямой путь к Будде внутри: интерпретация Го Лоцавой «“Ратнаготравибхаги” в духе Махамудры» (A Direct Path to the Buddha Within: Gö Lotsāwa’s Mahāmudrā Interpretation of the Ratnagotravibhāga), (Wisdom, 2008); «Удачное сочетание Махамудры: сборника текстов Майтрипы о неконцептуальной реализации (Аманасикара)» (A Fine Blend of Mahāmudrā: Maitrīpa’s Collection of Texts on Non-conceptual Realization (Amanasikāra), Austrian Academy of Sciences Press, 2015). Кстати, проф. Матес и его команда в 2014 г. организовали конференцию Международной ассоциации исследований буддизма, в которой приняла участие И. С. Урбанаева. Это было очень масштабное научное мероприятие. Но по сравнению с такого рода большими научными событиями «камерная» конференция со специально приглашенными участниками, сотрудничающими с HKU, организованная в августе 2025 г. Центром буддологических исследований HKU, показалась нам более удачным форматом научных конференций.

Большинство докладчиков посвятили свои презентации текстологическим исследованиям трансмиссии буддизма – прослеживанию форм, линий преемственности, путей, времени и мест трансмиссии буддийских текстов. Среди докладчиков были такие

исследователи, как Матио Сальвини Дхармавардхана Джнянагарбха – ректор и декан факультета гуманитарных наук Международного буддийского колледжа, Непал; Кирилл Солонин – профессор Школы классической филологии Ренмингского университета Китая; досточтимый Сик Хин Хун – экс-директор и главный научный сотрудник Центра буддологических исследований Гонконгского национального университета; греческий буддолог Георгиос Т. Халкиас, получивший докторскую степень в области ориенталистики в Оксфорде, ныне – профессор и директор Центра буддологических исследований в HKU; Чэнь Мин – профессор и декан Школы иностранных языков Пекинского университета; Мей Чин-Сюань – доцент департамента буддологии Института гуманитарных наук «Дхарма Драм», Тайвань; шри-ланкийский буддолог Г. А. Сомаратне, ныне – старший преподаватель Центра буддологических исследований HKU; санскритолог и буддолог Генри Албери, получивший докторскую степень в Университете Людвига и Максимилиана в Мюнхене, ныне – постдокторский стажер в Университете Токио; известный германо-австрийский тибетолог и буддолог Клаус-Дитер Матес, защитивший докторскую диссертацию в Марбургском университете, ныне – профессор HKU; Катрин Харди, получившая степень PhD в Оксфорде, а ныне – доцент Центра буддологических исследований HKU. Большой интерес среди этой группы докладов для нас представляли лишь несколько.

Во-первых, доклад нашего соотечественника, петербургского синолога Кирилла Солонина, более 20 лет живущего и работающего в Пекине, в настоящее время – в Ренмингском университете Китая. Конечно, проф. Солонин поражает тем, что свободно владеет китайским, он и свой доклад, один из двух основных на этой конференции, сделал на путунхуа. Но в еще большей степени он вызывает уважение по той причине, что является редким специалистом по тангутскому буддизму, об истории которого не существует сохранившихся нарративов. В докладе «Texts and Lineages: Textual Clusters in Tangut Buddhism» (Тексты и линии преемственности: Текстуальные кластеры в тангутском буддизме) он подчеркнул, что тангутские буддийские тексты, сохранившиеся на тангутском, китайском и тибетском языках, дают редкую возможность проникнуть в реальный исторический процесс принятия буддизма тангутами, и помимо презентации состояния буддизма в Си Ся они могут также служить источником по его материнским традициям – на Центральной равнине или в Тибете. Поскольку имеется очень мало информации о том, какое на самом деле имела место трансмиссия буддизма в мир тантутов, Солонин предлагает в качестве «эвристического инструмента» концепцию «текстуальных кластеров», которая исходит из того, что множество тангутских текстов может быть ранжировано по группам в соответствии с их предметным содержанием. Эта же процедура в равной степени предлагается в отношении китайских и тибетских текстов. Такая первичная группировка сопровождается дальнейшим филологическим анализом, который может открыть нюансы трансмиссии и текстуального производства, участвующего в формировании определенного кластера. Выделение кластеров может, по его мнению, в определенной степени объяснить существование специфических линий трансмиссии, хотя, конечно, филологический анализ открывает лишь предметное сходство, но не обязательно предполагает генетические отношения между текстами. Он продемонстрировал возможности «кластерной» концепции на примере нескольких «текстуальных» кластеров.

Другой доклад, представлявший для нас эвристическую ценность, был сделан досточтимым Сик Син Хуном на тему «Pearls of Early Buddhist Wisdom: Tracing the Transmission of the Atthakavagga and Pārāyanavagga» (Жемчужины ранней буддийской мудрости: прослеживание передачи Аттахакавагги и Парайанавагги) [IV]. Основные идеи этого доклада заключались в том, что «Аттахакавагга» и «Парайанавагга» относятся к самым древним и глубоким учениям буддийского канона, предлагая структурированный путь к освобождению через не-двойственность и мудрость. Эти тексты, по его утверждению, не только формируют фундаментальные учения раннего буддизма, но также глубоко резонируют с махаянской мыслью, в особенности с традицией Праджняпарамиты. Само по себе сравнение этих источников с махаянской традицией не ново. Луис О. Гомез называл содержание этих текстов «прото-мадхьямикой в палийском ка-

ноне», подразумевая, что в них, как и в мадхьямике-прасангике, применяется скорее метод опровержения чужих воззрений, нежели утверждения собственных [Gomez 1976]. Т. Веттер, поддержав в целом эту идею Гомеза, уточнил, что она относится лишь к некоторым суттам из этих сборников, но не ко всем, и, более того, по его мнению, эти сутты имели добуддийское происхождение [Vetter 1988]. В отличие от этого, досточтимый Сик Хин Хун, исследуя историческую и текстуальную трансмиссию названных вагг, их роль в раннем буддийском сообществе, устойчиво сохраняющееся влияние на позднюю буддийскую философию, посредством анализа их структурированных учений и сравнения с «Махапраджняпарамиташастрой» [V] Нагарджуны пришел к выводу о непрерывности буддийской мысли, которая в то же время испытывает трансформации в разных традициях. По его мнению, концепция срединного пути, изложенная Нагарджуной, была предвосхищена в «Аттахакавагге» и «Парайанавагге».

Помимо текстологических исследований феномена трансмиссии буддизма, на конференции также прозвучали доклады, «выбивавшиеся» из общего русла и раскрывающие тему мероприятия в ином ключе. В качестве наиболее интересных для нас можно назвать несколько докладов. Так, доктор наук, старший преподаватель университета Лейден Берте Янсен (Berthe Jansen) представила доклад под названием «Ghoom monastery as a Tibetan Buddhist contact-zone: the Life and the Legacy of the Mongolian Lama Sherab Gyatso» (Монастырь Гхум как зона контакта тибетского буддизма: жизнь и наследие монгольского монаха Шераба Жамцо). Янсен является руководителем проекта по каталогизированию, оцифровке и изучению большой коллекции рукописных и ксилографических текстов на тибетском языке, собранной востоковедом Йоаном ван Маненом [VI]. Настоящая коллекция хранится в Кернском институте Университета Лейден, а проект по ее оцифровке получил спонсирование Европейского исследовательского совета. В рамках работы с коллекцией Янсен обнаружила короткую автобиографию основателя индийского монастыря Гум Шераба Жамцо (1821–1902) – видного религиозного и научного деятеля. Рукопись является единственным сохранившимся текстом на тибетском языке, написанным его рукой, а ее содержание помогает получить более широкое представление о деятельности настоятеля монастыря, его взаимодействиях с прочими буддийскими деятелями, представителями Британской империи и местными жителями. В своем докладе Янсен приходит к выводу, что монастырь Гум – один из первых по-настоящему международных институтов тибетского буддизма, где представители разных национальностей имели возможность изучать тибетский язык и тибетский буддизм.

Практическому применению постулатов буддийского учения в работе буддийских организаций был посвящен доклад Н. Эрнеста (N. C. H. Ernest) – специалиста по клинической психологии и осознанности, генерального директора сообщества Тун Лин Кок Юэнь в Канаде. В докладе «No mud, no lotus: the enduring legacy of compassion and wisdom in contemporary Buddhist organizations» (Без ила не будет и лотоса: непреходящее наследие сострадания и мудрости в современных буддийских организациях) Эрнест поделился результатами работы в качестве руководителя и участника крупных благотворительных организаций: Канадского сообщества монастыря Тун Лин Кок Юэнь, буддийской общины Plum Village в Труа, Франция, и Upaya Zen Center в Нью-Мехико, США. Автор доклада на основе анализа программ, способов организации управления и стратегических подходов данных организаций приходит к выводу, что их устойчивое развитие неразрывно связано с принципами сострадания и активного взаимодействия с сообществом, особенно в периоды кризисных ситуаций как внутри самой организации, так и вне ее. Эрнест также подчеркивает, что воплощение принципов четырех благородных истин в бизнесе может послужить одним из важнейших аспектов более широкого распространения учения Будды.

Продвижению буддийского учения в интернет-пространстве был посвящен доклад Кэтрин Харди (Catherine Hardie) – преподавателя Центра буддологических исследований Гонконгского университета. В своем сообщении под названием «The Golden Age of WeChat: Ephemerality, affect, and milieu-making in Dharma transmission» (Золотой век Вичата: эфемерность, воздействие и формирование сообщества в трансмиссии

Дхармы) она предлагает в качестве объекта исследования рассмотреть такие нематериальные и недолговременные проявления передачи учения Будды, как общее настроение аудитории, атмосфера и социальные «импульсы», которые являются неотъемлемой частью интернет-культуры. По мнению автора, подобные феномены, несмотря на свою эфемерность, делают Дхарму значимой для пользователей здесь и сейчас, пробуждая в людях положительные эмоции и ощущение причастности к сообществу. Материалами исследования послужили записи публичных аккаунтов в популярной китайской социальной сети WeChat в период ее расцвета – 2010-е гг. По мнению Харди, деятельность подобных аккаунтов имела большое влияние на создание интернет-сообщества последователей учения и распространение тибетского буддизма среди китайской аудитории, а ощущение причастности к сообществу, создаваемое в социальных сетях, является ключевым аспектом для истории распространения буддизма.

Доклады сотрудников ИМБТ СО РАН были посвящены вопросам распространения буддизма в России и адаптации буддийского учения в контексте бурятской культуры. Доктор философских наук И. С. Урбанаева сделала презентацию на тему «Buddhism in Russia: a look at its history, current status, and challenges» (Буддизм в России: взгляд на его историю, современное состояние и вызовы). Для ее аналитического подхода к пониманию истории буддизма в России является характерным видение «многомерности» и наличия определенных противоречий в процессах исторического распространения и утверждения индо-тибето-монгольской махаяны в условиях абсолютного доминирования в стране православной религии и противоречивой имперской политики России в отношении бурят-монголов. С ее точки зрения, особенности современного состояния буддизма в российских регионах его традиционного распространения (Бурятия, Калмыкия, Тыва) во многом детерминированы «наследием» имперского периода. Речь идет о том, что существовали две основные тенденции в истории буддизма в России, которые во многом не совпадали: с одной стороны, это стремление российских буддийских лидеров к распространению тибетской махаяны из аутентичных источников (Тибет, Монголия), с другой – это отвечавшее интересам империи утверждение автокефального статуса «буддийской церкви», являвшейся противоречивым религиозно-политическим институтом.

И. С. Урбанаева выделяет две основные модели в постсоветском возрождении буддизма в России, продолжающие данные тенденции. Так, в Калмыкии делается основной акцент на возрождение аутентичного буддизма при опоре на Его Святейшество Далай-ламу XIV и тибетский буддизм, в Буддийской традиционной сангхе России – на формирование «бурятского» буддизма и его автокефального института при опоре на идеи Пандита хамбо-ламы Д. Аюшеева. В докладе было также уделено внимание особой роли внеинституциональных форм буддизма в его истории и процессах современного возрождения.

В сообщении младшего научного сотрудника лаборатории «Центр переводов с восточных языков ИМБТ СО РАН» З. А. Дебеновой «Буддизм в Бурятии: историческая адаптация, синкретические практики и традиции почитания» дан краткий обзор процессов взаимодействия тибетского буддизма с ключевыми элементами локальных культур современной Республики Бурятия и этнической Бурятии: кочевым укладом, почитанием предков, шаманизмом и христинанством. Материалами исследования послужили бурятские письменные памятники, этнографические записи отечественных и зарубежных исследователей-бурятоведов. Эти явления наглядно иллюстрируют сложное и динамическое взаимодействие культурных практик, результатом чего стал уникальный религиозный ландшафт, в котором тибетский буддизм органично переплелся с автохтонными верованиями и кочевыми традициями, породив синкретические формы, не сводимые ни к одному из исходных компонентов.

По итогам работы конференции оргкомитет запланировал публикацию статей участников в рецензируемом сборнике, который выйдет в свет при издательстве Центра буддологических исследований Гонконгского национального университета.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проекты: «Трансляция и модернизация буддизма в контексте его единства и разнообразия в России, странах Восточной и Внутренней Азии» № 126020516675-9; «Традиционная письменная культура народов Внутренней Азии в системе духовных ценностей России» № 126020516671-1).

Примечания

I. В программе конференции данное имя записано как Sik Hin Hung, далее в статье мы придерживаемся этой формы.

II. Школа *линцзи*, основанная наставником Линцзи Исюанем (臨済義玄, ум. 867) в Китае в эпоху Тан, с X в. стала ведущей в чань-буддизме и считается одной из наиболее влиятельных чаньских школ. *Линцзи* получила распространение в Японии под названием *риндзай*, оказала влияние на девять горных школ корейского буддизма *сон*.

III. Школа *гуйян* (иногда произносится как *вэйян*) названа так в честь мастера Гуйшань Линъю (771–854) и его ученика Яншань Хуэйцзи (813–890). Она являлась одной из пяти первых ветвей чань. Во времена династии Сун (960–1279) школа *гуйян* вместе со школами *фаян* и *юньмэнь* была поглощена школой *линцзи*, но позднее *гуйян* была восстановлена мастером Сюанем, известным деятелем китайского буддизма XX в.

IV. «Атхакавагга» (Глава восьмерок) – сборник сутт в «Палийском каноне», считается одним из ранних произведений буддизма. Название текста объясняется тем, что многие сутты содержат по восемь стихов. «Параянавагга» (Путь к дальнему берегу) – сборник сутт в «Палийском каноне», содержащий записи бесед Будды с 16 брахманами, мастерами медитации, приведших их к просветлению. Некоторые исследователи считают, что этот сборник может быть самой старой частью буддийского канона. Оба сборника имеют малый объем и входят в «Сутта-нипату».

V. Этот трактат, приписываемый Нагарджуне, сохранился только в китайском переводе Кумарадживы. В индо-тибетской традиции главным среди трактатов Нагарджуны по мадхьямаке считается «Муламадхьямака-карики», существующий как на санскрите, так и на тибетском.

VI. Название проекта – «Locating Literature, Lived Religion, and Lives in the Himalayas: The Van Manen Collectio».

Литература

Gomez L. O. Proto-Mādhyamika in the Pāli canon / L. O. Gomez // Phylosophy East and West. – 1976. – No. 2(26). – P. 137–165.

Vetter T. The Ideas and Meditative Practices of Early Buddhism / T. Vetter. – Leiden: Brill, 1988. – XXXVII, 110 p.

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СО РАН

Научный журнал
№ 2(62)

Выходит 4 раза в год

Редактор, корректор *Г. В. Кашина, А. Е. Болонев*
Художник *Д. Т. Олоев*
Компьютерная верстка и макет – *А. Е. Болонев*

Редакционно-издательский отдел
Издательства ИМБТ СО РАН
Адрес: 670047 Республика Бурятия
г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии ИМБТ СО РАН
Адрес: 670047 Республика Бурятия
г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Подписано в печать 15.06.2026.
Дата выхода 25.06.2026.
Формат 70x100 1/16.
Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 13,2. Уч.-изд. л. 12,6.
Тираж 200. Заказ № 3.
Цена свободная.

publisher.bscnet.ru

ISSN 2222-9175

Улан-Удэ